

ЛУИ-АДОЛЬФ ТЬЕР

ИМПЕРИЯ

Луи-Адольф Тьер

**История Консульства и Империи.
Книга II. Империя. Том 4. Часть 1**

«Издательство Захаров»

1846–1850

УДК 82-94
ББК 82(3)Фр

Тьер Л.

История Консульства и Империи. Книга II. Империя. Том 4. Часть 1 / Л. Тьер — «Издательство Захаров», 1846–1850

ISBN 978-5-8159-1294-6

Луи-Адольф Тьер (1797–1877) – политик, премьер-министр во время Июльской монархии, первый президент Третьей республики, историк, писатель – полвека связывают историю Франции с этим именем. Автор фундаментальных исследований «История Французской революции» и «История Консульства и Империи». Эти исследования являются уникальными источниками, так как написаны «по горячим следам» и основаны на оригинальных архивных материалах, к которым Тьер имел доступ в силу своих высоких государственных должностей. Оба труда представляют собой очень подробную историю Французской революции и эпохи Наполеона I и по сей день цитируются и русскими и европейскими историками. Тем более удивительно, что в полном виде «История Консульства и Империи» в России никогда не издавалась. В 1846–1849 годах вышли только первые четыре тома – «Консульство», которое «Захаров» переиздало в новой литературной редакции в 2012 году. Вторая часть – «Империя» – так и не была издана! «Захаров» предлагает вам впервые на русском языке (с некоторыми сокращениями) – через полтора века после издания во Франции! – это захватывающее чтение в замечательном переводе Ольги Вайнер.

УДК 82-94
ББК 82(3)Фр

ISBN 978-5-8159-1294-6

© Тьер Л., 1846–1850

© Издательство Захаров, 1846–1850

Содержание

XLVIII	7
XLIX	54
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Луи-Адольф Тьер
История Консульства и Империи
Книга II. Империя: в четырех томах
Том 4. Часть первая

© Ольга Вайнер, 2014

© «Захаров», 2014

XLVIII

Лютцен и Бауцен

После отъезда Наполеона князь Шварценберг пребывал в замешательстве от увиденного и услышанного и был очень недоволен собой, ибо не смог и не решился выразить главную новость, которую ему было поручено донести до французского двора. Он попытался быть более откровенным с императрицей, но, к сожалению, его беседы с государыней не могли иметь серьезных последствий. Ослепленная окружавшим ее величием и увлеченная супругом, который осыпал ее знаками внимания, Мария Луиза пламенно желала ему побед, но не имела на него никакого влияния. Когда она принимала посланника отца, глаза ее были еще красны от пролитых при расставании с Наполеоном слез. Она с огорчением выслушала слова князя Шварценберга об опасностях положения, о возмущении Европы против Франции, о необходимости заключить мир с одними и сохранить его с другими. В ответ императрица произнесла заученные фразы об огромных силах Наполеона и только попросила, чтобы поберегли ее положение и, отправив во Францию в качестве залога мира, не подвергли опасности сделаться новой жертвой революционных бурь. Несчастья Марии-Антуанетты оставили о себе такую память, что Марию Луизу охватывал ужас при мысли о новой войне Австрии с Францией. Беседы Шварценберга с императрицей не могли привести ни к чему. Беседы с Маре, еще остававшимся в Париже, могли бы принести больше пользы, но оказались, к сожалению, столь же бесполезны.

Князь Шварценберг весьма сблизился с герцогом Бассано во время переговоров о бракосочетании Марии Луизы; они были накоротке друг с другом и могли говорить откровенно. Шварценберг попытался сказать правду, однако не вложил в свои слова должной смелости, которая позднее могла избавить его от упреков в неблагодарности Наполеону, если бы к нему не прислушались. Сделав слабую попытку оспорить утверждения Маре, он выказал некоторое недоверие к размаху наших вооружений, о которых распространялся министр. Князь указал на неопытность французской пехоты и ничтожность кавалерии; на патриотический пыл войск коалиции и воодушевление народов Европы, овладевшее даже правительствами; на невозможность для Австрии сражаться против Германии за Францию, если только ее борьба не будет выглядеть борьбой за выгодный Германии мир. Маре, казалось, совершенно не понимал этих истин и с наивностью, делавшей честь его чистосердечию, но не политическому суждению, то и дело ссылаясь на договор об альянсе и на брачный союз. Теряя терпение, Шварценберг воскликнул: «Брачный союз заключила политика, политика его и расторгнет!» При этих словах удивленный герцог Бассано начал догадываться об истинном положении дел. Но вместо того чтобы помочь слабости собеседника, не осмелившегося признать, что Австрия не будет сражаться за французов против германцев и даже присоединится к ним, если Франция не согласится на задуманный Австрией мир, он выразил притворное непонимание, и беседа закончилась новыми фальшивыми заверениями в верности альянсу. Маре рассудил, что лучше ничего не говорить Наполеону о том, что ему стало известно, дабы не раздражать его против Австрии. Намерение было честным; но подобное служение господину, не приученному к правде, может такого господина погубить.

Князь Шварценберг отбыл из Парижа весьма недовольный всем увиденным. По справедливости, он должен был испытывать недовольство не только другими, но и собой, ибо не сумел произнести вслух истины, которые был обязан донести до Наполеона.

В Вене дела шли не лучше, разве что тамошние представители Франции и Австрии проявляли больше прозорливости и ума. В то время как Нарбонн был на пути в Вену, положение Франции ухудшилось. Меттерних и император, зажатые между общественным мнением Гер-

мании, требовавшей их присоединения к коалиции, и Францией, с которой они были связаны договором, не знали уже, как выйти из затруднения, и были обречены на ежедневную мучительную скрытность. Их цель не изменилась, ибо в таком положении можно было преследовать только одну разумную и честную цель. Перейти от союза с Францией к союзу с Россией, Пруссией и Англией через промежуточное положение арбитра, навязать обеим сторонам выгодный для Германии мир, придерживаться переходной роли как можно дольше и присоединиться к коалиции только в крайнем случае – таково было единственно возможное поведение в глазах осторожного императора и искусного министра. В глазах императора оно примиряло интересы германского государя с отцовским долгом; министру оно предоставляло благопристойный способ переменить политический курс, оставшись во главе кабинета. Для обоих такое поведение обладало великим достоинством избавления Австрии от войны с Францией, которая в их глазах по-прежнему оставалась чрезвычайно опасной. Но было почти невозможно заставить принять вдохновенных ненавистью и надеждой членов коалиции такой медленный переход на их сторону, а Наполеона – советы об умеренности.

Без сомнения, было бы удобнее откровенно и незамедлительно объясниться со всеми, сказать и силам коалиции, и Наполеону, что Австрия хочет мира, и прежде всего мира для Германии, а затем мира для всей Европы;

что, имея возможность ввести в дело решающие силы, она готова сделать это против того, кто не примет безоговорочно и немедленно ее систему всеобщего умиротворения. Но говорить об этом до того, как в Богемии будут собраны двести тысяч человек, было слишком опасно, – и с неудержимым Наполеоном, и с опьяненной неожиданными успехами коалицией. Осторожность требовала выждать некоторое время, прежде чем объясняться, и австрийский двор проявлял чудеса ловкости, чтобы преуспеть в подобной задаче.

Прежде всего, австрийцы решили запастись сторонниками их посреднической политики в самой Германии и стали искать их среди государей, также вовлеченных во французский альянс. Раньше Венский кабинет тайно обращался к Пруссии, которая с изменчивостью, происходившей от ее положения и страстей ее народа, одним махом переметнулась от посредничества к войне. Не имея больше возможности прибегнуть к Пруссии, он обратил свои усилия, по-прежнему тайные, на Саксонию и Баварию, которые только и мечтали о выгодном для Германии мире, и привязал их к своей политике.

Как мы знаем, Австрия убедила короля Саксонии покинуть Дрезден, отказать Франции в кавалерийском контингенте и запереть в Торгау пехотный контингент. Но теперь этого было недостаточно, и она хотела заманить его из Регенсбурга в Прагу, чтобы полнее располагать им и заставить его принять все ее цели. Главная цель состояла в том, чтобы заставить старого короля отказаться от Польши, – сколь лестного, столь и химеричного и опасного подарка Наполеона, всю бесполезность которого показала Московская кампания. Добившись согласия саксонского короля на упразднение Великого герцогства Варшавского, Венский кабинет надеялся встретить меньше трудностей со стороны Наполеона, который не испытывал бы больше неловкости, оставляя союзника. Тогда территории от Буга до Варты могли послужить для восстановления Пруссии, а Россия была бы избавлена от угрожающего ей призрака; ей можно было выделить землю для герцога Ольденбургского, а себе забрать часть Галиции, утраченную после Ваграмского сражения, что было безразлично Австрии среди прочих целей.

Наконец, Австрия хотела, чтобы Саксония задействовала свои войска лишь вместе с войсками Австрии, одновременно и в той же мере. Ее силы состояли в прекрасной кавалерии, которая последовала за двором, и десяти тысячах пехотинцев, расквартированных в Торгау, в самой крепости Торгау, в крепости Кёнигштайн на Эльбе и, наконец, в польском контингенте князя Понятовского, который отошел к Кракову вслед за Шварценбергом. Эта последняя часть саксонских войск являлась самой привлекательной в глазах Австрии, не по причине ее военной важности, но по причине совершенно особого положения. В самом деле, следовало поме-

шать тому, чтобы польский корпус при будущем возобновлении военных действий пришел в движение по приказу Наполеона и тем самым привлёк русских к Богемии. К тому же при возобновлении военных действий Наполеон должен был послать приказы о выдвижении не только полякам, но и самому австрийскому корпусу. Чтобы распутать столько сложностей, Меттерних, со свойственной ему изощренностью ума, задумал ловкое, но опасное в случае огласки средство: закрепить письменной конвенцией с русскими то, о чем было договорено устно, то есть отступление перед ними, якобы вызванное их численным превосходством.

Соответственно, воспользовавшись услугами Лебцельтерна, отправленного в Калиш с предложением об австрийском посредничестве, стороны обменялись нотой, которую обещали хранить в вечной тайне, и договорились о следующем. Русский генерал барон Сакен денонсирует перемирие, в результате которого русские приостановят военные действия с австрийцами, и притворится, будто разворачивает на их фланге значительные силы; австрийцы притворятся, будто вынужденно отступают, отойдут за верховья Вислы, оставят Краков, вернутся в Галицию и уведут с собой польский корпус Понятовского, вынудив его подчиниться мнимой необходимости. Далее русские останутся и не станут нарушать австрийских границ. Но чтобы не оставлять поляков в опасной близости от Великого герцогства Варшавского и в Галиции, в которой они могли посеять возмущение, австрийский двор хотел условиться с королем Саксонии об отводе их через австрийские территории на Эльбу, где Наполеон получит их в свое полное распоряжение. Так была бы решена одна из величайших трудностей настоящей минуты.

Русские приняли упомянутое тайное соглашение, и Нессельроде, ставший если не по должности, то на деле главным министром Александра, его подписал. Теперь требовалось убедить короля Саксонии принять эти договоренности.

Бедный Фридрих-Август, измученный и уже не знавший, кому предаться, но охотно следовавший на поводу у Австрии, положение которой походило на его собственное, принял все ее предложения. Он согласился использовать свою кавалерию и пехоту и крепости Торгау и Кёнигштайн только с согласия Австрии, совместно с ней и сообразно ее плану посредничества, дал согласие на то, чтобы у польских войск по возвращении в Галицию временно забрали оружие (и вернули его позднее), а затем провели их через австрийские территории, предоставляя всё, в чем они будут нуждаться, в какой-нибудь пункт Баварии или Саксонии, который будет указан позднее. К несчастью, в состав польских войск входил батальон французских вольтижеров, а разоружение французов, параллельное заявлениям о продолжавшемся союзничестве, было делом сомнительным.

Чтобы добиться от короля окончательного отказа от герцогства Варшавского, Австрия предлагала Саксонии в качестве возмещения за Польшу красивое княжество Эрфуртское, до сих пор остававшееся за Францией и однажды уже предлагавшееся в возмещение герцогу Ольденбургскому. Но Саксония, хоть и поддавалась во всем Австрии, не захотела жертвовать Варшавским герцогством, ибо Эрфурт не стоил польской короны, веком ранее так славно украшавшей трон саксонских государей. Потому, чтобы полнее располагать королем Саксонии, австрийский двор и захотел перевести его из Баварии в Богемию. Чтобы привлечь его туда, ему указывали, что в Праге он окажется в неприкосновенности и в нескольких часах езды от Дрездена и тем самым будет в состоянии ежедневно сообщаться со своими подданными и сохранить их привязанность.

Начатые с Баварией переговоры были столь же деликатны и даже представляли еще большие трудности. Баварию нужно было не только убедить примкнуть к плану посредничества, шедшему вразрез с политикой Наполеона, но и склонить к жертве, для общего дела бесполезной, но весьма полезной для Австрии, — к восстановлению границы по Инну. Приходилось прибегать к угрозам, ибо нечего было предложить взамен, поскольку Баварию окружали территории Бадена, Вюртемберга и Саксонии, которые невозможно было расчленить в пользу соседа. Задача была трудной, и оставался риск, что недовольная Бавария откроется Наполеону.

Что до союзников Франции Бадена и Вюртемберга, Австрия могла подступиться к ним лишь с множеством предосторожностей, ибо близость к рейнским берегам делала их слишком зависимыми от Наполеона.

Именно в разгар этой кропотливой тайной работы и застал Австрию Нарбонн, везший ей планы Наполеона, совершенно отличные от ее собственных. Вместо плана восстановления Пруссии и возвращения независимости Германии Нарбонн вез план потрясения еще большего, то есть план полного уничтожения Пруссии, замещения ее Саксонией и передачи Силезии Австрии, попадавшей, тем самым, в небывалую кабалу!

Меттерних оказал Нарбонну самый любезный и лестный прием, встретив его как друга, от которого ему нечего скрывать и с помощью которого он хочет спасти Францию, Австрию и всю Европу от ужасающей катастрофы, откровенно и без промедления объяснившись по всем предметам. Он пытался узнать, привез ли Нарбонн какие-либо уступки европейской политике, которые докажут, что Наполеон хочет мира. Но Нарбонн, ожидая из Парижа последних инструкций, не мог сказать ничего, кроме того, что Наполеон не намерен ни в чем уступать и что если Австрия захочет сделаться его сообщницей, он щедро оплатит ей территориями, которые заберет у кого угодно. В подобном положении Нарбонн мог только молчать и внимательно слушать, именно так он и поступил. А поскольку он молчал, говорить пытался Меттерних.

Вена, по словам министра (а он говорил правду), после отступничества Пруссии находится в труднейшем положении. Вся Германия требует, чтобы она присоединилась к русским и англичанам против французов. Всё население Вены, хоть и не столь смелое, как берлинское, ведет те же речи, и, что еще опаснее, его мнение разделяет армия. Все хотят воспользоваться случаем, чтобы избавить Германию от нестерпимого ига Франции. Австрия, разумеется, понимает преувеличенность и неосмотрительность подобных речей. Она знает, что Наполеон весьма силен и грозен, что не следует безрассудно нападать на него; и он, Меттерних, не совершит ошибки, от которой уже хотел уберечь австрийскую политику посредством заключения брачного альянса с Францией. Однако следует признать очевидные истины и не впадать в ослепление, присущее противнику: следует понять, что вся Европа возмутилась против Франции, по крайней мере, против ее главы; что и в самой Франции назрела законная потребность в мире. Наполеон, несомненно, выиграет еще несколько сражений, но его победы не смогут долго сдерживать всеобщее возмущение, и потому он должен думать о переговорах, в результате которых Франция сохранит свое нынешнее величие, но откажется от угнетения чужой независимости. Меттерних добавлял, что у Австрии честные и умеренные цели, что она хочет остаться союзницей Франции, но нельзя, вместе с тем, требовать от нее, чтобы она пролила кровь своих подданных ради отягощения бремени, немалую долю которого приходится нести ей самой; что если от нее потребуют поддержать приемлемый для Европы мирный план, ее народ, возможно, простит ей сохранение союза с Францией, но в противном случае она возбудит всеобщее возмущение своих подданных. Меттерних сказал, что пришлось арестовать некоторых деятелей и произвести несколько отставок, чтобы вынудить замолчать самых громких германских патриотов. Но он заметил, что всему есть предел, что сейчас кабинет — это пловец, энергично плывущий против течения, и он сможет выплыть, только если Наполеон протянет ему руку. Затем, испугавшись, что в его словах можно обнаружить видимость угрозы или порицания, он рассыпался в заверениях привязанности к Наполеону и постарался отделить себя от тех, кто хотел бы принизить французского императора.

Получая в ответ на общие положения лишь общие слова о размахе вооружений и будущих победах, австрийский министр повторял то, что уже говорил неоднократно. Он говорил о невозможности сохранить Великое герцогство Варшавское, обреченное кампанией 1812 года;

о необходимости усиления промежуточных держав и прежде всего Пруссии, единственно способной заместить навеки уничтоженную Польшу; о необходимости восстановления Германии; о невозможности дальнейшего существования Рейнского союза, навсегда погибшего в глазах германских народов и более неудобного, нежели полезного, Наполеону;

о невозможности убедить воюющие державы примириться с окончательным присоединением к французской территории Любека, Гамбурга, Бремена.

«Нам уже будет трудно, – добавлял Меттерних, – помешать говорить о Голландии, Испании и Италии! Вероятно, о них будет говорить Англия, и если она уступит насчет Голландии и Италии, то не уступит насчет Испании. Но мы не станем говорить об этом, чтобы не усложнять дела, и, если нужно, оставим Англию в стороне и будем вести переговоры без нее. Возможно, мы убедим Россию и Пруссию отделиться от нее, если представим им приемлемые условия, и тогда мы окажемся верными союзниками Франции! Но, ради всего святого, пусть Франция объяснится, пусть сообщит нам о своих намерениях и даст возможность остаться ее союзниками, позволив бороться за справедливое дело, в котором мы можем признаться перед нашим народом!»

Меттерних не выказывал ни малейшей озабоченности частными интересами Австрии, что наглядно доказывало, что он может черпать многое в предложениях, со всех сторон поступавших Австрии. Чего ему только не предлагали страны коалиции! Но он не станет слушать их безрассудных предложений; он удовольствуется тем, в чем Австрии нельзя отказать, – частью Галиции, которую у нее забрали в 1809 году для увеличения герцогства Варшавского, и Иллирийскими провинциями, которые Франция обещала вернуть. Он говорил об этом как о чем-то бесповоротно решенном, тогда как между французским и австрийским правительствами едва было проронено на этот счет несколько слов.

Таковы были речи Меттерниха. Император Франц, более осторожный и менее смелый в речах, приняв Нарбонна самым любезным образом, сказал лишь, что доволен счастьем, обретенным его дочерью во Франции, ценит гений зятя и стремится остаться союзником Франции; но не скрыл и того, что сможет таковым остаться только в интересах мира, ибо его народ не простит ему союза с Францией ради других целей. Он добавил, что мир придется покупать победами и жертвами; что Наполеон правильно поступает, употребляя свои великие таланты на создание обширных ресурсов, ибо борьба будет упорнее, чем он может вообразить; но что в конце концов победами он несомненно приведет противников к более умеренным притязаниям, и если, победив их, согласится ради покоя народов на некоторые неизбежные жертвы, Австрия усердно будет ему споспешествовать и добудет долговременный мир, которого французский император должен желать после стольких славных трудов и которого сам он горячо желает не только как государь, но и как отец, ибо мир обеспечит благополучие его милой дочери и будущность внука, к которому он питает самые нежные чувства.

На заверения императора Нарбонн отвечал как мог изысканнее, продолжая восхвалять величие своего хозяина и воспользовавшись искусством, которому научился в салонах: прикрывать непринужденностью и любезностью невозможность сказать что-либо значительное. Он прекрасно понял, что самое большее, чего можно добиться от венского двора, это соблюдение нейтралитета, и что, ведя себя осмотрительно, мало сообщая австрийцам и ничего у них не прося, можно будет довольно долго удерживать их в пассивности, чего было пока достаточно. Нарбонн и намеревался порекомендовать такое поведение своему правительству, когда получил инструкции, которых так долго ждал.

Отправленные 29 марта и прибывшие 9 апреля, они вынудили Нарбонна оставить ничего не значащие речи, которыми он до сих пор ограничивался. Доведя откровенность до возможного предела, он зачитал Меттерниху текст герцога Бассано, способный возбудить улыбку австрийского министра хвастливым тоном, которым министр французский одобрил необузданность Наполеона. Итак, Нарбонн зачитал план, в котором Австрии отводилась главная роль.

В депеше говорилось, что коль скоро Австрия хочет мира, она должна быть способна его диктовать: подготовить огромные силы и потребовать, чтобы воюющие державы остановились, пригрозив бросить сто тысяч человек им во фланг. Затем, если они не остановятся, Австрия должна бросить эти войска в Силезию и оставить ее себе, в то время как Наполеон отбросит пруссаков, русских, англичан и шведов за Вислу.

Меттерних невозмутимо выслушал план, задал много вопросов, дабы прояснить все его подробности, и затем все же коснулся пункта, о котором в депеше не упоминалось. «А если воюющие державы, – спросил он, – остановятся по нашему требованию, какие основания для мира должны мы им предложить?» На этот вопрос Нарбонн ответить не мог, ибо депеша Маре возвещала лишь о военных мерах. На деле Наполеон не хотел еще говорить, какой он видит Европу в случае незамедлительного перехода к переговорам. Меттерних заявил, что наберется терпения относительно последнего пункта и будет много размышлять о том, что ему сообщили, будто всё им услышанное могло доставить материал для долгих размышлений. Он обещал ответить настолько быстро, насколько позволит столь важный предмет.

Ему понадобилось для ответа два дня, хотя размышлял он, весьма вероятно, едва ли более часа. Меттерних вызвал Нарбонна и с видом понятного удовлетворения объявил, что посовещался со своим государем и готов объясниться, поскольку важные предметы, о которых идет речь, не допускают отсрочки. Он безмерно счастлив, заявил министр, обнаружить свое полное согласие с императором Наполеоном по важнейшим пунктам последнего сообщения! Как и Наполеон, австрийский двор думает, что не должен ограничиваться второстепенной ролью и сводить свои действия к тому, чем они являлись в 1812 году, ибо в изменившихся обстоятельствах требуется и совершенно иное содействие. Австрия это предвидела и к этому готова. В этом и состояла причина ее военных приготовлений, которые должны доставить ей вскоре сто тысяч человек в Богемии, не считая вспомогательного корпуса, вернувшегося из Польши, и наблюдательного корпуса, оставшегося в Галиции. Что до способа, каким она представится воюющим державам, Австрия рисует его себе точно так же, как император Наполеон: она предстанет перед ними в качестве вооруженного посредника, предложит державам остановиться, договориться о перемирии и назначить полномочных представителей. Если они согласятся, настанет время сформулировать условия, и поэтому она с нетерпением ожидает новых сообщений, обещанных французским правительством. Если же, напротив, воюющие державы откажутся принять предложения о мире, тогда придется действовать и договориться о том, как силы Австрии будут использовать совместно с силами Франции. В этом случае, несомненно, выявится недостаточность последнего договора об альянсе и необходимость изменить его в соответствии с обстоятельствами. Из всего этого, наконец, вытекает и необходимость новых диспозиций для вспомогательного австрийского корпуса, который пребывает на польской границе в ложном положении и который Австрия намерена отвести на свою территорию вместе с польским корпусом, чтобы помешать его использованию, противному намерениям обоих кабинетов. Свое заявление Меттерних сопровождал выражением совершенного удовлетворения, повторив, что счастлив столь полным согласием с Французским кабинетом и постарается как можно лучше согласовать прежнюю роль союзника с новой ролью посредника.

Никогда и никто не играл лучше и не выигрывал больше в опасной и сложной дипломатической игре, чем Меттерних в данной ситуации. Он разом решил все свои затруднения. Из союзника на положении раба он превратился в посредника, и посредника вооруженного. Он осмелился открыто признать, что договор об альянсе 1812 года уже не применим к нынешним обстоятельствам; он мотивировал вооружение своей страны, не оставив Франции возможности протестовать; наконец, он заранее разрешил труднейший вопрос об использовании вспомогательного австрийского корпуса. Что до предложения действовать вместе с Францией, окончательно потрясти Германию, уничтожить Пруссию, захватить Силезию и прочее, нет нужды говорить, что Австрия ни за что этого не хотела, и не из любви к Пруссии, а из любви к все-

общей независимости. Потому она уклонилась от предложений, сославшись на то, что военным развитием событий надлежит заняться позднее, когда воюющие державы отвергнут мирные предложения, что было маловероятно. Меттерних закончил свое заявление, объявив, что чрезвычайный курьер отвезет копию заявления князю Шварценбергу в Париж.

Один только тон сообщения сделал бы его подозрительным, даже если бы смысл его не был столь прозрачен. Торжественность, с какой Меттерних высказал основные положения, и поспешность, с какой он стремился известить князя Шварценберга в Париже, указывали на желание без промедления принять важную декларацию одновременно в обеих столицах, что обнаруживало скорее осторожность друзей, готовых расстаться, нежели сердечность друзей, готовых соединить интересы и усилия.

Нарбонн был слишком проницателен, чтобы не заметить, что за показным старанием продемонстрировать согласие по всем пунктам скрывается самое полное и самое опасное несогласие. Усилившийся в цели и средствах, но переросший в посредничество альянс обращался ловушкой, которую Наполеону подготовили, воспользовавшись его собственными словами.

Облекшись ролью вооруженного посредника, Австрия тотчас воспользовалась завоеванной позицией, чтобы продвинуться по открывшемуся перед ней пути. Король Саксонии по-прежнему пребывал в Регенсбурге. Попытки австрийцев убедить его отказаться от герцогства Варшавского не прекращались. Теперь появился новый аргумент. Франция и Австрия только что пришли к согласию, заявила Австрия. Франция попросила посредничества, и Австрия согласилась. Поэтому всё, что делается, полностью соответствует целям Наполеона, а отказ Саксонии от Великого герцогства Варшавского избавит от серьезных затруднений и облегчит заключение мира. К тому же следует спасти прочное, то есть Саксонию, жертвуя химерическим, то есть Польшей. Победенный такими доводами, Фридрих-Август подписал отречение, которого от него требовали, и подписал его 15 апреля, через три дня после заявления Австрии о вооруженном посредничестве.

Но Австрия желала от короля не только этого. Известно было, что Наполеон намеревается прибыть в Майнц, а затем в Эрфурт, чтобы возглавить свои армии, и сможет одним мановением руки вновь завладеть бедным королем, удалившимся в Баварию, вновь заставить его утратить разум, память и чувство реальности, пообещав сделать королем Польши. Этот чарующий и пугающий волшебник должен был пройти слишком близко от Регенсбурга, чтобы оставлять там слабого Фридриха-Августа. Его снова стали убеждать перебраться в Прагу. И Фридрих-Август решил уехать. Не предупредив французского посла, в ночь с 19 на 20 апреля саксонский двор отбыл в Прагу, составив длинную вереницу карет, в окружении трех тысяч конников и артиллеристов, вышедших из Регенсбурга с саблями наголо и зажженными фитилями. Господин Сера в последнюю минуту получил письмо для императора, в котором добрый Фридрих-Август говорил, что отправляется в Прагу по приглашению Австрии, о совершенном согласии которой с Францией ему известно, оставаясь, однако, верным союзником великого монарха, осыпавшего его столькими благодеяниями.

Когда эта новость дошла до Вены, император Франц и Меттерних уже не скрывали радости от того, что завладели столь ценным инструментом для осуществления своих замыслов. В ту же минуту, сочтя, что им не следует больше скрывать планов по поводу вспомогательного корпуса, они написали князю Понятовскому, что он должен оставить Краков и вернуться на австрийскую территорию, ибо вскоре возобновятся военные действия, а потому нежелательно привлекать русских в Богемию, сражаясь с ними. Кроме того, князя уведомили, что на время этого движения оружие поляков, саксонцев и французов будет сложено на повозки и возвращено им позднее. Уведомление доставили князю Понятовскому одновременно с приказом из Парижа, предписывавшим ему приготовиться к вступлению в кампанию и совместным действиям с австрийским корпусом, который должен был в свою очередь получить инструкции

Наполеона. Понятовский поспешил сообщить обо всем Нарбонну, чтобы посол разъяснил ему загадки, в которых он ничего не мог понять.

Нарбонн вновь пришел к Меттерниху, требуя у него отчета в стольких странностях, приключившихся почти одновременно. Меттерних, вынужденный отвечать на столько вопросов, оказался в затруднении и почти рассердился из-за того, что результаты, которых он желал, были достигнуты столь быстро. Он поспешил сказать Нарбонну, что Фридрих-Август свалился на них в Богемию как гром среди ясного неба, и никто так не удивлен, как сам Меттерних и император, его молниеносным приездом в Прагу. Нарбонн не стал более задерживаться на этом предмете и перешел к предмету более важному, то есть к попытке отвести польский корпус в Богемию и разоружить его. Этот вопрос требовал незамедлительного разъяснения, ибо в Кракове мог возникнуть конфликт между князем Понятовским и графом Фримоном, которому поручалось разоружить поляков, или даже начаться прямое столкновение с Австрией, если приказы Наполеона вспомогательному австрийскому корпусу встретят неповиновение. Не желая признаваться в тайной договоренности с русскими, Меттерних извинился самым ловким из возможных способом, сказав, что направленное Понятовскому уведомление было чисто дружеским и ни к чему его не обязывало; что после лояльного исполнения товарищеского долга перед поляками и совместного отступления их предупредили о невозможности в скором времени поддержать их. Он указал, что русские приближаются и их не хотят привлечь на австрийскую территорию, вновь сражаясь с ними и вступая тем самым в противоречие с ролью посредника, только что принятой по внушению Франции; что поэтому было решено вернуться в Галицию, где надеются избежать преследования в случае воздержания от военных действий, и потому предложили князю Понятовскому отойти туда вместе с австрийцами, дабы не попасть в плен, что влечет необходимость временно сложить оружие, ибо не принято пересекать нейтральную территорию с оружием в руках.

Таковы были объяснения Меттерниха. Имелось много вариантов ответа, но куда умнее было бы оставить австрийского министра при мысли, что он может исполнять одновременно роли посредника и союзника, дабы принудить как можно дольше оставаться союзником. К сожалению, Нарбонн прибыл не с такими намерениями и теперь настойчиво приводил собеседника в замешательство. Договор об альянсе, сказал он, всё еще существует: Меттерних с ним согласился и даже не устал сам это повторять. Правда, договор этот рассматривался теперь как не вполне применимый к обстоятельствам, но только в том пункте, что помощь в 30 тысяч человек не была уже соразмерна опасности положения. Из этого не вытекало, однако, что в помощи 30 тысяч человек будет отказано. Австрийцы вместе с поляками представляли силу в 45 тысяч человек, которые могли нанести чувствительные удары по левому флангу коалиции или хотя бы одним своим присутствием парализовать 50 тысяч неприятельских солдат. И потом, разве Австрия уже не думает о чести оружия? Разве она намерена отступить перед немногочисленным корпусом Сакена, а после робкого возвращения в свои пределы станет прятаться и разоружать собственных союзников? Разве такое поведение достойно Австрии? И согласятся ли союзники сложить оружие, когда среди них находятся французы? А если они откажутся сложить его, их разоружат силой или сдадут русским?..

Нечем было возразить на эти замечания, поскольку Меттерних объявил себя посредником, но не сложил с себя роль союзника. Уклоняясь от слишком неудобных вопросов, он перешел на почву, на которой ему было легче защищаться, на почву осторожности. Что значит для Наполеона, который намеревается потеснить с фронта неопытные войска коалиции, горстка австрийцев и поляков в Кракове? Неужели ради суетного удовольствия скомпрометировать Австрию ее поставят в ложное положение в отношении воюющих держав, перед которыми она должна предстать как арбитр? Неужели сделают для нее невозможной роль посредницы, подвергнув ее осуждению общественного мнения, заставив поднять оружие против сил коалиции, и вынудят окончательно утратить бразды правления германскими делами, бразды, которые она

держит и без того дрожащей и неверной рукой? Если она отказывает в тридцати тысячах солдат сегодня, то только ради того, чтобы предоставить сто пятьдесят тысяч позднее, когда будут обговорены приемлемые условия мира, что зависит от одной Франции. К тому же, следует сохранять благоразумие и не требовать от Австрии, чтобы она сражалась против германцев за поляков. Такое положение при существующем общественном мнении в Вене, Дрездене и Берлине было бы нестерпимо. Если австрийцы и хотят отступать, то только потому, что уверены: они имеют дело со значительными силами. Поляков же Австрия намерена принять и кормить и будет это делать только для того, чтобы угодить Франции, ибо допустить их в Галицию – значит уже принять самых неудобных гостей, которые сделаются и опасными, если будут вооружены. К тому же их государь, король Саксонии, дал согласие на временное разоружение. Остается французский батальон. Что ж, ради Наполеона пойдут на жертву и уважат в этих нескольких сотнях человек его славу, славу французской армии. Поступившись принципами, Австрия позволит французскому батальону сохранить оружие на нейтральной территории: территория Богемии с ведома Наполеона объявлена нейтральной, чтобы помешать русским вступить в нее.

Нарбонн тотчас понял, что заблуждался, желая получить от Австрии эффективное содействие и что нейтралитет это всё, чего можно от нее ожидать, да и то ценой быстрых и решительных побед. Он сообщил об этом министру Маре, прося новых директив для столь трудной ситуации.

Эти важные события европейской политики происходили с 1 по 20 апреля, в то время как Наполеон готовился к отъезду из Парижа, покинул его, прибыл в Майнц и отдал первые приказы. Прибыв в Майнц 17 апреля, он тотчас принялся за работу, узнал, хоть и не полностью (ибо не все дипломатические курьеры проезжали через Майнц), но в достаточной мере, всё, о чем мы недавно рассказали, и смог составить об этих событиях приблизительное представление. Больше всего Наполеона удивил внезапный отъезд короля Саксонии в Прагу в ту минуту, когда французская армия приближалась, чтобы освободить его земли. Отступление австрийского корпуса показалось ему более объяснимым: он понял, что Австрия, не отрицая альянса, отвергает его обязательства. Попытка разоружения поляков его возмутила, и он отправил в Краков курьера с предписанием князю Понятовскому ни за что не допускать разоружения, в крайнем случае вернуться в Польшу, вести партизанскую войну и скорее погибнуть, чем сложить оружие. Кроме того, Наполеон подтвердил предписание графу Фримону повиноваться его приказам.

Используя в отсутствие Маре Коленкура как министра иностранных дел, Наполеон написал Нарбонну, что не понимает поведения Австрии, но замечает, что она ведет двойную игру и осторожничает с его врагами и с ним; что ее политика в отношении Саксонии непонятна и нужно постараться раскрыть ее тайну и выведать, будет ли крепость Торгау, куда удалилась саксонская пехота, верна Франции; что нужно вынудить Австрию объяснить по поводу вспомогательного корпуса, заставить ее сказать, будет он повиноваться или нет, и главное, конечно же, убедить ее отказаться от разоружения польских войск.

Впрочем, эти предметы не особенно беспокоили Наполеона. Он намеревался положить конец всем затруднениям и хитростям в самое короткое время, дебушировав в Саксонию с 200 тысячами человек через все проходы Тюрингии. Наполеон подсчитал, что Евгений, усиленный корпусом Лористона, посланным ему в марте, сможет собрать на Эльбе 80 тысяч солдат, оставив около 30 тысяч в Данциге и Торне и 30 тысяч в Штеттине, Кюстрине, Глогау и Шпандау. Наполеон надеялся дебушировать со 150 тысячами из Тюрингии, по пути присоединить еще 50 тысяч, подходящих из Италии, и с 200 тысячами идти на соединение с Евгением. Этих сил было более чем достаточно, чтобы сокрушить 150 тысяч солдат, которыми надеялись располагать к началу кампании русские и пруссаки. Позднее из Италии, Майнца и Вестфалии должны были подойти три резервные армии, формирование которых должно было завершиться в июне-

июле. Эти силы позволяли противостоять сегодняшним врагам, с которыми предстояло иметь дело весной, и врагам будущим, которых лето или политика Австрии могли подвести на линию несколько месяцев спустя.

Как случается всегда, Наполеон несколько просчитался, но не в численности войск, а во времени их воссоединения, что должно было лишить его части сил, на которые он рассчитывал к началу военных действий. Так, вместо 280 тысяч человек активных войск в первых числах апреля или мая, он должен был получить в свое распоряжение 200 тысяч человек, но и этого, впрочем, было достаточно, чтобы стремительно оттеснить на Эльбу, Одер и даже на Вислу неосмотрительного неприятеля, вышедшего ему навстречу. Вот каково было состояние и распределение сил к концу апреля, к минуте возобновления военных действий.

Оставив 27–28 тысяч человек в Данциге и 32–33 тысячи в крепостях Вислы и Одера, принц Евгений располагал почти 80 тысячами человек войск активных, но еще не вполне доступных, чтобы полностью отвести их навстречу Наполеону, когда тот дебуширует в Саксонию. Так, князь Понятовский, оттесненный к границам Богемии, был отделен от Евгения войсками коалиции, которые перешли через Эльбу. Из поляков, состоявших на службе у французов, удалось собрать только дивизию Домбровского, насчитывающую около 2 тысяч пехотинцев и 1500 всадников и занятую переформированием в Касселе. От корпуса Ренье после отделения саксонцев осталась французская дивизия Дюрютта, насчитывающая после кампании 1812 года 4 тысячи человек. Двадцать восемь тысяч человек дивизии Лагранжа и корпуса Гренье сократились до 24 тысяч вследствие ежедневных боев с пруссаками и русскими. Эти три дивизии (ибо корпус Гренье разделился на две дивизии), помещенные под командование маршала Макдональда и вверенные непосредственно генералам Фрессине, Жерару и Шарпантье, проведя зиму перед врагом, представляли собой превосходное войско. Наконец, корпус Лористона, который должен был насчитывать 40 тысяч солдат, вследствие болезней и задержки многих когорт составлял только 32 тысячи. От него также пришлось отделить дивизию Пюто, дабы прикрыть нижнее течение Эльбы, пока Даву и Виктор с реорганизованными батальонами не отобьют Гамбург и не займут Магдебург. Восемь из реорганизованных батальонов Виктора оставались до сих пор в распоряжении Евгения и охраняли Дессау, весьма важный пункт, поскольку он находился неподалеку от места слияния Эльбы и Заале и именно позади этих рек Евгений и Наполеон должны были осуществить воссоединение войск. Принц располагал также кавалерией, восстановленной в Ганновере и постепенно прибывавшей, и 3 тысячами гвардейцев, которых должен был вскоре вернуть Великой армии. Именно вследствие всех этих отсоединений, задержек и сокращений Евгений мог присоединить к Наполеону не 80, а только 62 тысячи человек.

На Майне Наполеон надеялся собрать 150 тысяч человек, а после присоединения генерала Бертрана – и 200 тысяч. Он предполагал, что Ней сможет располагать 60 тысячами, Мармон – 40 тысячами, Бертран – 50 тысячами и что гвардия будет насчитывать не менее 40 тысяч. Прибавив к этим силам около 10 тысяч человек от мелких германских государей, Наполеон должен был получить 200 тысяч к минуте своего появления в Саксонии. Вот каким сокращением подверглись войска при переходе от надежд к действительности.

Маршал Ней располагал не 60, а только 48 тысячами, потому что ему не доставало вюртембержцев и баварцев, а главным образом потому, что не получил саксонскую кавалерию. При нем оставались четыре прекрасные французские пехотные дивизии, сформированные из когорт и временных полков. Они включали около 42 тысяч пехотинцев и ожидали прибытия еще 7–8 тысяч. Наполеон присоединил к ним наиболее послушных союзников, находившихся ближе всего, – гессенцев, баденцев и франкфуртцев, численностью 4 тысячи человек под началом генерала Маршана. Пятнадцать сотен артиллеристов и пятьсот гусар, составлявших кавалерию Нея, доводили его корпус до 48 тысяч человек.

Второй Рейнский корпус, формировавшийся в Ганау под началом Мармона, насчитывал не 40 тысяч, как предполагалось, но 32 тысячи, поскольку многие подразделения задерживались. Третья дивизия этого корпуса, дивизия генерала Теста, была вынуждена дожидаться многих оставших солдат. После своего полного укомплектования она должна была двигаться в Гессен, чтобы охранять угрожаемую монархию короля Жерома, подобрать по пути дивизию Домбровского и затем воссоединиться на Эльбе с корпусом, частью которого ей назначалось стать. Три оставшиеся дивизии составляли 26–27 тысяч солдат, в том числе прекрасный корпус морских пехотинцев под началом знаменитых дивизионных генералов Компана и Боне.

Наименьшие потери при формировании своего армейского корпуса претерпел генерал Бертран. Он вел четыре пехотные дивизии, в том числе три французских и одну итальянскую, включавших 36–37 тысяч пехотинцев и 2500 артиллеристов. Вместо 6 тысяч всадников он собрал только 2500, поскольку 19-й егерский и два гусарских полка, формировавшихся в Турине и Флоренции, оказались не готовы. Прибавив в Аугсбурге к действующему составу 3 тысячи новобранцев, Бертран располагал почти 45 тысячами человек, лучше обученных, чем остальная армия, потому что это были старые кадры и новобранцы, имевшие за плечами год или два обучения. Поскольку Бертран никогда не командовал, Наполеон дал ему в помощники Морана, бывшего товарища Фриана и Гюдена по 1-му корпусу и одного из лучших генералов армии. Наполеон не мог оставить Бертрану четыре дивизии, поскольку большинство маршалов располагали только тремя. Он присвоил ему дивизии Морана и Пейри, а дивизии Пакто и Лоренсеца предназначил маршалу Удино. Третьи дивизии для Бертрана и Удино должны были составить вюртембержцы и баварцы. С учетом всех сокращений Наполеон мог дебушировать в Саксонию во главе 135 тысяч человек и 350 орудий, соединиться с Евгением, ожидавшим его на Эльбе с 62 тысячами человек и сотней орудий, и в результате выставить против неприятеля 200 тысяч человек. К ним должны были вскоре присоединиться еще 50 тысяч и три резервные армии, что довело бы численность всех сил по меньшей мере до 400 тысяч солдат. Это был невероятный результат, если подумать, что у Наполеона имелось только три месяца, чтобы собрать разрозненные или почти уничтоженные части армии.

Правда, артиллерийские упряжки состояли из молодых лошадей, почти все из которых получили ранения из-за возраста и неопытности всадников, кавалерия была ничтожна, у маршалов Нея и Мармона оставалось лишь по 500 всадников для разведки, а у генерала Бертрана – 2500; а для формирования резерва тяжелой кавалерии пришлось довольствоваться 3 тысячами гвардейских конных егерей и гренадеров и 4–5 тысячами гусар и кирасиров, приведенных из Ганновера генералом Латур-Мобуром; но следовало положиться на воодушевление, царившее в рядах всей армии. Генералы и офицеры, пришедшие из Испании и Италии или чудесно спасшиеся из России, были полны решимости ценой необычайных усилий восстановить пошатнувшееся могущество Франции, и, продолжая осуждать политику, обрекавшую их на эти отчаянные усилия, они настолько сообщили свое воодушевление молодым солдатам, что те выказывали необыкновенный пыл и всякий раз кричали «Да здравствует Император!» при виде Наполеона, являвшегося виновником кровопролитных войн, в которых им всем предстояло погибнуть, и ежедневно осуждаемого вслух на биваках и в главных штабах. Такова благородная и трогательная непоследовательность патриотизма!

Наполеон покинул Майнц 26 апреля, посетил Вюрцбург и Фульду и прибыл в Веймар, куда еще прежде прибыл маршал Ней со своими молодыми дивизиями. Наполеон намеревался подпустить уже выдвинувшиеся за Эльбу войска коалиции как можно ближе к верховьям Заале, затем направиться на Эрфурт и Веймар, воссоединиться за Заале с Евгением, перейти через реку и ударить силами 200 тысяч человек во фланг неприятелю в окрестностях Лейпцига. Такой план мог доставить значительные результаты. Победив союзников в большом сражении, Наполеон мог захватить немалое их количество в плен, затем отбросить тех, кого не

захватил, за Эльбу и Одер, разблокировать гарнизоны Одера, победоносно вернуться в Берлин, восстановить сообщение с Данцигом и показать, что лев, которого считали поверженным, грозен, как никогда.

С этой целью Наполеон поставил во главе своих войск Нея и направил его на Эрфурт, Веймар и Наумбург, чтобы занять переходы через Заале прежде, чем ими успеет завладеть неприятель. Он даже предписал маршалу занять известные переходы в Заальфельде, Йене и Дорнбурге, но не переходить через реку, а только охранять ее, и подтянул к нему Бертрана, за которым на небольшом расстоянии, через Бамберг и Кобург на Заальфельд, следовал Удино. В то же время Наполеон приказал Евгению выдвинуться в направлении Дессау, к месту слияния Заале и Эльбы, и подняться вдоль Заале до Вайсенфельса. Сам он с гвардией и корпусом Мармона следовал за Неем и Бертраном: 26-го он был в Эрфурте, 28-го – в Экартсберге, близ знаменитого поля битвы Ауэрштедта. Сложная операция, которую он задумал, в ту минуту состояла в двойном движении вдоль Заале, и ее результатом должно было стать воссоединение войск Наполеона с войсками Евгения. Но союзники, хоть и находились в большой близости, не были ни настолько осведомлены, ни настолько бдительны, чтобы разгадать маневр и помешать ему. Однако они расположились очень близко и могли перерезать путь одним движением.

До сих пор союзники старались использовать время с наибольшей пользой, но преуспели в этом меньше, чем Наполеон. При отступлении из Москвы русская армия пострадала почти так же, как французская, и насчитывала не более 100 тысяч человек, которых едва успели рекрутировать и которые были рассредоточены от Кракова до Данцига. Около 20 тысяч русских под началом Сакена и Дохтурова противостояли полякам и австрийцам под Краковом. Еще 20 тысяч оставались перед Торном и Данцигом, а 8–9 тысяч под началом Теттенборна и Чернышева двигались в низовья Эльбы к Гамбургу и Любеку. Десять тысяч следовали с Витгенштейном на Берлин и вместе с прусским корпусом Йорка наблюдали за Магдебургом; 12 тысяч, большей частью кавалеристов, под началом Винцингероде перешли через Эльбу в Дрездене; 30 тысяч главного корпуса, включавшие гвардию, гренадер и остатки армии Кутузова, остались на Одере со штаб-квартирой.

Пруссакки восстановили армию чрезвычайно стремительно. Они оставили в отпуске в городах и деревнях полностью обученных солдат, которые только ждали сигнала, чтобы вернуться под знамена. Благодаря этому средству и стихийному набору молодежи они собрали 120 тысяч человек, в том числе 60 тысяч превосходно обученных активных войск, около 40 тысяч человек, проходивших обучение, и около 20 тысяч в крепостях. Пруссакки надеялись довести численность войск до 150 тысяч человек, в том числе до 100 тысяч на линии, при условии скорого получения английских субсидий. Молодежь из числа студентов и торговцев пополняла батальоны пеших егерей, а дворянская молодежь и выходцы из семей богатой буржуазии – ряды егерей конных.

За вычетом войск, оставленных в тылах, используемых для блокады крепостей и отправленных в рейды к оконечностям линии, на поле сражения располагались: справа прусский корпус Йорка, после перехода на сторону союзников не покидавший русский корпус Витгенштейна и вместе с последним составлявший 30 тысяч человек;

в центре в авангарде корпус Винцингероде в 12–15 тысяч человек легкой пехоты и кавалерии; в центре во второй линии корпуса Блюхера с 26 тысячами пруссаков и Кутузова с 30 тысячами русских; слева, но вне досягаемости, 10–12 тысяч генерала Сакена, то есть в целом 110–112 тысяч солдат.

Союзники рассчитывали на помощь, которая заставляла себя ждать: на помощь Бернадотта. На встрече в Або будущий король Швеции договорился с Александром о содействии усилиям коалиции посредством корпуса в 30 тысяч шведов с присоединением к нему 15–20 тысяч русских, которыми он и будет командовать. Для ускорения формирования этой армии англичане предоставили субсидию в 25 миллионов франков. Платой Бернадотту за войну с

Францией выступала, как мы знаем, Норвегия. Однако он не спешил исполнить свои обязательства и думал прежде послать войска в Норвегию, чтобы завладеть обещанной наградой.

Лишенные как его помощи, так и помощи Австрии, которая еще не присоединилась, потому что хотела прежде исчерпать все возможности мирного урегулирования и потому что была пока не готова, союзники приняли решение встретить удар Наполеона со 112 тысячами человек и, даже больше того, самим нанести по нему удар. Сначала они сомневались (или делали вид, что сомневаются) в численности сил неприятеля, затем, когда стало невозможно ее оспаривать, они стали отрицать качество таковых, утверждая, что это дети, ведомые стариками, и что лучшие солдаты России и Пруссии, воодушевленные пламенным патриотизмом, могут не тревожиться. К тому же воевать придется на равнине, и молодые французские пехотинцы не смогут устоять под ударами кавалерии, самой многочисленной и прекрасной в Европе. После такого хвастовства уйти за Эльбу при приближении Наполеона становилось затруднительно и опасно. Так можно было глубоко обескуражить германцев, но, главное, удалившись, вернуть Наполеону Австрию. Поэтому следовало сражаться на месте. Однако, в нетерпении продвигаться дальше и освободить новые части Германии, передвинулись за Эльбу, через которую перешли в Дрездене, не имея возможности перейти через нее ниже, и попали в настоящую ловушку. В самом деле, союзники оказались между Евгением с одной стороны, горами Богемии с другой и с Наполеоном впереди, рискуя подвергнуться мощной атаке с фронта и одновременно получить смертельный удар во фланг.

Осторожный Кутузов, ставший после своих побед своего рода оракулом и не любивший германцев с их патриотическими демонстрациями, упорно твердил, что нужно ограничиться достигнутым, сохранить Великое герцогство Варшавское, заключить мир с Францией и возвращаться домой. Александр, остановленный в своей роли освободителя Германии, соблазнявшей его не меньше, чем роль покорителя Константинополя после Тильзита, был чрезвычайно раздражен сопротивлением Кутузова, которым не осмеливался пренебречь. Поэтому, в то время как Винцингероде, двигавшийся вместе с пламенным Блюхером, перешел в начале апреля через Эльбу, основной русский корпус остался позади и вступил в Дрезден только 26-го, в тот день, когда Наполеон прибыл в Эрфурт. Но Кутузов, изнуренный последней кампанией, внезапно умер в Бунцлау. С этой минуты соображения осмотрительности потеряли единственного адепта, обладавшего достаточным весом, и Александр, окруженный германскими энтузиастами, стал думать только о скорейшем наступлении. Он желал дать сражение незамедлительно, где угодно и как угодно, лишь бы на равнинах Саксонии, где кавалерия союзников обладала преимуществом над французами, располагавшими только молодой пехотой без кавалерии.

И потому 27, 28 и 29 апреля союзники продолжали выдвигаться вперед между Евгением, находившимся у места слияния Заале и Эльбы, и Наполеоном, вышедшим из Тюрингского леса. Можно было предотвратить опасность, быстро выдвинувшись на Лейпциг, Лютцен, Вайсенфельс и Наумбург, перерезать линию Заале и вклиниться между Наполеоном и Евгением, дабы воспрепятствовать их воссоединению. Но требовалось, чтобы кто-то командовал, ибо Кутузов умер, а Александр, оставшийся единственной военной властью, выслушивал советы, не умея принять какой-либо из них. И союзники продолжали просто выдвигаться вперед, одновременно желая и страшась встречи с Наполеоном. Договорились, что командовать будут русские, но тщетно искали, кому это командование поручить. Тормасов был самым старым, но наименее способным генералом. Витгенштейн, необычайно восхваляемый за оборону Двины от французов, которые и не собирались через нее переходить, находился в большом фаворе, и командование в случае встречи с неприятелем поручили ему. Но его успехи даже не были делом его рук: он был обязан ими начальнику своего штаба генералу Дибичу, предприимчивому офицеру, исполненному ума и военных талантов. В силу этих причин командование не могло происходить быстро и исполняться верно.

Зная противника, Наполеон не сомневался, что ему даже не попытаются помешать соединиться с Евгением, и всё же не пренебрег ничем, чтобы обеспечить успех соединения, будто имел дело с самым сведущим и бдительным неприятелем. Прибыв 28 апреля в Экартсбергу, он выдвинул вперед вдоль Заале, чтобы закрыть все выходы с реки, маршала Нея, генерала Бертрана и маршала Удино. В то же время он обратным движением подтянул к себе принца Евгения, приказав ему подняться вдоль Заале. Чтобы осуществить соединение, оставалось только занять 28 апреля промежуток между Мерзебургом и Наумбургом, двинувшись навстречу принцу. Ради успеха маневра Наполеон не ограничился встречным выдвижением Нея и Евгения к Вайсенфельсу, он отделил от корпуса Мармона дивизию Компана и выдвинул ее влево на Фрейбург, чтобы она, продублировав головные колонны Нея и Евгения, сформировала между ними своего рода спайку. Наполеон 28-го вечером отдал приказ о том, чтобы движения были исполнены на следующий день, 29 апреля. Ней с двумя своими первыми дивизиями должен был спуститься в Вайсенфельс, перейти через реку и завладеть городом; тем временем остальные дивизии должны были следовать за ним, а Бертран и Удино – занять оставленные им выходы из Йены, Дорнбурга и Наумбурга. Евгений должен был, в свою очередь, выдвинуть корпус Лористона вверх по течению реки к городу Галле, а корпус Макдональда – к Мерзебургу, подав таким образом руку Нею. Сам Наполеон, не предполагая, что неприятель столь близок, остался в Экартсберге, дабы привести в порядок хвост колонн.

Маршал Ней спустился вдоль Заале, перешел через нее чуть выше Вайсенфельса по мостам, перебросить которые не стоило большого труда, и выдвинулся на просторные равнины, простирающиеся за рекой. Среди этих равнин и располагается Лютцен, который прославился благодаря Густаву-Адольфу¹ и которому несколько дней спустя суждено было обрести новую славу благодаря Наполеону.

Следуя тактическим инструкциям Наполеона, Ней двигался через равнину Вайсенфельса с дивизией Суама, построенной в несколько каре. Кавалерийские аванпосты обнаружили приближение многочисленных эскадронов Винцингероде. Германский генерал, командовавший русским авангардом, располагал пехотной дивизией принца Евгения Вюртембергского и 8–9 тысячами превосходных конников. Он выдвигался за Вайсенфельс, ища на Заале известий о французах. И Ней вскоре дал о себе знать.

Французские рекруты, впервые видевшие неприятеля, но возглавляемые офицерами, всю жизнь проводившими в сражениях, и маршалом, один вид которого вселял в них уверенность, двигались вперед с трепетом молодой и кипучей отваги. Им нужно было пересечь складку местности, за которой виднелись многочисленные эскадроны, опиравшиеся на легкую пехоту и конную артиллерию. Французские солдаты встретили первые ядра без удивления. Отборные тиральеры пересекли пересеченный участок и вынудили неприятельских тиральеров отступить. Последовав за ними, спустились в складку, поднялись на противоположный склон и открыли по неприятелю энергичный артиллерийский огонь. После несколько залпов на наши каре ринулась кавалерийская дивизия Ланского. Настала критическая минута. Бесстрашный Суам, героический Ней и бригадные генералы встали во все каре, дабы удержать пехоту, невычную к такому зрелищу. Исполненный по сигналу ружейный огонь встретил неприятельскую конницу и остановил ее. Молодые солдаты, удивленные, что понадобилось столь немного, встретили новую атаку еще лучше, поразив из ружей множество всадников Ланского. Затем Ней перестроил каре в колонны и отбросил неприятеля. Он поздравил с победой своих доблестных рекрутов, которые ответили ему тысячекратным «Да здравствует Император!», бросились следом за русскими в Вайсенфельс, выбили их из города и к концу дня полностью им

¹ В 1632 году, во время знаменитой битвы между шведами (во главе с королем Густавом-Адольфом) и армией Священной Римской империи. – *Прим. ред.*

завладели. Маршал Ней, со времен своей молодости не сражавшийся с неопытными солдатами, поспешил выразить Наполеону свою радость и уверенность. «Эти дети, – написал он, – герои; с ними я сделаю всё, что Вы захотите».

Тем временем Макдональд, формировавший головную колонну Евгения, вступил в Мерзебург, и его аванпосты смешались с аванпостами Нея. Следовавший за ним Лористон нашел мосты Галле плотно занятыми пехотой и многочисленной артиллерией прусского генерала Клейста. Эти мосты тянутся через несколько рукавов Заале, и их невозможно захватить, если только их не охраняет деморализованное войско. Но не таково уже было состояние духа пруссаков, воодушевленных благородным патриотизмом, и Лористон не стал форсировать позицию, которую на следующий день французы намеревались обойти.

Прочитав донесения, Наполеон разделил радость своих генералов и написал в Мюнхен, Штутгарт, Карлсруэ и Париж, чтобы рассказать о подвигах молодых солдат. Он покинул Экартсбергу 30-го и отправился ночевать в Вайсенфельс.

Осуществив соединение с Евгением в низовьях Заале, он намеревался воспользоваться полученным преимуществом и массово дебушировать на знаменитую Лютценскую равнину, выдвинуться мощной колонной на Лейпциг, перейти через реку Эльстер прямо в Лейпциге, исполнить поворотное движение, выдвинув вперед левый фланг, двинуться на союзников и прижать их к горам Богемии. Однако, поскольку двести тысяч человек не могли двигаться вместе, Наполеон направил большой дорогой из Лютцена в Лейпциг Нея, гвардию и Мармона. Чтобы фланкировать главную колонну справа, он приказал Бертрону и Удино, оставшимся в верховьях Заале, дебушировать из Наумбурга на Штоссен. Чтобы фланкировать ее слева, он приказал Евгению дебушировать из Мерзебурга на Лейпциг. Все корпуса, отбывавшие с Заале в трех-четыре дня друг от друга, сходились к Лейпцигу.

На следующий день, 1 мая, Наполеон рано утром вскочил на лошадь, собрав вокруг себя Нея, Мортье, Бессьера, Сульта, Дюрока и Коленкура, желая насладиться зрелищем, столь восхитившим накануне Нея, и собственными глазами увидеть, как молодые солдаты весело и стойко отражают атаки неприятельской конницы.

Между тем просторная Лютценская равнина, как и всякая другая равнина, имела свои неровности. По выходе из Вайсенфельса располагался довольно длинный и глубокий овраг под названием Риппах, по имени деревушки, через которую проходил. Утром войска Нея, предшествуемые многочисленными тиральерами, уверенно двинулись к нему, построившись в каре, между которыми разместили артиллерию. Дойдя до края оврага, солдаты разорвали каре, преодолели препятствие, вновь построились и двинулись дальше, стреляя из пушек. Впереди, демонстрируя превосходную выдержку, по-прежнему шагала дивизия Суама. В ту минуту, когда она разворачивалась, маршал Бессьер, который обычно командовал гвардейской кавалерией и потому не должен был там находиться, захотел сопровождать Наполеона и отступил вправо, дабы лучше разглядеть движения неприятеля. Внезапно ядро, сломав руку, которой он держал поводья, ударило его прямо в грудь. Бессьер был убит на месте! Наполеон любил его и ценил, искренне сожалел о нем и со словами «Смерть приближается к нам!» пустил лошадь вперед, чтобы наблюдать за движением своих солдат, пока Бессьера уносили на плаще. Наполеон испытал такое же удовлетворение, что и Ней двумя днями ранее, увидев, как рекруты, с невозмутимой стойкостью отразив атаки кавалерии, поразили триста-четыреста неприятельских всадников.

День завершили в Лютцене, довольные поведением солдат, опечаленные более, чем показывали, гибелью Бессьера, в которой многие усмотрели дурной знак. Однако погода была превосходна, войска воодушевлены, и казалось, что природа и фортуна вновь улыбаются нам! Наполеон отправился осматривать памятник Густаву-Адольфу, победившему и павшему на этой равнине, и приказал возвести памятник и герцогу Истрийскому, сраженному здесь же.

Он посвятил маршалу несколько прекрасных слов в очередном бюллетене и написал его вдове письмо, способное исполнить ее гордостью и утешить, насколько может утешить слава.

Второго мая Наполеон поднялся в три часа ночи, чтобы отдать приказы и продиктовать множество писем. До Лейпцига и перехода через Эльстер оставалось не более четырех лье. Донесения лазутчиков яснее, чем в предыдущие дни, говорили о том, что русские и пруссаки продолжают движение за Эльстером на правом фланге французов и дошли до Цвенкау и Пегау, очевидно, надеясь встретить противника там, где его не было, то есть на дороге к горам. При этих известиях Наполеон утвердился в мысли передвинуться на Лейпциг и обрушиться во фланг неприятелю и отдал соответствующие распоряжения войскам. Принц Евгений прибыл днем в Маркранштедт, опередив основной корпус, и Наполеон оставил его там, чтобы он имел возможность тотчас передвинуться к Лейпцигу: отправить корпус Лористона прямо на Лейпциг, а Макдональда – вправо на Цвенкау, где могли встретиться передовые подразделения неприятеля. Наполеон рекомендовал Евгению лично держаться между Лористонам и Макдональдом с дивизией Дюрютта, кавалерией Латур-Мобура и сильным артиллерийским резервом, дабы оказать помощь тому, кому придется вести более тяжелый бой. Наполеон и сам приготовился последовать за ним с гвардией, дабы поддержать нуждавшегося в поддержке.

Однако заподозрив, с присущей ему проницательностью, что союзники двигаются вдоль Эльстера, чтобы атаковать во фланг его самого, Наполеон удержал Нея с пятью дивизиями в окрестностях Лютцена, расположив их в пяти деревнях, главная из которых называлась Кайе. Деревня эта находится в одном лье выше Лютцена на берегу канала, пересекающего равнину между Заале и Эльстером. Пять дивизий Нея, помещенные в Кайе, формировали прочную ось, вокруг которой французская армия и намеревалась произвести поворотное движение. Оставались Мармон, Бертран и Удино, двигавшиеся следом за армией. Мармон находился на берегу Риппах, Бертран – чуть позади него, Удино – на Заале. Наполеон приказал Мармону и Удино перейти через Риппах и расположиться справа от Нея, чтобы оказать ему помощь или принять помощь от него, если их внезапно атакует неприятель, а затем, если они никого не встретят, выдвинуться к Эльстеру между Цвенкау и Пегау. Тем временем другая половина армии должна была произвести поворотное движение в Лейпциге.

Наполеон отбыл в десять часов и в сопровождении эскадрона гвардии помчался к Лейпцигу. В эту минуту Макдональд, перерезав слева направо дорогу в Лейпциг, двигался на Цвенкау; слева Лористон двигался на Лейпциг от Маркранштедта. Евгений с дивизией Дюрютта и кавалерий Латур-Мобура находился на самой дороге, готовый оказать помощь. Гвардия следовала за Евгением. Промчавшись мимо многочисленных колонн, которые приветствовали его криками «Да здравствует Император!», Наполеон прибыл к Лейпцигу, где сделался свидетелем горячего боя.

Перед городом велся весьма оживленный ружейный и артиллерийский огонь. Бесстрашный Мезон, командующий первой дивизией Лористона, с присущей ему решительностью атаковал Лейпциг, обороняемый прусской пехотой генерала Клейста. Как известно, со стороны Лютцена Лейпцигу предшествуют болотистые и лесистые участки, пересеченные рукавами Эльстера, и, чтобы добраться до города, нужно пройти по длинной веренице мостов. Лесные заросли были полны тиральеров; в городке Линденау, при входе на мосты через Эльстер, располагалась сильная артиллерия, поддержанная прусской пехотой. Оттеснив неприятельских тиральеров и поставив батареей часть своей артиллерии, генерал Мезон передвинулся к деревне Лойч, расположенной слева от Линденау, и открыл по Линденау фланговый артиллерийский и ружейный огонь. Затем он приказал одному батальону перейти через первый рукав Эльстера вброд и атаковать с тыла оборонявших плацдарм пруссаков, после чего сформировал атакующую колонну, которую лично возглавил и повел в штыковую атаку на защитников Линденау. Пруссак храбро оборонялись, но под угрозой захвата с тыла колонной, перешедшей через Эльстер, оставили первый мост, поджегши его, и Мезон во главе своей пехоты бросился

за ними. Наполеон некоторое время следил в подзорную трубу за этой точно исполненной атакой, видел своих солдат, вперемешку с пруссаками вступающих в Лейпциг, и многочисленных жителей города, забравшихся на крыши домов, чтобы узнать, какая участь их ждет.

Пока он созерцал эту сцену, столь похожую на множество других, наполнявших его жизнь, внезапно справа, со стороны Кайе и деревень, где он оставил на посту корпус Нея, послышалась канонада. Просчитав все возможности обширного маневра, Наполеон не был ни удивлен, ни смущен. Несколько мгновений он прислушивался к канонаде, которая только усиливалась. «В то время как мы намеревались их обойти, – воскликнул он, – они сами пытаются обойти нас; что ж, мы готовы!» Тотчас он предписал Нею держаться, подобно скале, в пяти деревнях, что было возможно, поскольку он располагал 48 тысячами человек и значительные силы могли оказать ему помощь справа, слева и сзади. Затем, с быстротой готового ко всему ума, Наполеон внес изменения в свои маршевые приказы, которые обычно так трудно вовремя предписать и с точностью исполнить, особенно когда задействованы крупные массы войск. Прежде всего, он предписал Лористону оставить в Лейпциге одну из трех дивизий, а две другие эшелонировать за городом, головой к Цвенкау, подняться вдоль Эльстера к Цвенкау и передвинуться на левый фланг Нея. Он предписал Макдональду, которому прежде приказывал направляться на Цвенкау, повернуть на деревушку Айсдорф, находившуюся на левом фланге Нея на берегу канала Флосс-Грабен. Макдональд должен был дойти вдоль Флосс-Грабена до Айсдорфа и Китцена, фланкировать левый фланг Нея и даже обойти неприятеля, пришедшего от Цвенкау, а Евгений должен был поддержать Макдональда, оставив Лористона в Лейпциге. Таковы были диспозиции слева от Нея.

Мармон, оставшийся на берегах Риппах за Лютценом, был в ту минуту на марше. Наполеон приказал ему расположиться справа от корпуса Нея в деревне Штарзидел, одной из пяти деревень, которые охранял этот корпус. Генерал Бертран, находившийся еще дальше, получил приказ дебушировать прямо в тылы неприятеля, соединившись с Мармоном. Так, Нея должны были фланкировать справа и слева корпуса, которым назначалось не только поддержать его, но и развернуться к флангам неприятеля.

Наконец, чтобы избежать прорыва центра, Наполеон приказал повернуть обратно всей гвардии и направил ее из Лютцена на Кайе. Гвардия доставляла Нею помощь 18 тысяч пехотинцев, которые являлись на сей раз не парадным, но грозным войском, обреченным, как и император, всем опасностям кампании, предназначенной любой ценой восстановить славу нашего оружия. Понадобилось два-три часа, чтобы все корпуса прибыли на линию огня; но было только одиннадцать часов утра, и все еще успевали принять участие в великом сражении. Предписав перемены в порядке движения, Наполеон галопом отбыл, промчавшись мимо колонн гвардии, отходивших назад, к полю битвы, которое французы надеялись найти впереди, а нашли сзади на правом фланге. Канонада не переставала нарастать, ее грохот заполнял воздух, предвещая одно из самых памятных сражений той кровопролитной и героической эпохи.

Вот что произошло у неприятеля и привело к сражению в Кайе. При известии о двух боях, данных кавалерией Винцингероде перед Вайсенфельсом и за ним 29 апреля и 1 мая, союзники наконец поняли, что Наполеон воссоединился с Евгением, перешел через реку и движется к Эльстеру, собирается перейти и через Эльстер и захватить их с фланга. Они хотели сражения – и они его получали. Призвали Витгенштейна, сменившего Кутузова (про которого говорили, щадя суеверный дух русских солдат, что он отсутствует, а не умер), и начальник штаба Дибич составил для него план сражения. Он предлагал воспользоваться фланговым движением Наполеона, чтобы захватить с фланга его самого и атаковать у Лютцена, то есть у Кайе, где были замечены только простые подразделения. Атаковав всей массой и захватив эти позиции, он предлагал затем опрокинуть французскую пехоту 25-тысячной конницей союзников и отбросить ее на заболоченные участки, простиравшиеся от Лейпцига до Мерзебурга, места слияния

Заале и Эльстера. В случае успеха Наполеону грозил настоящий разгром. План получил одобрение обоих государей, и вечером 1 мая войска двинулись к намеченной цели.

Решили в ночь на 2 мая перейти через Эльстер; шедшие от Лейпцига и Роты войска должны были переправиться в Цвенкау, шедшие из Борны – в Пегау; затем следовало пересечь Флосс-Грабен и двинуться на пять деревень справа от Лютцена, где были замечены лишь немногочисленные биваки. Когда же пехота захватит деревни, можно было атаковать французскую армию во фланг кавалерией.

Вся ночь ушла на маневры. Витгенштейн и Йорк, подошедшие от Лейпцига с 24 тысячами человек, перешли через Эльстер в Цвенкау, где встретились с Блюхером, переходившим через реку с 25 тысячами, что вызвало неразбериху и задержку. Гвардия и резерв, составлявшие 18 тысяч человек, которых вел император Александр, перешли через Эльстер в Пегау и выстроились на разведанном конницей Винцингероде участке на фланге французской армии. Конница составляла 12–13 тысяч человек. Милорадович с 12 тысячами находился выше по течению Эльстера, у гор, где первоначально ожидали появления Наполеона. В целом войска союзников составляли 92 тысячи солдат. Однако маневры отняли много времени и в десять часов утра еще продолжались.

Перейдя через Флосс-Грабен выше французов и передвинувшись на Лютцен, в то время как французы перешли через него ниже в обратном направлении и передвинулись к Лейпцигу, союзники оперлись правым крылом на Флосс-Грабен, а левым – на овраг Риппах и оказались перед деревнями, за которые предстояло дать яростный бой. Ближе всего к ним находилась деревня Гроссгёршен, затем слева появлялась Рана, а справа – Клейнгёршен. Хотя дело происходило на равнине, деревни располагались в неглубокой, поросшей деревьями ложине, в которую стекались мелкие ручьи, несущие свои воды в канал Флосс-Грабен. Со своей позиции союзники отчетливо различали все три деревни, за ними участок постепенно повышался, справа появлялась деревня Кайе, слева у Риппах – деревня Штарзидель, а вдалеке виднелась остроконечная колокольня Лютцена и дорога на Лейпциг.

Было решено, что первые три деревни атакует Блюхер при поддержке Витгенштейна и Йорка, Винцингероде двинет на французов всю свою конницу слева, как только они поколеблются, а гвардия и русские пехотные и кавалерийские резервы, построенные справа у Флосс-Грабена, двинутся на поддержку тому, кого будут теснить. Надеялись, что Милорадович успеет прибыть вовремя, чтобы принять участие в сражении. Без него силы союзников насчитывали только 80 тысяч человек.

После часового отдыха пруссаки Блюхера атаковали первыми, на глазах обоих государей, расположившихся в некотором отдалении на невысоком холме. В полдень Блюхер, лично участвовавший во всех атаках, несмотря на семидесятидвухлетний возраст, достойный противник маршала Нея, с которым ему предстояло сражаться в этот день, двинулся на Гроссгёршен во главе дивизии Клейста. Дивизия Суама, уведомленная об атаке с помощью долгих приготовлений союзников, успела прийти в боевую готовность. Четыре ее батальона с артиллерией расположились перед деревней. Блюхер открыл по батальонам жестокий прицельный огонь из трех батарей. Молодые солдаты Суама держались стойко, но когда оказались выведены из строя два-три орудия и батальоны с силой атаковала пехота дивизии Клейста, они были отброшены в Гроссгёршен, обойдены справа и слева и опрокинуты на линию Раны и Клейнгёршена. Успех Клейста вызвал радостное оживление на участке, с высоты которого Александр и Фридрих-Вильгельм наблюдали за сражением, и надежда на великую победу вспыхнула в их сердцах. Слева к атакуемым деревням приблизился Винцингероде с конницей, намереваясь обойти их и улучшить минуту для решающей атаки. Но сражение только начиналось, и множество превратностей могли переменить его исход до окончания дня.

Отступивших на Клейнгёршен и Рану солдат Суама теперь было не просто выбить. Канавы, изгороди и пруды, располагавшиеся между деревнями, представляли собой многочис-

ленные средства для обороны. Дивизия Суама, насчитывавшая 12 тысяч человек, ожесточенно сопротивлялась. К сожалению, дивизия Жирара, располагавшаяся правее и ближе к Штарзиделю, не ожидала атаки и пребывала в бивачном беспорядке, отправив лошадей на фуражирование, что обрекало артиллерию на неподвижность. Поэтому Суама могли обойти с этой стороны, но в эту минуту Мармон, перейдя через Риппах, дебушировал из Штарзиделя навстречу коннице Винцингероде. Маршал, с рукой на перевязи двигавшийся во главе своих солдат, построил с одной стороны дивизию Боне, с другой дивизию Компана и расставил их несколькими каре таким образом, чтобы прикрыть правый фланг Суама и защитить дивизию Жирара. Не решившись атаковать его пехоту, казавшуюся крепкой как стена, Винцингероде осыпал ее ядрами, но не поколебал. Под ее прикрытием дивизия Жирара построилась и расположилась справа от Суама, на продолжении линии Раны и Клейнгёршена.

Блюхер и оба государя поняли, что французская армия не настолько застигнута врасплох, как они надеялись, и будет непросто отнять у нее деревни, которыми она, казалось, так сильно дорожила. Не знавший преград и пылавший храбростью и патриотизмом Блюхер возглавил свою вторую дивизию и с такой силой атаковал Клейнгёршен и Рану, куда переместился бой, что ему удалось поколебать дивизии Суама и Жирара. В результате ожесточенного рукопашного боя в садах и на широких площадях обеих деревень пруссаки оттеснили наших молодых солдат и отбросили их к Кайе и Штарзиделю. Но Кайе захватить было нелегко, а Штарзидель прикрывали каре дивизий Боне и Компана. Блюхер, охваченный героическим пылом, двинулся вперед, решив преодолеть все преграды, но в эту минуту на стороне французов внезапно появились новые силы.

Подоспевший из Лейпцига маршал Ней вывел на линию дивизии, располагавшиеся за Кайе. Блюхеру наконец предстояло встретиться с энергией, способной сдержать его собственную. Дивизию Маршана, состоявшую из солдат мелких германских государей, Ней направил за Флосс-Грабен на Айсдорф, в обход неприятеля. Дивизии Рикара, размещенной между Лютценом и Кайе, он приказал как можно быстрее присоединиться к нему, а дивизию Бренье, находившуюся в Кайе, Ней возглавил лично и двинулся на поддержку Суаму и Жирару, вытесненным из Клейнгёршена и Раны.

Между тем бой достиг крайнего ожесточения. При виде Нея молодые французские солдаты приободрились. Маршал воссоединил их и произвел необходимые диспозиции, чтобы отбить оставленные деревни. Генералы повели солдат к Клейнгёршену и Ране, где закипел яростный рукопашный бой. Суам и Жирар, вернувшись в эти деревни следом за Бренье, вновь расположили там своих солдат, которые прежде не видели боя и были будто опьянены порохом и новизной зрелища, оказавшись на поле одного из жесточайших сражений эпохи. Французы остались хозяевами обеих деревень и оттеснили пруссаков к Гроссгёршену, их первому завоеванию.

Тем временем прибыл Наполеон и, объехав ряды раненых, при виде него кричавших «Да здравствует Император!», обнаружил державшегося в центре Нея, Евгения, двигавшегося вместе с Макдональдом в обход неприятеля к Айсдорфу, и Мармона, построившегося на правом фланге у Штарзиделя в несколько каре. Он еще не видел Бертрана, двигавшегося вдалеке, но рассчитывал на его прибытие и знал, что во весь дух приближается гвардия. Наполеон был спокоен и дал сражению идти своим ходом.

Но Блюхер, располагавший королевской гвардией и резервами и не имевший нужды советоваться с кем-либо, чтобы располагать пруссаками, выдвинулся вперед, вдохновляемый патриотической яростью. Справа он бросил два батальона за Флосс-Грабен, чтобы сохранить Айсдорф, куда, как он заметил, двигалась колонна французов; слева он отправил королевских конных гвардейцев на дивизии Боне и Компана, построившиеся в каре перед Штарзиделем, и приказал Винцингероде поддержать атаку всей конницей. В центре Блюхер ринулся с пехо-

той королевской гвардии на Клейнгёршен и Рану. Атака, предпринятая с решимостью людей, готовых победить или умереть, удалась. Блюхер получил ранение в руку, но не покинул поля боя, вновь отбил Клейнгёршен и Рану и, не переводя дух, двинулся на Кайе и захватил и эту деревню. Его конница, брошенная на дивизии Боне и Компана, пыталась прорвать каре, но моряки Боне, привычные к тяжелой артиллерии, встречали ядра и конные атаки без малейших признаков колебания. Тем не менее деревня Кайе была взята, французский центр оголился, и если бы союзники, действуя связно, послали в поддержку Блюхеру русскую армию, линию Нея смогли бы прорвать и Императорская гвардия, еще не подоспевшая, не успела бы закрыть брешь. Но у Наполеона осталась еще дивизия Рикара (пятая дивизия Нея), и он приказал Мутону возглавить ее и отбить Кайе. Граф Лобау повел на врага молодую пехоту, в то время как Суам, Жирар и Бренье воссоединяли своих солдат. Он двинулся на Кайе, столкнулся там с прусской гвардией, атаковал ее в штыки и потеснил. Французы вновь вступили в Кайе и отвели пруссаков к ложнине, где находились Рана и Клейнгёршен. В это время Суам и Жирар возобновили атаку под водительством Нея, и бой закипел с прежней яростью. Ружейный и картечный огонь велся почти в упор.

Тем временем Макдональд с тремя дивизиями захватил Рапитц у передовых войск неприятеля, приблизился к Айсдорфу и Китцену, и гром его пушек слышался на левом фланге французов, за Флосс-Грабенем. С противоположной стороны Бертран дебушировал за позицию Мармона, и вдали на правом фланге можно было видеть, как приближается, построившись в несколько каре, его первая дивизия (дивизия Морана).

Настало время союзникам предпринять последнее усилие, прежде чем они будут обойдены со всех сторон. До сих пор в сражении участвовали только Блюхер и Винцингероде, то есть около 40 тысяч человек. Позади слева оставались Витгенштейн и Йорк с 18 тысячами, а также 18 тысяч солдат русской гвардии и резервов.

Блюхер, весь окровавленный, потребовал, чтобы его поддержали и нанесли мощный удар в центр: только там можно было добиться решающих результатов, поскольку справа и слева армию союзников начал охватывать обширный полукруг огня. Колебания были неуместны, и второй линии, линии Витгенштейна и Йорка, приказали двигаться на помощь войскам Блюхера. Было шесть часов вечера, и еще можно было успеть прорвать центр французской армии, где Блюхер, ценой почти полного своего уничтожения, фактически истребил две дивизии Нея. Войска Витгенштейна и Йорка обошли наполовину уничтоженный корпус Блюхера и двинулись на охваченные пламенем руины Клейнгёршена и Раны. Пройдя сквозь остатки прусской армии, они под градом огня двинулись на Кайе, в то время как Винцингероде с прусской конной гвардией и частью русской конницы устремился на каре Мармона, опиравшиеся на Штарзидель. Напрасные усилия! Каре Боне и Компана, будто цитадели, изрыгнули огонь из своих стен, оставшихся непоколебимыми. Однако справа солдаты Витгенштейна и Йорка потеснили дивизии Нея, пострадавшие так же, как дивизии Блюхера, отбросили их в Кайе, вступили в деревню, дебушировали из нее и оказались перед гвардией Наполеона.

Теперь решающее усилие надлежало предпринять Наполеону, ибо тщетны были бы усилия флангов армии окружить неприятеля, если бы прорвали ее центр. Но Наполеон располагал еще Императорской гвардией и ее мощным артиллерийским резервом. Он выдвинул вперед Молодую гвардию и приказал шестнадцати батальонам дивизии Дюмустье перестроиться из каре в атакующие колонны, выдвигаться левым флангом на Кайе и правым флангом на Штарзидель, атаковать и любой ценой прорвать неприятельские линии, словом, победить, ибо это было абсолютно необходимо. Тем временем Старая гвардия, построившись в шесть каре, прикрыла центр линии, подобно шести редутам. Наполеон предписал Дроу разместить восемьдесят орудий наискось на правом фланге перед Штарзиделем, дабы ударить в лоб коннице, беспрерывно атакующей дивизии Мармона, и захватить с фланга линию пехоты Витгенштейна и Йорка.

Отданные им приказы были исполнены в ту же минуту. Шестнадцать батальонов Молодой гвардии, ведомые генералом Дюмустье и маршалом Мортье, двинулись атакующими колоннами вперед, присоединили по пути солдат Нея, еще способных сражаться, и под градом огня вновь вступили в Кайе. Завладев деревней, они прошли дальше и оттеснили на Клейнгёршен и Рану войска Витгенштейна, Йорка и Блюхера, опрокинув их вперемишку во впадину, где расположены эти деревни. Затем они остановились на пологом участке, предоставив Друю необходимое пространство для артиллерии. Друю направил часть своих восьмидесяти орудий на неприятельскую конницу, а остальные – вкось на пехоту Витгенштейна и Йорка и засыпал тех и других ядрами и картечью. Попад под массированный огонь, неприятельская пехота и кавалерия вскоре отступили. Тем временем на левом фланге за Флосс-Грабенем дивизии Фрессине и Шарпантье атаковали Китцен и Айсдорф и захватили их у принца Вюртембергского. Справа, на другом конце линии, Боне и Компан разорвали, наконец, каре и двинулись колоннами на фланг неприятеля, позади которого уже слышался гром пушек Морана.

Было около восьми часов; смятение начало овладевать Генеральным штабом союзников. Фридрих-Вильгельм и Александр собрали генералов на холме, с высоты которого следили за сражением, и обсуждали план дальнейших действий. Блюхер заметил возмущенно, что столько благородной крови не должно быть пролито напрасно, что сражение не проиграно и он сейчас это докажет с одной кавалерией. В самом деле, еще можно было вести в бой около 4–5 тысяч прусских кавалеристов, главным образом из королевской гвардии. Блюхер собрал их, возглавил и, хотя началась ночь, ринулся на корпус Мармона, находившийся на левом фланге союзников. Солдаты маршала, уставшие после долгого дневного боя, едва держались на ногах. Недавно сформированный 37-й легкий, застигнутый врасплох внезапной атакой прусской конницы, разбежался. Мармон, примчавшийся вместе со штабом, был и сам вовлечен в беспорядочное бегство. Но дивизии Боне и Компана, успевшие вовремя построиться, противостояли атаке Блюхера.

Мимолетное волнение вскоре улеглось, и солдаты устроились на ночлег на покрытом развалинами и залитом кровью поле битвы, которое союзникам пришлось оставить после долгих боев. Мы не обладали уже той прекрасной кавалерией, какая была у нас прежде, чтобы преследовать побежденных и тысячами собирать пленных и пушки. Впрочем, имея дело с неприятелем, сражавшимся с подобным ожесточением, следовало быть осмотрительными и отказаться от сбора трофеев.

Наполеон захотел остаться на поле боя. Он понимал, что Кайе, как непоколебимая скала, разбила пылкость его врагов, безрассудно опьяненных победами, и что они не сделают уже ни шага вперед. Он заночевал на поле боя, чтобы наутро собрать трофеи, но уже знал, что они будут невелики.

На следующий день, 3 мая, он был на коне с рассвета, приказал собрать раненых, привести в порядок войска и начать преследование неприятеля. Он пересек галопом впадину, в которой догорали Рана, Клейнгёршен и Гроссгёршен, поднялся к позиции, которую занимали государи-союзники во время сражения, и увидел яснее, как они хотели обойти его, в то время как он обходил их. Из 92 тысяч человек армии союзников в сражении приняли участие от силы 65 тысяч, но сражались они яростно. С нашей стороны сражавшихся было не намного больше, ибо задействовали только четыре дивизии Нея, две дивизии Мармона, одну дивизию гвардии и две дивизии Макдональда. Потери оказались велики с обеих сторон. Пруссаки и русские потеряли не менее 20 тысяч человек, а мы – 17–18 тысяч.

Оставалось воспользоваться победой, а в этом искусстве, как и в искусстве ее подготовить, Наполеону не было равных. Проведя день 3 мая на поле битвы и потратив его на сбор раненых, воссоединение корпусов, поколебленных жестоким столкновением, и сбор разведанных о движениях неприятеля, он понял, до какой степени решающим был удар, нанесенный союзникам, ибо, несмотря на их громкие заявления, они отступали полным ходом. На дорогах

виднелись только колонны войск и экипажи, и французы могли смотреть на них, но за неимением кавалерии не могли захватить. Союзники двигались со всей возможной быстротой, уходя за Эльстер, Плайсе, Мильду и Эльбу.

Убедившись в важности Лютценской победы благодаря скорости отступления неприятеля, Наполеон написал в Мюнхен, Штутгарт и Париж письма, исполненные законной гордости и восхищения своими молодыми солдатами. Вечером 3-го он отправился на ночлег в Пегау и по своему обыкновению поднялся среди ночи, чтобы отдать распоряжения о дальнейшем движении. Могло стать, что союзники пойдут в двух направлениях: пруссаки выйдут через Торгау на дорогу в Берлин, дабы прикрыть столицу, а русские последуют дорогой в Дрезден, чтобы вернуться в Силезию. И напротив, предоставив Берлин его участи и усердию королевского принца Швеции, союзники могли продолжить совместное движение на Дрезден, прижимаясь к горам Богемии и к Австрии, чтобы заставить последнюю примкнуть к ним. Наполеон составил диспозиции с учетом обоих предположений. Если союзники разделились, он также мог разделить свои силы. Послав колонну в 80 тысяч человек в погоню за пруссаками, дабы она перешла следом за ними через Эльбу и победоносно вступила в Берлин, он сам мог выдвинуться с 10 тысячами следом за русскими, неустанно преследовать их, вступить с ними в Дрезден и отбросить в Польшу. Если же, напротив, союзники не разделились, нужно было последовать их примеру, отложить удовольствие вступления в Берлин и всей массой преследовать неприятеля, всей массой же отступавшего.

Итак, Наполеон оставил корпус Нея сзади, чтобы он оправился от ранений, ибо из 17–18 тысяч убитых и раненых 12 тысяч приходилось на его корпус. Наполеон разрешил маршалу остаться на два дня в Лютцене, чтобы устроить в хорошем госпитале пострадавших тяжелее всего и подготовить к перевозке в Лейпциг тех, кто ранен легче. Затем Нею следовало с большой помпой вступить в Лейпциг. Этот город выказал слишком большую враждебность, чтобы избавлять его от зрелища нашего триумфа и ужаса перед нашим оружием. Из Лейпцига Нею должен был двигаться на Торгау, присоединить там саксонцев, вероятно, укрепившихся в преданности после победы при Лютцене. Оставив с ними дивизию Дюрютта под началом генерала Ренье, Нею оказался бы подкрепленным корпусом в 14–15 тысяч человек. Кроме того, Наполеон дал ему маршала Виктора, не только с его вторыми батальонами, реорганизованными в Эрфурте, но и с частью вторых батальонов Даву. Виктор, таким образом, располагал бы двадцатью двумя батальонами численностью 15–16 тысяч человек.

Наконец, оставалась дивизия Пюто, четвертая дивизия корпуса Лористона, оставленная с генералом Себастиани слева от Эльбы, чтоб покарать казаков Теттенборна и Чернышева. Наполеон предписал ей спешно направляться на Витгенберг и присоединиться к маршалу Нею. В охране низовий Эльбы и ганзейских департаментов он полагался на генерала Вандама, уже находившегося в Бремене с частью переформированных батальонов старых корпусов, и на самую победу при Лютцене. Таким образом, сохранив 35–36 тысяч человек из 48 тысяч, присоединив Ренье с 15–16 тысячами французов и саксонцев, Виктора с 15 тысячами французов и Себастиани с 14 тысячами, Нею неделю спустя должен был получить армию в 80 тысяч человек. Ему выпадала честь преследовать Блюхера, если Блюхер направится на Берлин, и вступить в столицу. Наполеон хотел таким образом противопоставить пылкость Нею пылкости героя Пруссии. Если же неприятель не разделился и думал дать новое сражение, прежде чем уйти за Эльбу, довольно было и двух дней, чтобы подвести 80 тысяч человек Нею во фланг армии союзников. Будучи преследователем, а не преследуемым, Наполеон мог выбирать время и место, где ему будет удобно дать второе сражение.

Основные силы союзников Наполеон решил преследовать с Удино и Бертраном, подкрепив первого баварской, а второго вюртембергской дивизией, Мармоном, потерявшим не более 600–700 человек, Макдональдом, потерявшим не более 2 тысяч, Лористоном, оставив-

шим перед Лейпцигом 700 солдат, и с гвардией, потерявшей около тысячи человек. То есть примерно со 140 тысячами солдат. Приняв такие диспозиции и рекомендовав Нею восстановить силы войск, потребовать устройства в Лейпциге госпиталя на шесть тысяч коек и обеспечить себя в городе всем, в чем он будет нуждаться, Наполеон отбыл из Пегау тремя колоннами. Главная колонна, состоявшая из Макдональда, Мармона и гвардии и ведомая лично Евгением, должна была выйти на большую дорогу в Дрезден. Вторая, состоявшая из Бертрана и Удино, держась четырьмя-пятью лье правее, должна была следовать вдоль подножия Богемских гор. Третья, сформированная из одного корпуса Лористона и державшаяся несколькими лье левее, должна была двигаться на Мейсен, один из пунктов перехода через Эльбу, который полезно было занять, и связывать Наполеона с Неем. Неприятель слишком очевидно отступал, чтобы существовала опасность столкнуться с ним в каком-нибудь пункте, а колонн в 50–60 тысяч человек было достаточно для любых вероятных встреч.

Утром 5 мая Наполеон отбыл в Борну, последовав за основной колонной. Перед ним двигался Евгений. Прибыв в Колдиц на Мульде, принц обнаружил аррьергард пруссаков за рекой, мосты через которую были уничтожены. Он поднялся правее, переправил одну колонну и часть артиллерии и расположился на высоте, контролировавшей дорогу в Дрезден. Под огнем двадцати его орудий пруссакам пришлось покинуть берег реки и поспешно отступить. Потеряв несколько сотен человек, они отступили к Лайснигу, пройдя через линии русского корпуса, стоявшего на позиции перед городом Хартой. Это был корпус Милорадовича, вследствие неверной диспозиции лишившийся возможности участвовать в Лютценском сражении. Пропустив пруссаков, Милорадович вновь сомкнул ряды и, пользуясь преимуществами позиции, держался стойко. Евгений с силой атаковал его и сумел выбить с позиции, лишь обойдя ее. Обе стороны потеряли по 700–800 человек, но за отсутствием кавалерии французы не смогли взять пленных. Тем не менее русские были вынуждены оставить множество повозок с ранеными и уничтожить множество багажных обозов.

Их преследовали безостановочно 6 и 7 мая, поскольку Наполеон хотел прибыть в Дрезден не позднее 8 мая. Пруссаки двигались дорогой в Мейсен, русские – дорогой в Дрезден, но еще невозможно было сделать вывод, что они разделились, чтобы прикрыть Берлин и Бреслау. Направив корпус Лористона на Мейсен, Наполеон предписал ему ускорить движение к Эльбе, дабы завладеть, если возможно, переправой через реку: это было выгодно, ибо французы располагали понтонерами, но не имели понтонов, так как тяжелое снаряжение осталось далеко позади. У Наполеона имелась и другая причина энергично выдвигать Лористона на Мейсен. Таким образом он надеялся вызвать снижение возможного сопротивления в самом Дрездене. Ведь невозможно было пытаться форсировать реку у города, не подвергнув его опасности разрушения, довольно было того, что взорвали два пролета его каменного моста, отчего город бесконечно страдал.

Седьмого мая передвинулись на Носсен и Вильсдруф. Вице-король нашел Милорадовича остановившимся на удобной позиции, которую тот, казалось, решил защищать. Генерала с нее выбили, заставив заплатить за пустую браваду несколькими сотнями человек. На следующий день вышли на амфитеатр холмов, с высоты которого открывался вид на прекрасный Дрезден, расположенный по обоим берегам Эльбы у подножия Богемских гор. Погода стояла великолепная, местность, усыпанная весенними цветами, ласкала взгляд, и сердце сжималось при виде цветущей котловины, рискующей в случае сопротивления неприятеля превратиться через несколько часов в добычу пламени. Спустились по ступеням амфитеатра несколькими колоннами и с радостью увидели, как колонны русской армии отступают по городским улицам, переходят через Эльбу и сжигают за собой мосты. После уничтожения каменного моста союзники установили для нужд войск три переправы: лодочную выше города, на плотках ниже города и одну в самом городе, заменив деревянными конструкциями взорванные маршалом

Даву каменные пролеты. Все мосты горели, что говорило о том, что русские ищут укрытия за Эльбой. Французы вступили в главный, старый город, расположенный на левом берегу, а русские остались в новом городе, расположенном на правом.

Едва наши колонны вошли в город, как навстречу Евгению, взывая к его милосердию, вышла муниципальная депутация. Город был объят тревогой, памятуя о своем поведении в течение последнего месяца: он встречал иностранных государей под триумфальными арками и усыпал цветами их путь, он обращался с требованиями и даже угрозами к своему королю, дабы тот последовал примеру короля Пруссии, а надо сказать, что то, что было законно со стороны пруссаков, было куда менее законно со стороны саксонцев, которых французы возвысили, а не принизили. Поэтому жители с испугом ожидали от Наполеона решения участи. Вице-король с присущей ему скромностью отослал депутацию к своему отцу, прибывшему к воротам города вслед за ним.

Приняв ключи от Дрездена, Наполеон высокомерно сказал, что принимает их только для того, чтобы вручить королю, и прощает жителям дурное обращение с французами, но благодарить за это они должны Фридриха-Августа: он избавляет их от применения военных законов только из уважения к его добродетелям, преклонному возрасту и честности. Так пусть же они встретят его с должным почтением и возведут для него триумфальные арки, которые столь неосмотрительно возводили для императора Александра. Пусть они хорошенько отблагодарят его при встрече за милосердие, с каким обошлись с ними в эту минуту, ибо без него французская армия растоптала бы Дрезден, как завоеванный город. Однако им следует остерегаться и не делать ничего, что могло бы благоприятствовать неприятелю, ибо любое предательство будет незамедлительно сурово наказано. После этих слов Наполеон приказал приготовить пищу для приближавшихся колонн.

Войскам была предписана строжайшая дисциплина, которую они и соблюли. Наполеон тем временем хотел перейти через Эльбу и вынудить русских оставить новый город, дабы избежать боев между двумя берегами: это могло нанести ущерб прекрасной столице. Он даже не хотел дожидаться, пока Лористон осуществит переход в Мейсене, поскольку был не уверен в успехе этой операции, зависевшей от того, с какими препятствиями и средствами придется иметь дело генералу. Посвятив не более часа первым распоряжениям, которых требовало мирное расквартирование армии, он вновь вскочил на лошадь, чтобы произвести разведку на берегах Эльбы. Деревянные пролеты каменного городского моста были сожжены, и хотя восстановить проход было легко, но в данный момент это невозможно было сделать, не вызвав канонады с другого берега и не открыв ее в ответ, чего Наполеон хотел избежать. Укрывшиеся в домах на правом берегу Эльбы русские сделали по неприятелю несколько ружейных выстрелов, на что Наполеон не обратил внимания и выехал из города, чтобы поискать переправу выше и ниже по течению. Выше переправа оказалась невозможна, потому что правый берег, на который требовалось высадиться, возвышался над левым. Наполеон галопом спустился ниже Дрездена и, следуя вдоль Эльбы, которая меньше чем через лье поворачивает к югу, обнаружил подходящий для форсированной переправы участок в Наумбурге. В этом месте берег, который мы занимали, возвышался над берегом, занимаемым русскими, и на нем можно было установить артиллерию, чтобы прикрыть операции армии. Наполеон подготовил всё для проведения операции на следующий же день, 9 мая. Лодки, оставшиеся от сгоревшего моста и собранные кавалерией у реки, укрыли от поползновений неприятеля в надежном месте.

На следующий день Наполеон подошел в Наумбург с сильной пехотной колонной и всей артиллерией гвардии и приказал тотчас начинать переправу. Русские построились на другом берегу и, казалось, готовились к обороне. Наполеон приказал установить на высотах Наумбурга мощную батарею, дабы расчистить расположенный напротив пляж, и перебросить на другой берег вольтижеров в заранее припасенных лодках. Триста человек, переправленные первым рейсом, принялись теснить русских тиральеров, а между тем к ним доставлялись непрерыв-

ными челночными рейсами новые подкрепления. Солдаты тотчас начали окапываться, чтобы прикрыться, а тем временем над их головами зазвучала канонада. Русские подтащили артиллерию, Наполеон подвел новые орудия, и работа по наведению моста продолжилась уже под огнем 50 русских и 80 французских пушек.

Поскольку русские не могли удержаться на участке под огнем французов, они отступили и прекратили чинить препятствия наведению моста, которое должно было завершиться не позднее 10 мая. К счастью, русские оставили и новый город, и французы получили возможность спокойно починить городской мост. Между каменными опорами разрушенных пролетов перебросили мощные бруссы и восстановили сообщение между двумя частями города.

Наши войска стали занимать предместье Нойштадт (или новый город), и в тот же день прибыли генерал Бертран и маршал Удино. Наполеон расквартировал их в Дрездене и Пирне. Он узнал, что Лористон столкнулся в Мейсене только с арьергардом пруссаков и ему удалось без больших затруднений перейти через Эльбу. Таким образом, французы полностью овладели рекой и мирно вступили в столицу Саксонии. Начав кампанию 1 мая, к 10 мая завладев Саксонией и отбросив союзников за Эльбу, Наполеон выполнил свое обещание выгнать союзников быстрее, чем они пришли.

Прежде чем продолжать преследование, Наполеон решил остановиться на несколько дней в Дрездене, чтобы подтянуть войска и предоставить им отдых, присоединить кавалерийские корпуса, призвать короля Саксонии в его земли и, наконец, сообразовать военные операции с операциями союзников. Планы пруссаков и русских были еще не вполне ясны, донесения разведчиков противоречили друг другу. Казалось, что союзники готовы сдать Берлин, предпочитая не разделять ради обороны столицы свои силы, а главное, они продолжали опираться на Австрию, что делало в ту минуту дипломатические дела не менее важными, чем дела военные. Вновь предписав корпусу Нея направляться на Торгау, откуда он был волен в дальнейшем направить его на Берлин или подтянуть к Дрездену, и, повторив и уточнив приказы, исполнение которых должно было довести численность корпуса до 80 тысяч человек, Наполеон без промедления занялся дипломатическими делами, требовавшими всего его внимания.

При приближении французов король Саксонии бежал не только со своих земель, но и из Баварии, и, бросившись под крыло Австрии, политику которой очевидно принял, уехал в Прагу. Наполеону было за что на него гневаться, но провозгласить низложение Фридриха-Августа он не мог, ибо оно означало бы объявление о новом предательстве союзника. Наполеон не умел сдерживать свое честолюбие, но умел сдерживать гнев и на сей раз вновь подал пример самообладания. Он притворился, что не понял поведения короля Саксонии, приписав его действия испугу и дурным советам, и что считает его по-прежнему верным Франции. Наполеон послал в Прагу к королю одного из своих адъютантов с требованием немедленно, под угрозой низложения, возвратиться в Дрезден, привести с собой конницу, артиллерию и двор и вернуть генералу Ренье 10 тысяч саксонцев, запертых в крепости Торгау. Серра, наш посол при саксонском дворе, сопровождавший Фридриха-Августа в Прагу, получил приказ потребовать от короля немедленного ответа.

Отношения с Австрией были намного важнее и требовали еще большей деликатности, чем прежде – из-за того, что произошло в Вене, в то время как Наполеон сражался под Лютценом и двигался в Дрезден. Получив от герцога Бассано из Парижа и от Коленкура из Майнца категорические инструкции императора, ни за что не хотевшего, чтобы поляки складывали оружие, и даже считавшего, что он по-прежнему располагает вспомогательным австрийским корпусом, Нарбонн счел должным применить крайние средства, чтобы вынудить Меттерниха оставить двусмысленности, в которых тот запырался. Не зная, что в архивах посольства имеется запрет на вручение каких-либо письменных нот, исходящих не от самого кабинета, Нарбонн явился к Меттерниху и вручил ему ноту с категорическим требованием объясниться на предмет отказа буквально исполнять договор об альянсе.

Меттерних располагал простым средством выйти из затруднения, сославшись на декларацию от 12 апреля. Тогда он во всеуслышание признал роль вооруженного посредника, объявил о вооружении для нужд посредничества и установил, что договор об альянсе от 14 марта 1812 года, оставаясь в силе по существу, теряет в новых обстоятельствах силу относительно задействованных средств. Он отвечал Нарбонну, что венский двор не может ввести в действие вспомогательный корпус, потому что не может вступить в военные действия, став посредником по внушению Франции, и считает уместным отложить его использование.

Не желая разрыва с Францией, Меттерних чувствовал между тем, что опасения Нарбонна обоснованы, ибо между князем Понятовским и генералом Фримоном возможно столкновение, если генерал будет настаивать на разоружении польского корпуса. К счастью, конфликт легко было предотвратить, о чем министр немедленно и позаботился. Он уже согласился с тем, что французский батальон в составе Польской армии при вступлении на австрийскую территорию не будет разоружен. Теперь он дал согласие на то, чтобы и Польская армия имела возможность сохранить при себе оружие во время перехода через Богемию в Саксонию, и обещал, что на каждом привале она будет находить необходимые кров и пищу.

Слухи о последних военных событиях положили конец всем этим плачевным препирательствам. Вдруг стало известно, что дано большое сражение, пролились потоки крови и французы разбиты, если верить разносчикам слухов, большинство которых были нашими врагами. О поражении французской армии повсюду заявляли с неслыханной уверенностью. Меттерних был слишком умен, чтобы верить подобному бахвальству. Однако утверждения были столь однозначны, что он не мог не выразить своего удивления Нарбонну. Именно в таких ситуациях искусный вельможа и умный и гордый военный обнаруживал себя в Нарбонне со всеми выгодами. «Мы побеждены, – сказал он во всеуслышание, – но посмотрим, где будут побежденные, а где победители через несколько дней». Четыре дня спустя стало известно, что мнимые побежденные вступили в Дрезден, а мнимые победители отступили за Эльбу. Конфуз оказался велик. Салоны Вены разразились бранью по поводу военной бездарности государей-союзников, но, вместо того чтобы обратиться к французам, только громче призывали Австрию присоединиться к коалиции, дабы спасти Европу от нестерпимого ига.

Меттерних тотчас явился к Нарбонну и с уверенностью, в которой имелась доля искренности, сказал, что победы Наполеона его не удивляют, ибо на них он и полагается в своих миротворческих планах; что для того, чтобы сделать мир приемлемым для русских, англичан и пруссаков, нужно снять хотя бы две трети их предложений;

что победа при Лютцене этому послужит, но остается последняя треть предложений, обоснованность и благоразумие которых невозможно не признать. Он сказал, что настало время Венскому кабинету исполнить его роль посредника, принятую по внушению Франции и с согласия всех воюющих держав, ибо скоро будет поздно, судя по скорости событий, исполнить ее с пользой, и потому он незамедлительно отправит полномочных представителей в штаб-квартиры французов и русских. Меттерних добавил, что выбрал переговорщиков, приятных тем, к кому они обратятся: генерал Бубна, кажется, понравился Наполеону, и его пошлют к нему; а известный некогда в антифранцузской партии Штадион имеет все шансы быть хорошо принятым в штаб-квартире союзников, и его направят туда; что, будучи неопасным для Франции врагом, он, Меттерних, будет ей более полезен, чем друг, ибо смело выскажет русским и пруссакам те истины, которые важно до них донести.

Итак, объявили, что Бубна и Штадион отправятся, чтобы предложить перемирие и вызвать первые объяснения относительно условий будущего мира. Не притязая навязывать их Наполеону, объявили, между тем, что будут вольны указать ему те условия, которые сочтут приемлемыми для всех воюющих сторон, и, не желая делать из них тайны для Нарбонна, Меттерних подробно и точно перечислил ему эти условия. Они включали в себя упразднение Великого герцогства Варшавского и переуступку его Пруссии, за исключением некоторых частей,

возвращаемых по праву России и Австрии; восстановление Пруссии посредством великого герцогства и территорий, которые надлежало найти в Германии; отказ Наполеона от Рейнского союза и ганзейских департаментов, то есть от Бремена, Гамбурга и Любека. Решено было не говорить о Голландии, Италии и Испании, дабы не возбудить непреодолимых трудностей, и при необходимости отложить заключение морского мира, если не будет средства договориться с Англией, дабы заключить без промедления более насущный мир континентальный. Таковы были условия, помимо возвращения Австрии Иллирийских провинций, оставлявшие Франции Вестфалию, Ломбардию и Неаполь как вассальные королевства, Голландию и Бельгию как рейнские провинции, а Пьемонт, Тоскану и Римское государство как французские департаменты. Вот какую Францию предложили Наполеону, и он счел это предложение оскорбительным.

Нарбонн много раз повторял, что победивший Наполеон не примет таких условий, но Меттерних, в свою очередь, повторял, что Наполеон благоразумнее, чем хотят его представить; что эти условия обязательны и придется еще побороться, чтобы заставить союзнические державы принять их.

Оставалось решить вопрос с королем Саксонии, которому, как стало известно, пришлось выбирать между низложением и возвращением в Дрезден. Австрия не колебалась на этот счет и не стала удерживать Фридриха-Августа. К тому же, она и не успела бы, ибо королю пришлось незамедлительно ответить на требования и принять, хоть и со слезами, приглашение Наполеона. Он приготовился отбыть из Праги вместе с войсками и двором, настоятельно попросив Австрию и пообещав ей со своей стороны сохранить в тайне переговоры, имевшие место между кабинетами Дрездена и Вены.

Когда Наполеон постепенно узнал обо всем, о чем мы только что рассказали, он смог приличествующим образом встретить своего союзника, вновь ставшего преданным; но прежде он дал инструкции своему представителю в Вене. Наполеон понял, что совершил ошибку, преждевременно подтолкнув Австрию к участию в событиях и побудив ее провозгласить себя вооруженной посредницей, то есть арбитром, в то время как ему вовсе не хотелось терпеть ее арбитраж. Он понял также, в какое впал заблуждение, считая, что сможет вовлечь эту державу в свои планы, предложив ей остатки Пруссии и не видя, что Австрия более всего стремится к восстановлению Германии и предпочитает независимость территориальному увеличению. Теперь Нарбонну надлежало выказывать спокойствие и сдержанность без холодности, ничего более не требовать от австрийского двора и не отвечать ему, дабы Австрия не распознала, что ее перестали считать союзником, продолжая считать посредником, но не принимают посредничества вооруженного.

Несмотря на сдержанность выражений, Наполеон в глубине души ожесточился в отношении Австрии. Склонность обольщаться заставляла его верить, что он добьется от Австрии чего угодно, если хорошо ей заплатит, и теперь он был глубоко раздосадован тем, что она полностью обманула его расчеты. Переданные условия, которые не должны были показаться новыми, были ему отвратительны. В душе Наполеон отказался от Великого герцогства Варшавского. Но увеличить Россию за счет бесповоротно потерянной Польши на следующий день после войны, предпринятой ради унижения России и восстановления Польши, стерпеть и даже вознаградить измену Пруссии, отказаться от протектората над Рейнским союзом и от ганзейских городов — всё это не ослабляло его подлинного могущества, но жестоко задевало гордость. Только гордость, непримиримая гордость вынудила Наполеона отвергнуть условия Австрии. Он не может, говорил он, позволить унижить себя, называя унижением невозможность осуществить мечты необузданного честолюбия, даже когда ни в чем не затрагивалось его подлинное могущество. Увы! В невозможности уступить, даже когда это правильно и необходимо, и заключается наказание гордеца. Он прикован к безрассудным притязаниям, как Прометей к скале!

Понимание намерений Австрии вызвало в Наполеоне глубокое раздражение против этой державы. Он воспринял их как двойную измену альянсу и родственным узам и подумал, как нередко думал и прежде, что Австрия полна притворства, уловок и эгоизма и нужно пытаться договориться не с ней, а с другими, и если уж уступать, то уступать России и Англии, но не Австрии и Пруссии.

Как бы то ни было, Наполеон внезапно вернулся к политике, предложенной на совете в Тюильри в январе, поддержанной Коленкур, Талейраном и Камбасересом и состоявшей в том, чтобы пренебрегать Австрией, стараясь при этом избегать с ней столкновений, и пытаться договариваться непосредственно с Россией. Эта политика, не допускавшая чрезмерного вмешательства Австрии в текущие события и мешавшая ей облечься ролью, которую впоследствии она употребит во вред Франции, имела, однако, одно практическое неудобство: трудность договориться с императором Александром. Эта трудность, великая уже в январе, только возросла в результате последних военных событий и надежд Александра сделаться освободителем Европы и первым из правящих монархов. Правда, Лютценское сражение и новая победа, которой позволительно было ожидать, могли рассеять иллюзии Александра и облегчить возможность договориться с ним. Наполеон надеялся на это со всей силой надежды, присущей могучим душам, которая обращается у них в силу действия, и отдал соответствующие распоряжения.

Он решил неустанно продолжать кампанию, как можно скорее нанести союзникам решающий удар, воспользоваться им для заключения мира, но договариваться о мире не с германскими державами, а с Россией и даже с Англией, предложив ей Испанию, которая стала ему отвратительна, или хотя бы ее часть. Он полагал, что можно будет договориться, если он уступит России Польшу (или ее часть), а Бурбонам Испанию (или ее часть), и ему не придется терпеть ига Пруссии, которая, по его мнению, открыто предала его, и Австрии, предававшей его тайно. Если же война не приведет в ближайшее время к решающему результату и переговорам, он продержится в таком положении до тех пор, пока не завершится вторая серия вооружений и он не получит в свое распоряжение еще двести тысяч солдат, что позволит ему отбросить с Австрией притворство и даже принять ее в число врагов. И тогда, встав в Дрездене на Эльбе у подножия Богемских гор, как некогда в Вероне на Эче у подножия Альп, он предпримет против всей Европы новую Итальянскую кампанию, в которой император Наполеон, столь же молодой душой, как генерал Бонапарт, но ставший более зрелым благодаря беспримерному опыту, повторит чудеса своей молодости и завершит их блистательным триумфом!

Приняв решение, Наполеон сделал то, что делал всегда, – перешел к практическим распоряжениям. Прежде всего он отправил Нарбонну серию депеш, в которых отразились все перемены его политики. Не следует более, писал он, ни о чем просить Австрию, но следует избегать резкости и, главное, ультиматумов, – словом, нужно выказывать в ее отношении сдержанность и спокойствие, но в то же время не обманывать ее, ибо ложь ничему не послужит. Необходимо дать понять Австрии, что на нее более не рассчитывают, а максимум, которую она столь охотно повторяла по всякому случаю, о том, что договор от 14 марта 1812 года более не применим к обстоятельствам, наконец, поняли правильно. Затем, когда она узнает, что Италия, Бавария и Франция стремительно вооружаются, не следует это отрицать, уместно даже назвать правдивую численность войск, если она будет поставлена под сомнение, но не указывать никаких иных причин вооружений, кроме тяжести обстоятельств. Наполеон также написал Нарбонну, что Австрия, разумеется, поймет новое к ней отношение, и остается только желать, чтобы она приняла к сведению следующее: Франция не нуждается в ее вмешательстве, чтобы договориться с другими державами; между императором Наполеоном и императором Александром произошла только политическая, а не личная ссора; оба государя никогда не переставали испытывать взаимное расположение, которое возродится при первой же дружественной демонстрации Наполеона. Прямая миссия в русский Главный штаб, добавлял Наполеон, разделит мир надвое. Эти слова обнаруживали всю его мысль; они означали, что отправка к Александру

Коленкура, прежняя близость которого с российским императором была известна, переменит ход событий, поставив Францию и Россию в один лагерь, а всех остальных – в другой.

Но положение переменилось, после того как гордости императора Александра была нанесена глубокая рана, и в любом случае говорить об этом сейчас становилось неосмотрительно. Довольно ведь было натолкнуть Австрию на эту мысль, чтобы она, не теряя ни дня и ни часа, бросилась в объятия России, и тогда два месяца, которыми Наполеон теперь располагал, необходимые для превращения 150 тысяч человек в 300 тысяч, сократились бы до нескольких дней. К счастью, Нарбонн был слишком умен, чтобы совершить подобную ошибку; он мог найти в этой мысли причины для уверенности, но не для бахвальства, сколь опасного, столь и бесполезного.

Сообщив Нарбонну о своих замыслах через Коленкура, Наполеон вызвал к себе принца Евгения. Он засвидетельствовал сыну свое удовлетворение, объявил о подарке для его дочери – прекрасном герцогстве Гальера – и о том, что эта награда за услуги, оказанные им в кампании 1812 года, будет оглашена в «Мониторе». Затем Наполеон рекомендовал принцу без промедления отправляться в Милан, где он вновь увидит семью, с которой разлучен уже более года, и исполнит важную миссию. Прежде всего он возьмет на себя управление не только королевством Ломбардия, но и Пьемонтом и Тосканой, и потратит всё лето на организацию Итальянской армии. Необходимые элементы для нее имеются на местах. Вернувшихся в Италию кадров 4-го корпуса, с которым Евгений проделал Русскую кампанию, хватит на двадцать четыре батальона. Не менее двадцати четырех батальонов сможет предоставить местная армия. Пьемонтские полки, в которые вернулись батальоны из Испании, позволят довести количество батальонов Верхней Италии до восьмидесяти. Артиллерия в этих краях многочисленна, и к июлю в ней должно быть не менее ста пятидесяти артиллерийских упряжек. Кавалерия, не успевшая подготовиться для генерала Бертрана, будет готова для Евгения. Поэтому ему нетрудно будет за два-три месяца собрать в Италии армию в 80 тысяч человек, притом организованную намного лучше, чем армия, только что победившая союзников в Саксонии. Наконец, Наполеон предназначил для Евгения превосходных помощников: Гренье, получившего недавно ранение и собиравшегося вернуться в Италию на лечение, и знаменитого Миолиса – ученого, спартанца и героического солдата.

Оставался Мюрат. Наполеон не сомневался, что по его категорическому приказу, подкрепленному угрозой, которую легче было реализовать в отношении Неаполя, чем в отношении Швеции, Мюрат примчится немедленно, и решил, во-первых, призвать его в армию, а во-вторых, потребовать у него войска для присоединения к войскам Евгения. Мюрат располагал превосходно организованной армией в 40 тысяч человек, и Наполеон задумал забрать у него 20 тысяч. Увидев на Эче 100 тысяч солдат, сказал он вице-королю, Австрия поймет, что это ей нужно считаться с нами, а не нам с ней. Дав Евгению эти инструкции устно, а затем изложив их письменно в нескольких депешах, Наполеон пожал ему руку с нежностью, от которой никогда не мог отказаться, и в тот же день отправил его в путь.

Мы знаем, какие меры он принял, чтобы собрать в Майнце армию с помощью отозванных из Испании кадров. Вследствие непрекращавшегося расхода людей на Иберийском полуострове войскам в Испании требовалось всё меньше офицеров, и Наполеон рассчитывал получить в Майнце офицерский состав для шестидесяти батальонов, куда каждодневно зачислялись бы конскрипты прежних лет. Он надеялся присоединить к ним и офицеров для шестидесяти эскадронов, набранных из кавалеристов, обученных в сборных пунктах и снаряженных лошадьми во Франции. В Вестфалии реорганизация корпусов Даву и Виктора должна была обеспечить формирование ста двенадцати батальонов, то есть не менее 90 тысяч человек пехоты. Двадцать восемь 2-х батальонов, реорганизованных в Эрфурте, уже присоединились к маршалу Виктору, который получил, помимо двенадцати предназначенных ему батальонов, шестнадцать батальонов маршала Даву. Двадцать восемь батальонов только что прибыли в

Бремен под началом генерала Вандама. За ними вскоре должны были последовать остальные. По окончании формирования всех батальонов предполагалось составить армию в 120 тысяч человек, с многочисленной артиллерией, привлеченной из Голландии и ганзейских департаментов, и с оставшейся кавалерией. Если к Франции вернется, как позволительно было надеяться, Дания, которую в ту минуту пытались заманить в коалицию Англия и Россия, можно было рассчитывать на 12–15 тысяч превосходных датских солдат. Вместе с ними численность армии Нижней Эльбы составила бы не менее 130 тысяч человек. Таким образом, Наполеон подготавливал еще три армии, в Милане, Майнце и Гамбурге, помимо той, которой уже располагал. Он рассчитывал набрать 100 тысяч человек в Италии, 70 тысяч в Майнце и 130 тысяч между Магдебургом и Гамбургом, в целом – 600 тысяч солдат, включая армию Саксонии. Следует признать, что обладание такими гигантскими силами вполне могло исказить верность его суждений и внушить безграничную уверенность в себе.

Наполеон направил Даву самые точные инструкции касательно организации войск, которая частично должна была проходить под его руководством. Он обещал маршалу вскоре вернуть батальоны, позаимствованные для Виктора; предписал возвращаться как можно быстрее в Гамбург, воспользоваться для этого запланированным движением на Берлин и осуществлять повсюду, особенно в Гамбурге, строгое правосудие. Наполеон был крайне рассержен на ганзейские города, которые изгнали французских таможенников, сборщиков налогов и офицеров полиции, а многих и убили, начали встречать с энтузиазмом казаков и в конце концов стали целью военных и дипломатических усилий коалиции. Он хотел вернуть их под свою власть силой и страхом, и уж если придется их отдавать Германии, отдать разоренными. Наполеон приказал Даву расстрелять членов бывшего сената, вновь завладевших властью, главных зачинщиков мятежа и некоторых восставших офицеров ганзейского легиона; арестовать пятьсот главных негодяев, враждебных Франции, и лишить их имущества; конфисковывать без досмотра колониальные продукты и английские товары, в изобилии проникавшие на континент по Эльбе после восстания Гамбурга. Не имея привычки трусливо прятаться за спину своих соратников, предписывая жестокие меры, Наполеон хотел, чтобы Даву, исполняя его грозные инструкции, объявлял, что действует по приказу Императора, и надеялся, добавлял он, что ни один из приказов не останется неисполненным. К счастью, Наполеон рассчитывал, хоть и не говорил о том, на честность и благоразумие маршала, который при всей его строгости сумел бы дождаться, прежде чем действовать, пока гнев его повелителя иссякнет вместе с грозными словами. Большинству этих приказов суждено было остаться неисполненными, и результатом их станут только крупные контрибуции, которыми армия от Гамбурга до Дрездена будет жить более полугода.

Проводя верхом не занятое кабинетной работой время, Наполеон объехал берега Эльбы, разведал Кёнигштайн и Пирну, как и всю местность выше и ниже Дрездена, приказал установить деревянный мост в Дрездене, соединявший оставшиеся части каменного моста, и мост из плотов в Наумбурге, где армия произвела форсированную переправу. Он приказал соорудить мощные плацдармы на обоих берегах на случай, если придется отступать на линию Эльбы, и лично проследил за устройством обширных госпиталей и продовольственных складов на левом берегу, укрытых от посягательств неприятеля. Все эти работы Наполеон оплачивал наличными деньгами из своей тайной казны, дабы расположить к себе жителей Дрездена, которых он хотел одновременно напугать и удовлетворить.

Когда присоединились кавалерийские подразделения, приведенные со сборных пунктов Лебреном, Наполеон влил их в корпус Латур-Мобура, воссоединив эскадроны всех полков. Таким образом, численность этого корпуса дошла до 8 тысяч человек, а вместе с 3 тысячами саксонских конников, которые должны были вскоре вернуться, и с 1–2 тысячами ожидавшихся баварских и вюртембергских конников, через несколько дней составила бы 12 тысяч человек. Четыре тысячи гвардейцев довели бы общую численность конницы до 16 тысяч, что представ-

ляло собой уже внушительную силу, независимую от легкой кавалерии, которой располагал каждый корпус для разведки. Не менее 3 тысяч всадников, подведенных Лебреном, предназначались для пополнения полков Себастиани после его прибытия в Виттенберг. Оставалось прождать еще 9-10 дней, после чего армия будет располагать 25 тысячами конников, способных атаковать на линии, и кавалерия из состояния почти ничтожного перейдет в состояние весьма внушительное. Кроме того, Барруа привел 2-ю пехотную дивизию Молодой гвардии, а во Франконии под началом генерала Делаборда подготавливалась 3-я дивизия. Так пополнялась, во время недолгого отдыха в Дрездене, 300-тысячная армия Наполеона, которой должно было хватить для победы над европейской коалицией. В таком состоянии активного отдыха Наполеон и дожидался короля Саксонии и графа Буну, об отправке которого торжественно объявила Вена.

Фридрих-Август и в самом деле не стал ни на час откладывать выполнение требований своего грозного союзника. Двенадцатого мая старый король в окружении семьи и прекрасной конницы, которую у него столько раз безрезультатно просили, прибыл к воротам Дрездена. Наполеон во главе своей гвардии вышел из города встретить монарха, которому был счастлив, как он сказал, вернуть его земли, отвоеванные французским оружием. Подъехав к королю, Наполеон спустился с коня и сердечно его обнял, как государя, который вернулся к нему, вырвавшись из рук опасных врагов, а не как раскаявшегося предателя, вернувшегося из страха. Фридрих-Август не мог сдерживать волнения, ибо любил Наполеона (хоть и боялся его) и не видел от него ничего, кроме блага, правда, блага химерического и для его слабости непрочного, поскольку этим благом оказалась тяжелая польская корона. Вновь обнаружив дружелюбие и могущество Наполеона, он был охвачен благодарностью. Наполеон встретил Фридриха-Августа с почтением и с достоинством, в присутствии жителей Дрездена, сбежавшихся посмотреть на эту сцену. Пораженные зрелищем саксонцы заволновались и сами были умиротворены видом примирившихся монархов. Следует добавить, что русские вели себя в Саксонии так, что весьма уменьшили ненависть населения к французам.

Наполеон отвел Фридриха-Августа в его дворец и в тот же день отобедал с величайшей пышностью за его столом. Он временно поселился в королевском дворце, но во всеуслышание объявил, что намерен найти себе более скромное и менее стесняющее жилище, желая, чтобы король оставался у себя дома полноправным хозяином. Для Наполеона уже подыскивали дом у ворот Дрездена, где он смог бы располагать всем своим временем и наслаждаться прекрасной погодой.

После демонстраций настал черед объяснений. Наполеон ободрил Фридриха-Августа насчет последствий войны, поделился с ним своей уверенностью и вернул ему спокойствие настолько, насколько король был способен его испытывать среди повсеместного бряцания оружия. Единение вновь было полным, и Наполеон хотел, чтобы оно таковым и казалось.

Главной выгодой от присутствия короля в Дрездене стало то, что Наполеон вновь получил его войска. Великолепная саксонская конница, после пополнения включавшая 3 тысячи всадников, была вверена доблестному Латур-Мобуру. Пехота же, запертая в Торгау, подверглась опасному испытанию. Генерал Тильман, один из самых пламенных и искренних германских патриотов, весьма скомпрометировал себя своим поведением. Он посетил в Дрездене императора Александра, засвидетельствовал ему свою преданность, но не посмел сдать ему Торгау, имея приказ короля открыть крепость только австрийцам. Вернувшись в Торгау, он пришел в отчаяние, когда узнал, что после Лютценского сражения его король вновь попал в руки французов, а кроме того, он испугался за себя. Под действием патриотических чувств и страха генерал пытался поколебать преданность войск и убеждал их перейти на сторону русских, ссылаясь на то, что король несвободен и приказы вырывают у него силой. И хотя его патриотические настроения находили отзвук в сердцах офицеров, он не смог их увлечь: все

офицеры, как и солдаты, остались верны своему государю. После этой бесплодной попытки Тильман бежал в лагерь Александра, бросив свою пехоту, которая без затруднений вернулась под командование Ренье, к талантам и характеру которого испытывала заслуженное уважение.

В это время маршал Ней, сообразуясь с полученными инструкциями, прошел через Лейпциг, передвинулся в Торгау и присоединил саксонцев. Несколько левее, в Виттенберге, маршала ожидал герцог Беллунский (Виктор) с его реорганизованными батальонами, правее – генерал Лористон, расположивший свой корпус в Мейсене. Себастиани, подводивший восстановленную в Ганновере конницу и дивизию Пюто, еще не прибыл. Однако вместе с Ренье, Виктором и Лористоном маршал Ней обладал уже достаточными силами, чтобы двигаться на Берлин, и с нетерпением ожидал соответствующего приказа.

Прежде чем его посылать, Наполеон хотел располагать точными сведениями о замыслах союзников. Он уже отправил корпус Евгения, перешедший после его отъезда под командование Макдональда, за Эльбу, на город Бишофсверду, куда тот вступил, уничтожив неприятельский арьергард и заняв пылающий город. Русских обвиняли в том, что они ведут себя в Германии, как в России, то есть сжигают оставляемые города. Достоверно известно лишь то, что городок Бишофсверда был подожжен, но, возможно, снарядами и без какого-либо злого умысла. Из Бишофсверды Макдональд направился на Бауцен. Там его донесения стали более точными: русские с пруссаками, похоже, готовились дать второе сражение.

Так оно и было. Несмотря на понесенные потери и опасность нового поражения, необходимость еще раз сразиться между Эльбой и Одером не вызывала у союзников сомнений. Отступать дальше значило оставить три четверти прусской монархии и, главное, Берлин, для обороны которого не могли отправить отдельный корпус, но который был до некоторой степени защищен сильной позицией в Лаузице. Отступать значило признаться Германии и всей Европе, что под Лютценом союзная армия была разбита и не имела средств остановиться ни за Эльбой, ни даже за Одером. Поэтому следовало победить или погибнуть, но не отрываться от Богемских гор, у подножия которых остановились, покинув Дрезден, и воспользоваться для обороны одним из многих водных потоков, спускающихся с гор Ризенгебирге и дробящих пространство, заключенное между Эльбой и Одером. В Бауцене, где протекает Шпрее, имелась сильная и в некотором роде двойная позиция, ибо она предоставляла два поля битвы – перед Шпрее и позади нее. На этой позиции, прославленной Фридрихом Великим во время Семилетней войны, можно было дать одно и даже два оборонительных сражения, опершись левым флангом на Богемские горы, а правым – на обширные болота. И союзники решили занять позицию в Бауцене и сразиться на ней. Из 92 тысяч человек, которых они смогли собрать 2 мая на равнинах Лютцена, почти 20 тысяч были потеряны под огнем и на марше, но их заменили 30 тысячами других, найденных в Силезии в подготовленных Пруссией резервах, а также привлеченных из корпуса, блокировавшего крепости на Висле. Это был корпус Баркляя-де-Толли в 15 тысяч русских, только что захвативший Торн у гарнизона, состоявшего большей частью из баварцев, измученных болезнями и ютившихся в укреплениях, почти не годных к обороне. Торн был единственной павшей крепостью на Висле и Оudere, и союзникам показалось гораздо полезнее выиграть большое сражение, чем блокировать крепости, захватить которые почти не было шансов. Поэтому перед Бауценом и позади него, у Шпрее, под защитой обширных засек и многочисленных редутов, собрали около 100 тысяч пруссаков и русских, весьма воодушевленных и почти недосыгаемых на этой позиции, и готовились дать решающее сражение. Прусским генералам Бюлову и Борстелю поручили прикрыть Берлин и Бранденбург, а казакам Чернышева и Теттенборна предписали держаться в низовьях Эльбы, есть и пить за счет германцев, разоряя тех, кого они явились освобождать, и тем временем решить великий европейский вопрос под боком у Австрии, у самого подножия ее гор. Австрии послали прекраснейшее описание занятой позиции и собранных сил и умоляли ее не поддаваться ни

запугиванию, ни оболещению тирана Европы, который вскоре, говорили они, будет доведен до полного изнеможения.

Таковы были подробности, сообщавшиеся отовсюду лазутчиками и разведчиками, которые после прироста французской кавалерии могли отправляться в дальние рейды. Проведя в Дрездене только семь дней, понадобившихся для водворения короля Саксонии в его столице, присоединения кавалерии и выдвижения корпусов на линию, Наполеон принял решение выдвигаться и сам. Макдональд был уже в виду Бауцена; император приказал ему опереться справа на Удино, а слева на Мармона и Бертрана. В то же время он удерживал Нея и Лористона перед Эльбой в готовности передвинуться либо вправо к Великой армии, либо влево к Берлину. В день получения достоверных разведанных, 15 мая, Наполеон предписал генералам без промедления двигаться на город Хойерсверду, дабы дебушировать во фланг и в тыл Бауценской позиции, на которой неприятелю будет трудно удержаться, если ее обойдут 60 тысяч человек. Желая использовать все силы, в которых не было насущной необходимости в других местах, Наполеон предписал Ренье следовать за Неем и Лористонам. Маршала Виктора он оставил перед Виттенбергом, для постоянной угрозы Берлину, которая будет реализована позже, по обстоятельствам, и приготовился отбыть к Бауцену, как только предписанные движения будут в значительной мере исполнены и его присутствие на месте станет необходимым. Как ни сильна была позиция союзников, Наполеон мог не тревожиться о результате, располагая 160–170 тысячами человек против 100 тысяч. Предписанный Нею маневр стоил всех позиций в мире, и французская армия, чтобы победить, могла бы обойтись, даже в ее нынешнем состоянии, без численного превосходства.

Наполеон собирался покинуть Дрезден, когда вечером 16 мая наконец прибыл Бубна. Наполеон тотчас дал ему аудиенцию и, хотя решил притворяться в отношении Австрии, оказал ему в первую минуту несколько суровый прием. К счастью, Бубна был слишком умен, расположен к своему славному собеседнику и желал мира. Он ничуть не встревожился и сразу достал из портфеля письмо императора Франца зятю. Письмо было написано отцом и честным человеком и заключало в себе чистую правду. Теплым и искренним тоном император указывал Наполеону на серьезность его положения и опасность необдуманных решений; ясно показывал ему черту, за которой его отцовский долг уступал месту долгу государя; и с достоинством, но и с настойчивостью призывал выслушать, ради собственных интересов и интересов всеобщих, предложения, доставленные Бубной.

Письмо было способно взволновать чувствительную натуру Наполеона и действительно произвело на него благоприятное впечатление. Оно явно смягчило его, не привнеся, правда, существенных перемен в его решения. Наполеон выслушал предложения, которые Бубна имел сообщить ему, но не в качестве условий, а в качестве предположений о том, чего можно было бы добиться от воюющих держав. Все эти предложения, уже известные Наполеону, он выслушал с вниманием, притворившись, будто слышит впервые. Он сохранял спокойствие, пока говорил Бубна, но в ходе дальнейшей беседы дал понять подлинную причину своих отказов. Причиной этой являлась гордость – гордость, страдавшая от оставления титулов, которые он присвоил себе с великой пышностью, и территорий, которые он торжественно присоединил к Империи. Великое герцогство Варшавское было потеряно, оно погибло в Москве, и Наполеон уже вынес на его счет окончательное решение. Он не выказал категоричности и по другому, еще более важному предмету (что глубоко удивило Бубну), каковым была Испания. Он не сказал, что именно готов уступить, но дал понять, что готов пойти на уступки, и, дабы привлечь Англию, объявил, что готов допустить на переговоры испанских повстанцев.

В этом обнаружила себя, притом что Бубна не смог ее распознать, новая политика Наполеона – договариваться скорее с Россией и Англией, нежели с германскими державами. Бубна, не надеявшийся на столь многое в испанском вопросе, был удивлен и восхищен. Но

те самые пункты, которыми более всего дорожила Австрия, как раз и вызывали у Наполеона самые мучительные переживания. Особенно неприятно было ему вознаграждать Пруссию за ее измену. Однако, поскольку он был скор и на гнев, и на прощение, в этом вопросе он еще мог смягчиться. Но отказ от титула протектора Рейнского союза, а также от ганзейских департаментов, конституционно присоединенных к Империи, казался ему непереносимым унижением. В отношении ганзейских департаментов Наполеон привел довод, на который Бубна не нашел ответа: Франция, как оказалось, нуждается в них как в средстве обмена, дабы заставить Англию вернуть ей ее колонии. Бубна отвечал, что привез только предварительные, а не окончательные предложения и их еще можно обсудить и изменить по взаимному согласию; что в случае участия Англии Любек, Гамбург и Бремен можно будет сделать противовесом Гваделупе, Иль-де-Франсу и Мысу и уступить первые только в обмен на вторые. Посланник также горячо настаивал на необходимости собрать конгресс, к примеру, в Праге, куда прибудет и сам император Франц, чтобы быть ближе к воюющим державам и иметь возможность оказать им добрую услугу.

Встреча продолжалась несколько часов. Наполеон казался смягчившимся, не позволяя, однако, думать, что поколеблен; договорились, что он встретится с Бубной на следующий день, прежде чем отбудет в армию. Хотя он решил не принимать условий Австрии, считая себя способным навязать всем другие условия, если только у него будет два-три месяца для завершения вооружений, он счел полезным созыв конгресса, прежде всего для того, чтобы показать союзникам, Франции и всей Европе свои мирные расположения; во-вторых, чтобы запастись двумя-тремя месяцами для пополнения сил;

и в-третьих, чтобы найти случай завязать с Россией и Англией прямые сношения, которыми он надеялся воспользоваться, чтобы договориться с этими державами без вмешательства германских государств.

Так Наполеон отплатил бы Австрии за то, что она совершила. Воспользовавшись Австрией, чтобы договориться на конгрессе с наиболее враждебными державами, он поведет переговоры без нее и до некоторой степени против нее. Дипломатические победы нравились Наполеону не меньше военных, он одинаково гордился выигрышем и в той, и в другой игре. Кроме всего прочего, если бы Австрия, учтя его замечания, как обещал Бубна, достаточно сильно надавила на державы коалиции и добилась от них более удовлетворительных условий, то принять мир из рук тестя было бы столь же прилично, как из рук любого другого. Поэтому Наполеон решил показать Австрии, что тронут ее доводами, согласиться на конгресс в Праге или в другом месте, и не только на конгресс, но и на перемирие, о котором договорятся переговоры, посланные к аванпостам. До заключения перемирия он надеялся выиграть еще одно сражение, что весьма улучшило бы его положение на будущем конгрессе. Перемирие же предоставит ему время завершить вооружения (после чего он сочтет возможным диктовать Европе собственные условия) и случай вступить в сообщение с императором Александром, чем Наполеон был озабочен не меньше всего остального.

На следующий день, 17 мая, он вновь встретился с Бубной и, сделав вид, будто принимает одни его предложения и скорее умрет с оружием в руках, чем согласится на некоторые другие, объявил, что согласен на созыв конгресса, заключение перемирия и участие в переговорах представителей испанских повстанцев. Последнее всегда оставалось для Англии главным и предварительным условием всяких переговоров. Удивленный и восхищенный тем, что неожиданно добился столь многого, особенно последнего пункта, Бубна предложил тотчас написать Штадиону, отправленному в русскую штаб-квартиру, и проинформировать его об официальном согласии императора Наполеона на созыв конгресса и на заключение перемирия. Письмо Бубны к Штадиону, подправленное рукой самого Наполеона, по существу говорило, что ничуть не возгордившийся недавней победой Император Французов, горя нетерпением положить конец невзгодам Европы и как можно раньше остановить кровопролитие, согласен

на немедленный созыв конгресса в Праге и даже готов послать комиссаров к аванпостам для переговоров о кратком перемирии. Последний пункт, столь восхищавший Бубну, был более всего желателен и Наполеону, по причинам нами уже изложенным.

Бубна отправил письмо с курьером, который должен был срочно доставить его в русскую штаб-квартиру и без промедления вручить Штадиону. Затем он просил разрешить ему вернуться в Вену, дабы порадовать императора Франца и Меттерниха рассказом о том, в каком превосходном расположении духа он нашел Наполеона, и, главное, убедить их изменить некоторые из предложенных условий. Наполеон одобрил отъезд, искренне заверил Бубну в том, что только поправки и могут привести к миру, и наверняка приведут, если будут достаточными, и вручил ему письмо для своего тестя. В этом письме, столь же теплом и сыновнем, сколь дружеским и отеческим было письмо императора Франца, Наполеон давал понять, какая рана у него кровоточит; он говорил, что готов к миру, но скорее умрет с оружием в руках вместе со всеми благородными сынами Франции, чем сделается посмешищем врагов, приняв их унижительные условия, и что он вручает в руки тестя свою честь, которой дорожит больше, чем могуществом и самой жизнью. Затем, осыпав Бубну знаками благорасположения, он отпустил его в Вену.

Так были открыты переговоры, отчасти искренние со стороны Наполеона, отчасти притворные, но совершенно добросовестные со стороны представителя Австрии, который полагал, что своим искусством сблизил самые грозные державы мира, готовые к новому столкновению.

Тотчас после отправки Бубны Наполеон и сам приготовился к отъезду, но прежде чем покинуть Дрезден, он решил извлечь из начатых переговоров главный результат, на который надеялся и который состоял в возможности договориться непосредственно с Александром, дабы избежать влияния Австрии. Под тем предлогом, что переговоры о перемирии должны начаться незамедлительно и на виду обеих армий, он задумал отправить к аванпостам Коленкура, самого подходящего для сближения с русскими человека, ибо он пользовался не только уважением, но и полным благорасположением Александра. Коленкур, можно сказать, подходил даже слишком, ибо один его вид мог самым явным образом обнаружить намерения Наполеона, встревожить Пруссию, насторожить Австрию и, возможно, ускорить принятие ею роковых решений. Будучи нерасчетлив под воздействием желания скорее сблизиться с Россией, Наполеон совершенно не учел неприятные стороны, на которые мы указали, и при отъезде из Дрездена отправил Коленкура с письмом для Нессельроде, датированным, как и письмо Бубны для Штадиона, 18 мая. В письме говорилось, что император Наполеон, во исполнение договоренностей, достигнутых с Бубной, спешит прислать комиссара к аванпостам для переговоров о перемирии, каковые кажутся ему срочным делом ввиду соседства обеих армий; и что для этой миссии он постарался выбрать из своих высших офицеров человека, наиболее приятного императору Александру.

После этого Наполеон отбыл из Дрездена и направился к Бауцену, исполненный уверенности и надежды и живущий среди опасностей и крови, страданий других и своих собственных, как другие живут среди развлечений и удовольствий.

Ранним утром 19 мая он оказался перед Бауценом, куда уже прибыла гвардия и где его с нетерпением ожидали войска, рассчитывая на скорую победу. Он тотчас вскочил на коня, чтобы произвести, по своему обыкновению, рекогносцировку местности. Вот какова была позиция, на которой французам предстояло новое сражение с европейской коалицией.

Как мы уже говорили, позиция опиралась на Ризенгебирге, самые высокие Богемские горы, – нейтральную территорию, на которую безопасно могли опираться обе воюющие стороны, ибо ни та, ни другая не испытывала соблазна оттолкнуть от себя Австрию, нарушив ее территорию. Итак, на нашем правом фланге высились горы, поросшие черными елями, с их склонов меж обрывистых берегов стекала Шпрее и протекала мимо Бауцена, проходя под забаррикадированным каменным мостом. Прямо перед нами находился Бауцен, окружен-

ный старой зубчатой стеной, фланкированной башнями и оснащенной пушками. Слева от нас Шпрее огибала лесистые высоты, намного более низкие, чем горы справа, и внезапно широко разливалась среди усеянных прудами зеленых лугов, простиравшихся вдаль, насколько хватало глаз.

Такова была первая линия, линия Шпрее. Справа, на склонах высоких гор виднелись засеки, из-за которых выглядывали пушки, штыки и множество русских мундиров. В центре, выше и ниже Бауцена, также виднелись русские войска, а слева, на лесистых холмах, через которые Шпрее пробиралась на равнину, можно было заметить массы пехоты и конницы, развернутые в линию или укрывшиеся за полевыми укреплениями. По снаряжению можно было определить, что это прусская армия.

Наполеон решил форсировать линию Шпрее, то есть дать первое сражение, на следующий же день, 20 мая. Затем он предполагал дать второе, чтобы форсировать вторую линию, видневшуюся позади первой и казавшуюся еще более грозной. Он решил, что на следующий день Удино справа перейдет через Шпрее у гор – либо вброд, либо по свайному мосту, – и оттеснит неприятеля на вторую позицию; Макдональд в центре завладеет каменным мостом через Шпрее перед Бауценом и захватит город штурмом; Мармон переправится через Шпрее на понтонах между Бауценом и деревней Нимшюц и займет удобную позицию на другом берегу; слева Бертран переправится в Нидер-Гуркау, напротив холмов, омываемых Шпрее перед выходом на равнину, и завладеет холмами или хотя бы закрепится рядом с ними. Такова была задача первого дня. Тем временем Ней с 60 тысячами человек должен был прибыть в низовья Шпрее, в Кликс, находившийся четырьмя лье ниже Бауцена, и на следующий день уже мог бы, переправившись в Кликсе, атаковать с фланга вторую позицию, которую Наполеон намеревался атаковать с фронта.

На следующий день Наполеон, оценив, сколько времени ему понадобится для форсирования первой линии, решил начать сражение только в полдень, дабы ночь принесла вынужденную передышку между первой и второй операциями. Утро ушло на переброску мостов на козлах и сбор лодок, необходимых для переправ через Шпрее.

В полдень Наполеон дал сигнал, и тиральеры, рассредоточенные вдоль Шпрее, открыли огонь, дабы удалить с берегов реки тиральеров неприятеля. Справа Удино, в соответствии с приказом, подошел к Шпрее с дивизией Пакто. Две пехотные колонны, спустившись почти незамеченными к обрывистому руслу, перешли реку вброд и по мосту и, под прикрытием уступа правого берега, дебушировали на него прежде, чем неприятель обнаружил их присутствие. На другом берегу Шпрее они оказались прямо перед русскими войсками, формирующими левое крыло союзников, находившееся под командованием Милорадовича и состоявшее из бывшего корпуса Милорадовича, корпуса Витгенштейна и дивизии принца Вюртембергского. Обе бригады генерала Пакто были немедленно атакованы пехотными колоннами, но выстояли, так что французская дивизия Лоренсеа (вторая дивизия Удино) успела подойти и расположиться на их правом фланге. Обе дивизии закрепились на захваченном участке. Удино переправил следом за ними баварскую дивизию и, объединив все три дивизии, выдвинулся к самому подножию гор на нашем правом фланге, прямо к главной из них, называвшейся Тронберг. Он попытался взобраться на нее под огнем неприятеля, опираясь левым флангом на деревню Йессниц, а правым – на Клейнкуниц.

Тем временем в центре Макдональд с тремя дивизиями атаковал Бауцен, начав с атаки каменного моста, забаррикадированного и обороняемого пехотой. Дабы поколебать храбрость защитников моста, он приказал одной колонне спуститься к Шпрее и перейти через реку по мосткам, после чего бросился на каменный мост, без труда овладел им и двинулся на город, окружив его силами двух дивизий. Третью дивизию, дивизию генерала Жерара, он направил на дивизию принца Вюртембергского, которая, казалось, хотела двинуться на помощь Бауцену. В

то же время он приказал атаковать ворота города с помощью артиллерии, дабы обрушить их и прорваться в город штыковой атакой.

Несколько ниже Бауцена, у Нимшюца, Мармон также переправился через Шпрее с тремя дивизиями и выдвинулся на назначенный ему участок между центром и левым флангом позиции. Но чтобы закрепиться на нем, нужно было захватить деревню Бурк, обороняемую прусским генералом Клейстом. Мармон атаковал Бурк с дивизиями Боне и Компана и не без труда завладел ею. За ней начиналась вторая позиция союзников. Топкий и глубокий ручей представлял собой первую линию ее обороны. Три деревни, Надельвиц справа, Нидер-Кайне в центре и Базанквиц слева, занимали берег ручья. Клейст отступил на эти деревни и призвал на помощь Йорка. Слева на лесистых холмах Мармону противостоял сам Блюхер с 20 тысячами человек, а позади справа от него находился город Бауцен, который еще не был взят. Поэтому Мармон не думал покушаться на вторую позицию союзников и желал только удержаться на захваченном участке. Он стойко держался и отражал все атаки пруссаков. Клейст вышел из Базанквица на левом фланге и атаковал его в штыки, но Боне с моряками отразил атаку и победоносно потеснил его. В ту же минуту кавалерия Блюхера обрушилась на доблестное войско, которое уже билось с прусской пехотой; 27-й легкий и 4-й морской встретили ее, встав в каре, с непоколебимой твердостью. Продолжая держаться таким образом, Мармон, чтобы не опираться на Бауцен, который был атакован, но еще не захвачен, отрядил на правый фланг дивизию Компана, которая обнаружила, что часть стен Бауцена вполне доступна, вскарабкалась на них и помогла войскам Макдональда вступить в город.

Тем временем генерал Бертран переправлялся через Шпрее в Нидер-Гурке, у подножия холмов, где находился лагерь Блюхера. Ему удалось перебраться через реку, которая в этом месте разделяется на несколько заболоченных рукавов, но когда он взобрался на высокий правый берег и дебушировал перед корпусом Блюхера, то вынужден был остановиться, ибо оказался перед чрезвычайно сильной позицией, обороняемой самой энергичной частью прусской армии. Тем не менее он занял один из холмов на правом берегу Шпрее и расположил на нем 23-й полк, который прикрывала с левого берега вся наша артиллерия.

К шести часам вечера первая линия неприятеля полностью перешла в наши руки. Справа Удино перебрался через Шпрее и захватил у русских гору Тронберг; в центре Макдональд захватил каменный мост Бауцена и сам город, а Мармон, перейдя через Шпрее, закрепился на берегу ручья перед второй линией неприятеля. Слева Бертран обеспечил себе выход за Шпрее перед холмами, занятыми Блюхером и образующими важнейшим пункт второй позиции. Результат, к которому стремились французы, был достигнут, и без больших потерь. Первый бой закончился так, как желали французы, и поскольку Ней тем временем прибыл в Кликс, всё обещало успех и на следующий день, хотя сражение ожидалось тяжелейшее.

Наполеон вступил в Бауцен в восемь часов вечера, ободрил перепуганных жителей и разбил лагерь снаружи, среди своей гвардии, вставшей в несколько каре. Он всё подготовил к завтрашней атаке.

С участка, захваченного после перехода через Шпрее, можно было составить более точное представление о второй позиции, которую предстояло захватить. Намечавший основные ее очертания ручей Блезауэр спускался с темных гор справа и огибал возвышенность, на которой располагался Бауцен, протекал среди ив и тополей мимо Надельвица, Нидер-Кайне и Базанквица, перед которыми расположился накануне маршал Мармон. Добравшись до нашего левого фланга у Креквица, ручей поворачивал к лесистым холмам, на которых занял позицию Блюхер, огибал их сзади и у деревни Прейтиц поворачивал к Шпрее через просторную равнину, усеянную лугами и прудами.

Левый фланг русских, состоявший из бывшего корпуса Милорадовича, корпуса Витгенштейна и дивизии принца Вюртембергского, отошел на одну из гор в истоках Блезауэра и обо-

ронял ее от нашего правого фланга, расположившегося на Тронберге. Центр, состоявший из русской гвардии и резервов и оборонявший середину позиции, разместился за Блезауэром в Башюце, на возвышенном участке за Надельвицем и Нидер-Кайне, расположившись под защитой множества редутов и сильной артиллерии. Центр союзников представлял собой амфитеатр, ошестинившийся пушками, и, чтобы атаковать его, Мармону, гвардии и Макдональду, формирующим наш центр, нужно было спуститься с плато Бауцена, перейти через Блезауэр в Нидер-Кайне или Базанквице, пересечь под ужасающим навесным огнем заболоченный луг и без всякого прикрытия захватить увенчанную редутами высоту Башюца.

Правый фланг союзники расположили не за Блезауэром, а перед ним. Придавая большое значение лесистым холмам, меж которыми Шпрее пробиралась на равнину и позади которых протекал Блезауэр, они оставили на них Блюхера, так что оконечность линии не отступала с Блезауэром, а образовывала перед ним выступ. На нем и располагался Блюхер с 20 тысячами человек, поджидая Бертрانا. На левом фланге Блюхера в Креквице располагались измученные остатки войск Клейста и Йорка, а позади него на обратной стороне холмов – прусская пехота и часть русской кавалерии, прикрывавшие его тылы. Наконец, на простиравшейся за холмами сырой зеленой равнине, среди которой сливаются Шпрее и Блезауэр, на невысоком холме, увенчанном ветряной мельницей, располагался Барклай-де-Толли с 15 тысячами русских. Он должен был противостоять атакам Нея, всё значение которых союзники еще не могли оценить.

Таким образом, французам предстояло захватить весьма грозную совокупность позиций. На правом фланге Удино должен был удержаться на захваченном Тронберге и даже пройти за него; в центре Макдональд и Мармон, опиравшиеся на гвардию, должны были перейти через Блезауэр, под огнем русских редутов Башюца пересечь луг и захватить редуты. На левом фланге перед Бертраном стояла труднейшая задача: выбить Блюхера с занимаемых им холмов. Выполнение этих трех атак, с форсированием столь многочисленных препятствий, за которыми расположились исполненные решимости 100 тысяч русских и пруссаков, могло оказаться гибельным, если бы французы атаковали позиции неприятеля только с фронта. Но Наполеон рассчитывал на Нея, прибывшего вечером в Кликс с 60 тысячами человек. Маршал должен был перейти через Шпрее в Кликсе, пересечь просторную равнину на крайнем левом фланге французов и на крайнем правом фланге союзников, форсировав все препятствия на своем пути, пройти за холмами, занятыми Блюхером, и двинуться в направлении колокольни Хохкирха, видневшейся в самой глубине поля битвы.

Ней получил приказ выдвигаться ранним утром. Грохота его пушек и ожидал Наполеон, чтобы дать сигнал к атаке Бертрану и Мармону. Если Ней подоспеет в Клейн-Бауцен вовремя, Блюхера можно будет не только оттеснить, но и захватить. Но даже отступление последнего могло предрешить отступление всей неприятельской армии.

Таковы были диспозиции Наполеона накануне второго дня сражения. Войска расположились на ночь на захваченных участках с полной уверенностью в результате завтрашнего дня. Наполеон встал на бивак вместе с гвардией на плато Бауцена, откуда ему были видны все позиции неприятеля, кроме участка, через который собирался пройти Ней, скрытого от него холмами, занятыми прусской армией. Наполеон задавался вопросом, не будет ли предотвращено новое сражение ответом на его письмо от 18-го числа, в котором он предлагал перемирие и сообщал об отправке Коленкура для переговоров. Но к вечеру 20 мая он еще не получил ответа, – то ли потому, что Коленкура не допустили к императору Александру, то ли потому, что предпочли еще раз попытать удачи в сражении. Второе предположение больше нравилось Наполеону, ибо он был уверен, что новое сражение заставит задуматься и самых строптивых его врагов. Как бы то ни было, Наполеон предался отдыху, как имел обыкновение поступать накануне великих сражений.

Прямо напротив его позиции, в почтовом доме Ней-Пуршвица, расположились государи-союзники, которым было совсем не до сна. Они беспокоились, как случается с неопытными людьми перед лицом опасности, и всю ночь обсуждали создавшееся положение. Они твердо решили дать второе сражение. Получив письмо о перемирии и миссии Коленкура, они тотчас вынесли решение по этому предмету. Поняв, что, если допустят к себе Коленкура, Австрия тотчас почувствует сильнейшие подозрения, не преминув увидеть в его миссии вероятность прямого соглашения между Францией и Россией, они приняли решение вежливо отослать Коленкура к Штадиону как к представителю посреднической державы, ответственной за все переговоры, и повременить с ответом до той минуты, когда станет известен результат сражения. Ведь если бы они согласились на перемирие, прежде чем будут принуждены к нему самой настоятельной необходимостью, партия германских патриотов, которая прямо руководила прусской армией и косвенно армией русской, разразилась бы криками негодования.

Решившись на сражение, государи-союзники принялись обсуждать шансы на победу. Король Пруссии не обольщался, однако император России обольщался весьма, будучи исполнен воинского пыла, не дававшего ему покоя. Александр фактически завладел верховным командованием и номинально, дабы осуществлять его с большим удобством, пожаловал его графу Витгенштейну, вдохновляемому Дибичем. Настоящее командование должно было принадлежать несгибаемому Барклаю-де-Толли, по причине его прошлой деятельности и звания, но от него избавились, назначив ему отдельную роль на крайнем правом фланге, на топких участках между Блезауэром и Шпрее, у упоминавшейся ранее ветряной мельницы.

Дискуссия между Александром и многочисленными русскими и прусскими офицерами, по очереди сообщавшими ему свое мнение, коснулась как раз позиции Барклая-де-Толли. Левый фланг под началом Милорадовича чрезвычайно усилили; центр прикрывался редутами Башюца и оборонялся русской Императорской гвардией. Правый фланг на холмах, по словам Блюхера, был неодолим, и пруссаки клялись, что благодаря им эти холмы станут новыми германскими Фермопилами. Но сможет ли Барклай-де-Толли остановить Нею, который, похоже, направляется в его сторону? Вот в чем состоял основной вопрос. Александр был убежден, что Наполеон хочет отобрать у него опору на горы, и поэтому не желал ослаблять левый фланг. Однако Мюффлинг, выдающийся офицер Главного штаба, тщательно разведавший участок, настаивал на том, что Барклаю-де-Толли грозит опасность, и в конце концов вынудил прислушаться к себе Александра, склонного, впрочем, выслушивать всех из доброжелательности характера и честного желания во всем разобраться. Но ответ Витгенштейна о том, что Барклай-де-Толли располагает 15 тысячами человек, успокоил Александра, а вместе с ним и весь Главный штаб, за исключением Мюффлинга. Затем, поскольку уже начало светать, обсуждение пришлось закончить и все отправились на свои посты.

Раскаты ужасающей канонады уже заполняли огромное пространство поля битвы. Маршал Удино на правом фланге находился на высотах Тронберга, которые захватил накануне, и сражался за них с русскими Милорадовича. В центре Макдональд и Мармон стояли неподвижно, соединенные меж собой каре гвардии и опиравшиеся сзади на кавалерию Латур-Мобура, ожидая приказов Наполеона, который сам ожидал успешного завершения маневра, порученного Нею. Слева Бертран, завершив начатый накануне переход через Шпрее, взбирался с тремя дивизиями на обрывистый правый берег под защитой артиллерии левого берега. Но решающее событие дня происходило двумя лье ниже, в Кликсе, где Нею удалось переправиться через Шпрее и оттеснить аванпосты Барклая-де-Толли.

После перехода Нея через Шпрее на его правом фланге оказались холмы, занятые Блюхером, прямо перед ним – позиция с ветряной мельницей, на которой расположился Барклай-де-Толли, а слева – заболоченные берега Блезауэра. Ней решительно двинулся прямо к ветряной мельнице. Направо, к Плисковичу, он отрядил одну из трех дивизий корпуса Лористона под командованием Мезона, дабы она попыталась взобраться на холмы, усеянные артиллерией и

прусскими мундирами. Налево Ней послал две другие дивизии Лористона под командованием его самого, дабы они перешли через Блезауэр ниже Глейна и обошли неприятельскую позицию.

Выдвинувшись и перейдя через Шпрее на рассвете, Ней уже ранним утром атаковал позицию Барклая-де-Толли. Последний забросал его ядрами, ибо пушек у него было едва ли не больше, чем солдат. Будучи вынужден охранять весьма протяженную линию, от подножия холмов, где находился Блюхер, до просторных лугов, через которые протекал Блезауэр, Барклай-де-Толли располагал у мельницы не более чем 5–6 тысячами человек. Но ядра не останавливали Нея. Он продолжил движение к ветряной мельнице и сумел опрокинуть Барклая-де-Толли. Рядом с Барклаем в ту минуту находился Мюффлинг, так старавшийся привлечь внимание Александра к этой части позиции. Сделавшись свидетелем сопротивления Барклая и грозивших ему опасностей, он отправился к Блюхеру за помощью. Барклай же, опасаясь, что будет отброшен в беспорядке, если попытается продержаться перед Блезауэром, перешел через ручей в Глейне и стал располагаться на склоне высот в глубине поля битвы, дабы защитить от французов дороги на Вуршен и Хохкирх, которыми должна была двигаться армия союзников при отступлении. Там он столкнулся с войсками Лористона, явившимися докучать ему, но выгоды участка позволили генералу держать оборону.

Завладев ветряной мельницей, Ней двинулся вправо, чтобы захватить с тыла холмы, где он заметил массу прусских войск, и оказался перед деревней Прейтиц, расположенной на Блезауэре, как раз в том месте, где ручей, обогнув сзади позицию Блюхера, поворачивает на равнину. Он захватил Прейтиц силами дивизии Суама, но после вступления в деревню начал испытывать некоторые сомнения относительно дальнейших действий. Ней хорошо видел в глубине колокольню Хохкирха, но на пути к ней располагались массы неприятельской конницы, которым он мог противопоставить лишь немногочисленную легкую кавалерию. Слева на выгодной позиции расположился Барклая-де-Толли, а справа на холмах – Блюхер. Будучи отделен от Наполеона расстоянием в три лье и лесистыми холмами, Ней, испытывавший порой, как мы уже имели случай сказать, колебания ума, но не сердца, остановился, чтобы услышать пушки остальной части армии и не вовлекаться в сражение слишком рано.

Тем временем Барклай-де-Толли получил помощь, которой Мюффлинг с большим трудом добился от недоверчивого Блюхера и Гнайзенау. Когда Мюффлинг добрался до них, эти двое были заняты произнесением патриотических речей перед прусскими войсками, рассказывая им о германских Фермопилах, и не хотели верить, что их могут захватить с тыла. Однако по настоянию Мюффлинга Блюхер всё же приказал нескольким батальонам Клейста и двум батальонам королевской гвардии покинуть тылы и идти отбивать Прейтиц.

Повернув обратно, эти войска ринулись на Прейтиц, обнаружили в нем дивизию Суама, которая была не готова к нападению, и отбили деревню и мост через Блезауэр. Захваченный врасплох внезапной атакой, Ней вновь перешел в наступление силами своей второй дивизии, оттеснил, в свою очередь, прусские батальоны и вернулся в Прейтиц. Отбив деревню, он должен был двигаться вперед, соединиться правым флангом с Лористоном и в сопровождении Ренье обойти позицию Блюхера;

отразить, встав в каре, атаки прусской конницы; затем взобраться на склоны, обороняемые Барклаем-де-Толли, и перерезать дороги на Вуршен и Хохкирх. Тогда были бы захвачены 25 тысяч пруссаков и 200 орудий, и коалиция распалась бы. Генерал Жомини, начальник штаба Нея, горячо настаивал, чтобы знаменитый маршал именно так и действовал, но тот хотел дожидаться, когда приблизятся артиллерийские раскаты, едва доносившиеся с его правого фланга, и он будет не так одинок на совершенно незнакомом огромном и сложном поле битвы.

Между тем Ней сделал уже довольно, чтобы позиция неприятеля стала непригодна к обороне. Горя нетерпением начать атаку, но никогда не уступая нетерпению на поле битвы, Наполеон приказал открыть огонь только тогда, когда рассудил, что пришло время: генерал Бертран под прикрытием артиллерии левого берега уже вскарабкался на обрывистый правый берег и

дебушировал перед Блюхером. Блюхер расположил свой правый фланг на холмах, а левый – у Блезауэра в Креквице, поставив пехоту на крыльях, кавалерию в центре и выдвинув вперед длинную линию артиллерии. Генерал Бертран развернул слева дивизию Морана, справа – вюртембергскую дивизию и оставил в резерве дивизию итальянскую. Между позицией Бертрана и Бауценом располагались Мармон, гвардия и Макдональд, пламенно ожидавшие приказа вступить в бой.

Едва в тылах Блюхера послышались пушки Нея, как Наполеон дал сигнал к атаке. Мармон, располагавший, помимо собственной артиллерии, артиллерией гвардии, открыл сокрушительный огонь по редутам центра, а затем направил часть пушек немного вкось на фланг Блюхера в Креквице. После нескольких минут канонады Бертран начал движение на линию Блюхера. Дивизия Морана, встав в каре, опрокинула ружейным огнем прусскую кавалерию, ринувшуюся на нее галопом, а затем двинулась атакующими колоннами на Блюхера.

Тем временем вюртембергская дивизия двигалась на Креквиц в излучине Блезауэра. Пушки Мармона настолько поколебали охранявшие Креквиц войска, что деревню удалось захватить силами одного вюртембергского батальона. Видя угрозу своей линии с фронта, Блюхер подтянул на линию дивизию Цитена и выдвинул ее против корпуса Бертрана. Цитен не смог оттеснить дивизию Морана, но отвоевал участок у вюртембергской дивизии и захватил в Креквице батальон, завладевший деревней. Тогда Мармон удвоил косоприцельный огонь по Креквице, Моран перешел от обороны к наступлению, выбил из Креквицы дивизию Цитена и оттеснил ее на холмы, служившие опорой Блюхеру.

В эту минуту Блюхер попытался подтянуть к себе королевскую гвардию, корпус Клейста и часть сил русских. Но на просьбы о помощи ему отвечали, что эти войска заняты боем за Прейтиц в его тылах, что они его проиграли и что если он не отступит как можно скорее, прекратив упорную оборону позиции, которую только что называл германскими Фермопилами, весь его корпус будет захвачен Неем. Перед очевидностью опасности, в которой Мюффлингу не без некоторого труда удалось его убедить, Блюхер решился отступить – с отчаянием в сердце, имея большое желание, но не решаясь прямо пожаловаться на Барклая-де-Толли, который, как он сказал, не защитил его тылы, и изливая досаду в тысяче инвектив в адрес Главного штаба русских, бесполезно собравшего в горах силы, столь необходимые на правом фланге.

Итак, Блюхер отступил и прошел в виду Прейтица, совсем близко от Нея. По неслыханной для него удаче, в то время как он спускался через Клейн-Бауцен с холмов, где обещал противостоять всем усилиям французов, Ней, сочтя необходимым их очистить перед выдвижением на Хохкирх, всходил на них из Прейтица с другой стороны. Так, избежав неприятного столкновения, Блюхер отступил через линии русской и прусской кавалерии, оставшейся стоять в боевых порядках позади него.

Тем не менее наша победа была обеспечена. Бертран последовал за отступавшим Блюхером; Мармон с его корпусом, а Мортье с Молодой гвардией, завидев попятное движение неприятеля, спустились на берег Блезауэра, перешли через него и пересекли затопленный луг, простиравшийся у подножия редутов Башюца. Молодая гвардия без больших потерь взобралась на них, ибо попятное движение правого фланга сообщилось всей армии союзников, заодно высвободив на правом фланге Удино. Маршал был осажден на Тронберге всеми силами Милорадовича, вынужден отступить и занять позицию сзади, где нашел поддержку бесстрашного Жерара, командовавшего правым флангом Макдональда. Заслышав о победе, одержанной на всей линии, Удино перешел в наступление и живо потеснил русских. На протяжении трех лье началось преследование союзников, но поскольку участок был неудобен для конницы, да и конницы у французов имелось недостаточно, они собрали только раненых солдат неприятеля и множество разбитых орудий, которых вполне хватало, чтобы придать блеск победе. Победа в самом деле была блистательной: она уничтожила грозную позицию, оборонявшуюся почти

сотней тысяч человек, и последние иллюзии союзников, по крайней мере в этой части кампании. Союзники уже не могли надеяться закрыть нам путь на Одер; и, главное, не могли, не заключив немедленно перемирия, оставаться привязанными к территории Австрии, а через ее территорию – к ее политике.

Что до потерь, с нашей стороны они были меньшими, чем со стороны союзников. Те признали потери примерно в 15 тысяч человек убитыми и ранеными за два дня сражения, но на деле они были куда более значительными. Наши потери не превысили 13 тысяч человек убитыми и ранеными.

О победе при Бауцене, как и о победе при Лютцене, предстояло судить не по трофеям, а по последствиям. Наутро 22 мая Наполеон решил преследовать неприятеля, отбросить его за Одер и вступить в Бреслау, где праздновался альянс России и Пруссии, а затем в Берлин. Намереваясь лично преследовать отступавших государей, он счел себя достаточно сильным, чтобы расстаться с корпусом Удино, который больше всего пострадал в сражениях 20 и 21 мая, нуждался в 3–4 днях отдыха и имел достаточный боевой опыт и достаточно сильного командующего, чтобы его можно было бросить на Берлин. Наполеон присоединил к нему восемь батальонов из гарнизона Магдебурга и тысячу всадников из Дрездена, что доводило численность его корпуса до 23–24 тысяч человек – достаточной силы, чтобы одолеть прикрывавшего Берлин генерала Бюлова. Маршалу Удино предстояло энергично атаковать и отбросить на Одер Бюлова и затем двигаться на Берлин, в то время как Наполеон будет теснить союзников на Бреслау.

Утром 22 мая, отдохнув несколько часов, отдав приказы, отправив вперед генералов Ренье и Лористона, почти не сражавшихся накануне, а следом за ними Нея, Наполеон выступил и сам. Он двигался вместе с гвардией, а за ним следовали Мармон, Бертран и Макдональд. После двухдневных потерь и отделения Удино у Наполеона оставалось в целом не менее 135 тысяч человек, а приближение Виктора с реорганизованными батальонами должно было довести численность сил до 150 тысяч. Этого было более чем достаточно, чтобы одолеть неприятеля, насчитывавшего не более 80 тысяч солдат. Итак, Наполеон отбыл утром 22-го, пожелав лично участвовать в погоне, дабы испытать только что реорганизованную конницу.

Союзники отступали из Бауцена дорогой в Гёрлиц. Прибыв к Райхенбаху, французы заметили в глубине котловины линию высот, на которую произвела отступление неприятельская пехота, оставив позади для прикрытия кавалерию. Отважный Лефевр-Денуэтт ринулся на неприятельскую кавалерию во главе польских улан и красных улан гвардии, поначалу живо потеснил ее, но вскоре навлек на себя массу конницы, намного превосходящую его собственную. Наполеон, располагавший 12 тысячами всадников Латур-Мобура, бросил их на неприятеля, и равнина Райхенбаха осталась за нами. Несмотря на преимущество в этом столкновении, Наполеон заметил, что его кавалерия, хоть и смешанная со старыми кавалеристами, вернувшимися из России, будучи сформирована совсем недавно, еще не стоит того, чего стоила раньше. В самом деле, большинство лошадей получили ранения или слишком устали. Наполеон заметил также, что воодушевленных врагов поколебать труднее, нежели врагов деморализованных, воюющих без страсти, вроде тех, кого он преследовал после Аустерлица и Йены.

После кавалерийского боя саксонская пехота генерала Ренье заняла высоты Райхенбаха, и можно было в тот вечер заночевать в Гёрлице, но там пришлось бы вступить в арьергардный бой, и Наполеон, рассудив, что трудов на сегодня достаточно, приказал поставить палатку на уже занятом участке. Когда он сошел с коня, вдруг послышался крик: «Кирженер убит!» При этих словах Наполеон воскликнул: «Фортуна сегодня не на нашей стороне!» Однако за первым криком вскоре послышался другой – «Убит Дюрок!». «Это невозможно, – отвечал Наполеон, – я только что с ним говорил!» Но это было не только возможно, это было правдой. Ударившее в дерево рядом с Наполеоном ядро рикошетом сразило превосходного военного инже-

нера генерала Кирженера, а следом за ним и гофмаршала Дюрока. Ранение Дюрока оказалось тяжелейшим. Ядро разворотило ему внутренности, и его обернули компрессом, пропитанным опиумом, дабы облегчить последние минуты, ибо спасти несчастного не оставалось надежды. Дюрок был вторым из истинно преданных друзей, которых Наполеон потерял за последние двадцать дней. Он был глубоко взволнован этой потерей и тотчас приказал совершить публичную траурную церемонию с произнесением торжественных надгробных речей о маршалах Бессьере и Дюроке. Дочери Дюрока он передал герцогство Фриульское, равно как и все дарения, пожалованные отцу, и назначил ее опекуном графа Моле.

Двадцать третьего мая французы вступили в Гёрлиц и перешли через Нейсе, 24 мая перешли через Квису, а 25-го – через Бобр. Союзники разделились на две колонны. Колонна на правом фланге французов включала войска Милорадовича и русскую гвардию, колонна на левом – пруссаков и Барклая-де-Толли. Наполеон преследовал обе колонны. Корпуса Бертрана и Мармона двинулись вправо через Гёрлиц и Швайдниц, следуя у подножия гор. Корпуса Ренье, Лористона и Нея, гвардия и императорская штаб-квартира двинулись в центре, через Гёрлиц и Бреслау. Слева Виктор и кавалерия Себастиани направились к Одера, чтобы разблокировать Глогау. Французская армия двигалась через Силезию, по территории Пруссии, шадить которую стоило разве для того, чтобы приберечь для себя местные ресурсы. Однако Наполеон предусмотрительно приказал соблюдать строжайшую дисциплину, чтобы поразить германцев контрастом с поведением русских.

Левая колонна, дойдя до Одера, разблокировала Глогау, где гарнизон, обложенный в продолжение пяти месяцев, радостно бросился в объятия освободителей. Лористон, также вышедший к Одера, арестовал шестьдесят лодок с продовольствием и боеприпасами, предназначенными для осады крепости и теперь послужившими для ее снабжения. Нею оставалось совершить один марш, чтобы вступить в Бреслау.

Читатель может удивиться, что после письма Бубны к Штадиону и письма Коленкура к Нессельроде, одно из которых предлагало план перемирия, а другое – средства для немедленных переговоров, так и не встал вопрос о перемирии. Но, как мы говорили, Коленкура отослали к Штадиону, представителю державы-посредницы, и Штадион сообщил об этом в письме Бертье, равно как и о том, что готов договориться с Коленкуром и с русскими и прусскими генералами о немедленном заключении перемирия. Этот двойной ответ был отправлен 22 мая и вручен французским аванпостам. Получив его и увидев, как приняты его предложения, Наполеон счел, что не должен торопиться с людьми, выказывающими такую гордость, и отвечал, что когда генералы явятся к аванпостам, тогда они и будут приняты, а затем продолжил движение и прибыл в Лигниц, находящийся в одном-двух переходах от Бреслау.

Тем временем в стане союзников царило смятение. Несмотря на безумную спесь, происходившую оттого, что они противостояли французам чуть лучше, чем прежде, союзники начали ощущать последствия двух поражений. Прусские офицеры, будучи членами Тугенбунда², обладали сектантским пылом, но молодые войска не могли оправиться после проигранных сражений и стремительных отступлений. Русские были поколеблены намного сильнее пруссаков. Поскольку после пересечения Польши война для них из национально-освободительной превратилась в войну чисто политическую, они не желали терпеливо переносить ее тяготы. Кроме того, император Александр был вынужден вручить, наконец, командование Барклаю-де-Толли, единственному человеку, способному его осуществлять, хоть и непопулярному среди солдат, и тот попытался навести порядок в своей армии, но не преуспел среди сумя-

² Тугенбунд (от нем. *Tugenbund*) – Союз добродетели, тайное политическое общество, созданное в апреле 1808 года в Пруссии, после разгрома ее Наполеоном, с целью возрождения национального духа и освобождения страны от французского владычества. – *Прим. ред.*

тицы отступления. Он думал и с привычной жесткостью говорил вслух, что русской армии грозит распад, если ее не отвести на два месяца в Польшу для восстановления сил, и он не только говорил, но и хотел действовать соответственно. Потребовалось категорическое волеизъявление Александра, чтобы Барклай оставил дорогу в Бреслау, которая вела прямо в Польшу, и перешел на дорогу в Швайдниц. Там и надеялись остановиться, в знаменитом лагере Бунцельвиц, столь долго занимаемом Фридрихом Великим³, по соседству с Австрией, на чем продолжали настаивать дипломаты коалиции.

Вскоре союзники были вынуждены признать, что у них нет другого выхода, кроме переговоров о перемирии, уже предложенных дипломатами воюющих держав. Договорились отправить во французскую штаб-квартиру посланников, одновременно попытавшись урезонить самых пылких противников перемирия обещанием отложить оружие только для того, чтобы вскоре вновь за него взяться, и тогда уже не слагать до полного уничтожения врага. Не ограничившись отправкой посланников в штаб-квартиру, отправили Нессельроде в Вену. Он должен был рассказать там об опасностях, которым подвергаются воюющие державы, невозможности для них дольше оставаться связанными с Богемией и о вероятности вынужденного отступления в Польшу, которое неминуемо повлечет за собой распад коалиции и потерю для Австрии уникальной возможности спасти Европу и саму себя. Нессельроде был вооружен мощным средством воздействия на Австрию – угрозой прямого соглашения России с Францией, соглашения, которое император Александр благородно отверг, но мог договориться о нем за считанные часы, ибо для этого ему следовало только допустить к себе Коленкура. Впрочем, на Венский кабинет воздействовало одно появление этого благородного человека на аванпостах, и Нессельроде по приезде в Вену предстояло обнаружить, что впечатление, которое он ожидал произвести этим доводом, уже произведено. Чтобы содействовать Нессельроде, Штадион также написал в Вену, написали и пруссаки, и все запугивали австрийский двор Коленкуром, требуя немедленного решения.

Итак, Нессельроде отбыл в столицу Австрии, а тем временем генерал Клейст со стороны пруссаков и граф Шувалов со стороны русских отправились к французским аванпостам. Они прибыли к ним 29 мая в десять часов утра и были приняты Бертье, тотчас доложившим о них Наполеону.

Тот был связан своим ответом и не мог отказаться от переговоров, хотя ему было выгоднее разбить и в беспорядке оттеснить союзников на Вислу, подальше от Австрии, которая наверняка не сделалась бы в этом случае их союзницей. Однако состояние кавалерии и желание завершить вторую серию вооружений, дабы суметь противостоять даже Австрии и заключить мир по своему усмотрению, склоняли Наполеона к заключению перемирия. Временным соглашением, которое намеревался заключить, он хотел сохранить Силезию до Бреслау и Северную Германию до Эльбы, включая Гамбург и Любек, независимо от того, будут ли эти города отвоеваны французскими войсками или нет. Кроме того, он хотел, чтобы военные операции приостановили не менее чем на два месяца и чтобы в продолжение этого периода гарнизоны крепостей Одера и Вислы не питались своими припасами, а снабжались продовольствием за деньги. Коленкур был отправлен 30 мая в Геберсдорф, расположенный меж двумя армиями, дабы вести переговоры на указанных условиях.

Он нашел прусского и русского посланцев чересчур пылкими и гордыми для их положения и почти непреклонными по трем следующим пунктам. Они не хотели оставлять на время перемирия город Бреслау, ставший второй столицей пруссаков; не желали уступать Гамбург, дабы не создать прецедент для окончательного присоединения ганзейских городов к Франции; и наконец, хотели, чтобы перемирие длилось не более месяца. Коленкур обсуждал с ними эти

³ Во время Семилетней войны, в 1761 году, Фридрих занял укрепленный лагерь Бунцельвиц и продержался в нем несколько месяцев, пока русские и австрийцы не сняли окружение. – *Прим. ред.*

три пункта в продолжение десяти часов и ничего не добился. Он доложил об этом Наполеону, находившемуся в Ноймаркте, у ворот Бреслау.

Тон и требования союзников чрезвычайно разгневали Наполеона. Он приказал отвечать, что в перемирии нуждаются они, а не он; что если им угодно придать перемирию характер капитуляции, он двинется вперед, отбросит их за Вислу и будет громить с такой частотой, с какой они будут сталкиваться с французской армией. Он сказал, что согласился остановиться только для того, чтобы вернуть Европе надежду на мир, что хочет не меньше половины Силезии, не оставит Гамбург и если откажется от Бреслау, то из чистой любезности, ибо и так им владеет. Тем не менее Наполеон не был категоричен, дав понять, что Бреслау может стать эквивалентом Гамбурга. Но относительно продолжительности перемирия он оставался непреклонен, сказав, что выделять месяц для переговоров о множестве столь трудных предметов — значит заключать его в круг Попилия⁴, в который он привык сам заключать других. В заключение Наполеон заявил, что, желая созыва конгресса, требует и времени для его результативного проведения.

Посланцы встретились вновь для обсуждения всех этих предметов в деревне Плейшвиц, договорившись о временной приостановке военных действий. Представители союзников продолжали держаться своих притязаний, не выказывая, однако, непреклонности, ибо действительно нуждались в перемирии. Наполеон, в свою очередь, получил известие, склонившее его к большей сговорчивости. Министр Маре, недавно прибывший из Парижа в Дрезден, приехал в Лигниц, дабы вернуться к дипломатическим обязанностям при штаб-квартире, и тотчас по прибытии встретился с Бубной, вернувшимся из Вены и привезшим подробные объяснения по всем пунктам, которые обсуждал с ним Наполеон в Дрездене 17 и 18 мая. Вот что рассказал о своей поездке и своих переговорах Бубна.

Вернувшись в Вену, он поведал о неожиданной уступке Наполеона, согласившегося призвать на конгресс представителей испанских повстанцев. Его доклад бесконечно удовлетворил Меттерниха и императора Франца, которым очень хотелось избежать войны. К тому же они были весьма довольны письмами Наполеона и до некоторой степени учли выказанное им отвращение к некоторым из предложенных условий. Они сочли, что Наполеон согласен на упразднение Великого герцогства Варшавского, его раздел в пользу Пруссии, России и Австрии и возвращение Австрии Иллирии, хоть он и не говорил Бубне об этом прямо. Но поскольку Наполеон упорно не желал отказываться от протектората над Рейнским союзом и возвращать ганзейские города, император Франц и Меттерних решились на некоторые поправки к этим двум пунктам и задумали следующие изменения, призванные спасти то, что Наполеон называл своей честью. Ганзейские провинции будут возвращены для восстановления свободных городов Любека, Бремена и Гамбурга только при заключении мира с Англией, тогда как решение вопроса с Рейнским союзом будет приурочено к заключению всеобщего мира, о котором будут договариваться все мировые державы, даже Америка. И поскольку предстоявшие в ближайшее время переговоры будут вестись только с Россией, Пруссией и Австрией, обсуждение двух этих пунктов можно отложить.

И Бубну тотчас вновь отправили во французскую штаб-квартиру с этими двумя поправками, которые в самом деле были весьма важны, а император Франц направил Наполеону новое письмо, в котором, отвечая на его просьбу пощадить его честь, говорил такие слова: «В тот день, когда я отдал вам свою дочь, ваша честь стала моей честью. Верьте мне, и я не требую от вас ничего, от чего может пострадать ваша слава». Ко всем этим свидетельствам Бубна должен был добавить официальное заявление, что Австрия еще не связана обязательствами

⁴ По преданию, во время Сирийской войны 170–168 гг. до н. э. римский посол очертил вокруг сирийского царя Антиоха IV круг на песке и потребовал дать ответ на ультиматум раньше, чем тот выйдет из круга. — *Прим. ред.*

ни с кем и если Наполеон согласится на новые условия мира, она готова связать себя с ним присоединением новых статей к договору об альянсе от 14 марта 1812 года.

Таковы были расположения венского двора, когда Бубна пустился в путь, и они были искренними, ибо в ту минуту до Австрии еще не дошли слухи о возможности прямого соглашения между Россией и Францией, а потому у нее не было причин ни для спешки, ни для недовольства. Предлагая эти условия, Австрия была уверена, что посредством одной угрозы присоединиться к Наполеону заставит принять их и Россию, и Пруссию.

Безусловно, подобная новость должна была показаться Наполеону весьма хорошей, ибо от него зависело завершить долгую борьбу с Европой, и завершить ее, получив великолепную империю и морской мир, который компенсировал бы его отказ от Гамбурга и Рейнского союза. К сожалению, это сообщение не удовлетворило Наполеона, а разгневало. Он увидел в нем решимость Австрии немедленно вмешаться и, навязав свое посредничество, не позволить продолжать военные действия. Он вынужден был либо согласиться на условия, которых не хотел ни в коем случае, даже с поправками, либо в тот же миг увидеть Австрию в числе своих врагов, а он мог противостоять ей только через два месяца. Это и предрешило уступку по некоторым спорным пунктам перемирия. Не желая быть сговорчивым с Австрией, требовавшей от него окончательных жертв, Наполеон стал сговорчивым с Пруссией и Россией, требовавшими от него жертв временных, и написал Маре шифровку: «Тяните время, не объясняйтесь с Бубной, увезите его в Дрезден и оттягивайте минуту, когда мы будем вынуждены принять либо отвергнуть предложения Австрии. Я намерен заключить перемирие и выиграть необходимое мне время. Однако если для заключения перемирия будут настаивать на негодных условиях, я доставлю вам новые темы для разговоров с Бубной, дабы вы могли протянуть еще несколько дней, пока я не отброшу союзников подальше от территории Австрии».

В эту минуту, на его и на нашу беду, Наполеон получил известие о том, что маршал Даву подошел к воротам Гамбурга и наверняка вступит в город 1 июня. Было 3 июня; и Наполеон задумал решить проблему Гамбурга, заявив в переговорах, что ганзейские провинции достанутся тому, кто будет владеть ими в полночь 8 июня. Он согласился оставить между двумя армиями нейтральный участок в десяток лье, включавший Бреслау. Что до длительности перемирия, он решил, что оно будет продолжаться до 20 июля, с шестидневным сроком после его отмены до возобновления военных действий, что приводило к 26 июля и составляло почти два месяца. Наполеон отправил эти условия и приказал тотчас прервать переговоры, если они не будут приняты.

Коленкур представил новые условия 4 июня. Посланники, имевшие приказ уступить, если Бреслау не останется в руках Наполеона, уступили, и роковое перемирие, ставшее величайшим несчастьем Наполеона, было подписано 4 июня. Договорились о том, что демаркационная линия между двумя армиями пройдет по Кацбаху, оставив Бреслау на нейтральной территории; после Кацбаха – по Одера, обеспечив Франции Нижнюю Силезию; после Одера – по старой границе Саксонии и Пруссии, оставив во французском владении всю Саксонию; от Виттенберга до моря – по Эльбе. Кроме того, было оговорено, что блокированные гарнизоны Вислы и Одера будут снабжаться продовольствием за деньги. В тот же день стало известно, что Гамбург и ганзейские города вернулись в руки Даву, что обеспечивало Франции обладание ими на время перемирия.

Таково было роковое перемирие, которое, несомненно, нужно было принять, если хотели мира, но безоговорочно отвергнуть, если его не хотели, ибо лучше было в этом случае незамедлительно довершить уничтожение союзников. Наполеон же, наоборот, принял его потому, что противился миру и желал запастись двумя месяцами и завершить вооружения, отказавшись от условий Австрии. Ошибка Наполеона проистекала из остальных его ошибок, подводила им итог и стала частью роковой череды решений, продиктованных честолюбием и ускоривших конец его правления.

Между тем во всей Европе, кроме Пруссии, перемирие вызвало радость, потому что весьма походило на мир. Отправив армию на квартиры, Наполеон декретировал возведение памятника на вершине Альп, повелев начертать на нем слова: «Наполеон французскому народу, в память о его благородных усилиях против коалиции 1813 года». Идея, несомненно, обладала величием его гения; но лучше бы он послал в Париж, ради французского народа и самого себя, мирный договор с отказом от Рейнского союза, Гамбурга, Иллирии и Испании с такими словами: «Жертва Наполеона французскому народу».

XLIX

Дрезден и Витория

Подписывая Плейшвицкое перемирие, Наполеон желал только выиграть два месяца для завершения вооружений, соразмерных силам новых врагов, которых он мог навлечь на себя, и ни на минуту не задумывался о мире, не собираясь заключать его на условиях, предложенных Австрией. Он категорически отвергал этот мир, и не из-за территориальных потерь, которые были ничтожны, а потому, что считал его посягательством на свою славу и без колебаний предпочитал ему войну со всей Европой. Однако он не хотел, чтобы о его истинных намерениях (со всей очевидностью вытекавших из приказов, дипломатических депеш и неизбежных признаний некоторым ближайшим соратникам) догадались державы, с которыми ему предстояло вести переговоры, или члены его правительства. Ведь если бы замыслы Наполеона стали понятны Австрии, она бесповоротно пошла бы против нас, ускорив вооружение и посеяв отчаяние среди наших союзников, которым и без того опостылел альянс, и сделала бы невозможным продление перемирия, которого Наполеон добивался путем затягивания переговоров. Если бы он признался членам правительства, о решении отказаться от мира узнал бы вскоре и народ. Это усилило бы неприязнь к его политике, распространив ее на него самого и его династию, затруднило бы проведение новых призывов и расстроило армию. Солдаты допускали, что после Москвы и Березины французские армии нуждались в блестящем реванше. Однако после Лютцена и Бауцена престиж нашего оружия был восстановлен, и они взбунтовались бы и охладели, если бы узнали, что Наполеон, имея возможность сохранить Бельгию, рейнские провинции, Голландию, Пьемонт, Тоскану и Неаполь, захотел пожертвовать еще тысячами жизней, чтобы сохранить Любек, Гамбург, Бремен и пустой титул протектора Рейнского союза!

Мы уже знаем, что Бубна возвратился во французскую штаб-квартиру с условиями Австрии, в которые были внесены значительные поправки, и единственное возражение Наполеона сняли путем отсрочки переговоров о ганзейских городах и Рейнском союзе до заключения морского мира. Тогда Наполеон, почувствовав себя зажатым в угол и испугавшись, что придется без промедления объявить о своих намерениях и это переведет Австрию в стан его врагов прежде, чем он будет готов ей противостоять, подписал столь невыгодное Плейшвицкое перемирие, дабы выиграть время. Он по секрету сообщил принцу Евгению и военному министру, что подписал перемирие, чтобы успеть подготовиться к войне с Австрией. Он рекомендовал и тому и другому во что бы то ни стало подготовить к концу июля Итальянскую армию, которой назначалось угрожать Австрии через Каринтию, и Майнцскую армию, призванную угрожать ей через Баварию. Однако ни тому ни другому он не признался, каким именно условиям Австрии он не хотел подчиниться, только дал понять, что ее требования чрезмерны и нацелены на уничтожение могущества Франции и оскорбление его чести.

Наполеон открыл свои намерения, поручив принять Бубну, только Маре, которого не мог обманывать, поскольку министр оставался посредником в сообщении Франции с европейскими державами, к тому же, с его стороны Наполеон не ждал возражений. Он сказал, что не хочет видеть посланца Австрии, дабы избежать объяснений на предмет ее условий, предписал увезти его в Дрезден, куда вскоре должна была вернуться французская штаб-квартира, и удерживать там до его возвращения, что позволило бы выиграть десяток дней и оттянуть до середины июня сбор полномочных представителей. Затем, начав обсуждение формальных вопросов, можно было бы дотянуть до июля, так и не высказавшись по существу, а потом, выказав склонность к переговорам в последнюю минуту и сославшись на недостаток времени, добиться продления перемирия еще на месяц. Так Наполеон рассчитывал получить в свое распоряже-

ние три месяца, которыми державы коалиции, несомненно, тоже могли воспользоваться, но не настолько эффективно, как Франция.

Задумав план, Наполеон отправил Маре в Дрезден объявить о его скором прибытии и подыскать удобное жилище вдали от королевских резиденций, рядом с городом и в то же время на природе, где он мог бы свободно работать, дышать чистым воздухом и находиться поблизости от устроенных на берегу Эльбы подготовительных лагерей. Наполеон приказал отправить туда часть двора и всю труппу театра «Комеди Франсез», дабы развернуть там род показательного мирного великолепия, дышащего довольством, уверенностью и склонностью к отдохновению, хотя таковая склонность была в ту минуту как никогда чужда его душе. «Пусть думают, – написал он Камбасересу, – что мы тут забавляемся».

Наполеон покинул войска, как всегда позаботившись об их содержании, здоровье и обучении на период перемирия. Нижняя Силезия, которую он получил согласно новым условиям, была богата всевозможными ресурсами как для пропитания, так и для обмундирования солдат. Армейские корпуса Наполеон расположил следующим образом. Ренье с 7-м корпусом он поместил в Гёрлице, Макдональда с 11-м – в Левенберге, Лористона с 5-м – в Гольдберге, Нея с 3-м – в Лигнице, Мармона с 6-м – в Бунцлау, Бертрана с 4-м – в Шпроттау, Мортье с пехотой Молодой гвардии – в окрестностях Глогау, Виктора со 2-м корпусом – в Кроссене, Латур-Мобура и Себастиани с резервной кавалерией – на Одере. Удино с корпусом, предназначенным для марша на Берлин, был расквартирован на границе Саксонии и Бранденбурга, формировавшей от Одера до Эльбы оговоренную перемирием демаркационную линию. Все корпуса снабжались продовольствием посредством реквизиций, используя их таким образом, чтобы просуществовать не менее трех месяцев и сформировать запасы ко времени возобновления военных действий. Поскольку из всех крепостей Одера и Вислы разблокирована была только крепость Глогау, Наполеон обновил ее гарнизон и припасы и приказал усовершенствовать средства обороны. Он отправил офицеров в Кюстрин, Штеттин и Данциг, чтобы сообщить гарнизонам о победах нашего оружия, отвезти им награды и проследить за немедленным замещением потреблявшегося продовольствия равными количествами, согласно условиям перемирия.

Одно из условий оговаривало, что Гамбург достанется тому, кто будет владеть им к вечеру 8 июня. Французы завладели Гамбургом 29 мая, после прибытия генерала Вандама с двумя дивизиями. Вандам выбил из города соединение Теттенборна, состоявшее из казаков, пруссаков, мекленбуржцев и солдат ганзейских городов, и вновь водрузил французских орлов над Эльбой. Наполеон тотчас послал Даву приказ водвориться в Гамбурге, Бремене и Любеке, повторно предписал сурово покарать эти города, извлечь из них необходимые армии ресурсы и создать в низовьях Эльбы обширное военное расположение. Гамбург был призван завершить ряд оборонительных укреплений на великой реке, на которой французы уже располагали Кёнигштайном, Дрезденом, Торгау, Виттенбергом и Магдебургом.

Позаботившись о выполнении условий перемирия и благосостоянии войск на время приостановления военных действий, Наполеон направился вместе с войсками в Дрезден, где намеревался остаться на время будущих переговоров, и отошел к Эльбе с кавалерией и пехотой Старой гвардии, передвигаясь дневными переходами. Он вошел в Дрезден только 10 июня, что соответствовало его желанию как можно позже встретиться с Бубной. Король Саксонии вышел встречать его, и даже жители Дрездена, довольные отдалением войны от их очагов и почестями, оказанными их королю, устроили Наполеону прием, какого трудно было ожидать со стороны германского населения.

Наполеон остановился во дворце Марколини, который подыскал ему Маре. Дворец, окруженный огромным и красивым парком, находился в предместье Фридрихштадт, где на берегу Эльбы могли маневрировать многочисленные войска. Там, не будучи в тягость саксонскому

двору и не терпя беспокойства от него, Наполеон мог располагать всем, чего желал, – приличествующим заведением, воздухом, зеленью и полем для маневров. Он решил устраивать утренний выход, как в Тюильри, днем – смотры и маневры, вечером – обеды, приемы и представления по Корнелю, Расину и Мольеру с лучшими актерами «Комеди Франсез». И уже на следующий день по возвращении в Дрезден жизнь потекла по предписанному императором распорядку с точностью и неизменностью военного правила.

Между тем Бубна, прибывший из Вены двумя неделями ранее и тщетно дожидавшийся встречи с Наполеоном, напомнил ему о своем присутствии официальной нотой, на которую совершенно необходимо было дать ясный и быстрый ответ.

Чтобы понять всю важность этой ноты, необходимо знать о последних событиях в Австрии, развивавшихся, как и в других местах, с необычайной быстротой. Направив для переговоров о перемирии Коленкура, дабы изыскать возможность прямого соглашения с Россией, Наполеон предоставил Австрии опасное оружие, которым ей предстояло воспользоваться самым пагубным для нас образом. Если бы император Александр был не столь обижен пренебрежением Наполеона, не столь увлечен новой для него ролью короля королей и разделял мнение Кутузова, хотевшего прекратить войну, подписав с Францией выгодный России мир, было бы весьма уместно посылать к нему Коленкура, который долгое время пользовался его доверием и стал почти другом. Но, будучи одурманен лестью германцев, Александр превратился, несмотря на присущую ему мягкость, в неумолимого врага, с которым опасно было искать контактов. Ничуть его не тронув, приезд Коленкура только доставил ему средство положить конец долгим колебаниям Австрии. Теперь Александр мог сказать австрийцам: «Решайтесь, а не то нас снова разгромят, как в Лютцене и Бауцене, и мы будем вынуждены вступить в переговоры с нашим общим врагом, принять его авансы, заключить с ним мир, выгодный только России, и бесповоротно оставить вас на произвол его гнева, который должен быть немалым, ибо если вы недостаточно сделали, чтобы помочь нам, вы сделали вполне достаточно, чтобы внушить глубокое недоверие ему». Адресовать подобные слова венскому двору на следующий день после Бауцена было бы тем более уместно, что новое отступление отдалило бы союзников от границ Австрии и лишило их всякого контакта с ней. Объединяться следовало сейчас или никогда, ибо стоит сделать еще шаг – и протянутые друг к другу руки уже не смогут соединиться.

Вот такие доводы было решено привести императору Францу и Меттерниху; и в то время как Клейст и Шувалов в Плейшвице вели переговоры о перемирии, позвали Штадиона и указали ему на Коленкура, выбранного для этих переговоров. Выдав за свершившийся факт дипломатические попытки, какие позволял предположить его приезд, настоятельно просили Штадиона объявить своему кабинету, что то, от чего отказались сегодня, будут вынуждены принять завтра, под давлением обстоятельств и побед Наполеона. Штадион поспешил живописать своему двору, со многими преувеличениями, опасность прямого соглашения между Францией и Россией. Первого июня, не полагаясь на влияние слов, написанных на бумаге, Александр отправил в Вену Нессельроде, поручив ему просить, умолять и угрожать при необходимости австрийскому двору, показав ему голову Медузы, то есть договаривающегося с Александром Наполеона, повторявшего на Одере встречу на Немане и возобновлявшего Тильзитский альянс в Бреслау. Нессельроде тотчас пустился в путь, направившись в Вену через Богемию.

Подобных усилий и не требовалось, чтобы дать решающий толчок столь прозорливым людям, как император Франц и Меттерних. Ведь Австрия, вновь возведенная фортуной на высоту, с которой она была скинута двадцать лет назад мечом Наполеона, подвергалась большой опасности. Теперь все ласкали ее и являлись к ней с руками, полными великолепных даров. Александр предлагал ей не только Иллирию и часть Польши, но и Италию, и Тироль, и императорскую корону Германии, и в довершение всего независимость. Франция предлагала

ей Иллирию и часть Польши, не Италию, но Тироль, не императорскую корону, но Силезию, которая соблазнила бы ее веком раньше. Правда, Франция не предлагала независимости, которой Австрия желала превыше всего. Ей оставалось только выбрать; но если она вовремя не решится, пожелав слишком долго наслаждаться ролью всеми облаканной державы, то может оказаться опозорена и раздавлена всеобщей враждебностью после всеобщей лести. Соглашение Наполеона с Александром приведет к миру, выгодному одной России; Австрия не получит ни части Польши, ни Иллирии, ни Италии; ее желанию восстановить Германию не уступят, разве что предоставят небольшое возмещение Пруссии, и так, не вернув себе независимость, она вновь подпадет под владычество Наполеона, как никогда жестокое. В данных обстоятельствах, когда всё решалось ударами меча, – и какими ударами! – хватило бы и двух дней, чтобы переменить лицо мира.

Исполненный тревог, Меттерних уже подумывал отвезти своего господина в Прагу, дабы приблизиться к театру сражений и переговоров и иметь возможность с высоты Богемии, как с наблюдательной вышки, следить за стремительным ходом событий и при необходимости вмешаться в него. Известие о прибытии Коленкура для переговоров о перемирии поразило его до такой степени, что его волнение не укрылось от проницательных глаз Нарбонна. Письма Штадиона не оставляли сомнений, и император и его министр в двадцать четыре часа приняли решение выехать из Вены в Прагу. Отношения с Францией в некотором роде обязывали Меттерниха объяснить свой отъезд Нарбонну, и он сказал, что накануне открытия переговоров Австрии надлежит приблизиться к принимающим ее посредничество сторонам; что сообщение с Прагой на шесть дней короче сообщения с Веной, а это немаловажно, поскольку мирный договор предстоит заключить всего за шесть недель.

Доводы оправдывали отъезд, но не его стремительность. Наведение кое-каких справок и озабоченный вид Меттерниха окончательно открыли всё бдительной французской миссии. Из надежных источников Нарбонн узнал, что венский двор ускорил отъезд, опасаясь прямого соглашения Франции с Россией. Эти сведения объясняли Нарбонну и перемену в отношении к нему Меттерниха. В самом деле, Нарбонн почувствовал заметное охлаждение австрийского министра, что было естественно. Хотя Меттерних и выскользнул из альянса подобно тому, как змея, извиваясь, выскальзывает из сжимающей ее сильной руки, он всё же не полностью отступился от общего дела и в благоразумном намерении обойтись без войны защищал перед союзниками умеренную систему мира, что было непросто. И теперь он имел основания сердиться на нас за попытку договориться о мире, губительном для него, тогда как он силился договориться о мире, весьма приемлемом для нас.

Впрочем, Нарбонн едва успел побеседовать с Меттернихом, и последний, спешно уехав, к вечеру 3 июня уже был с императором в Гичине, резиденции в двадцати лье от Праги. По прибытии в Гичин он встретил Нессельроде, который узнал об отъезде двора и повернул обратно, присоединившись к нему. Нессельроде от имени императора России и короля Пруссии умолял Меттерниха положить конец затянувшимся колебаниям и не допустить новой неудачи союзников, ибо в случае нового поражения они будут вынуждены покориться Наполеону и увековечить зависимое положение Европы. Особенно постарался Нессельроде показать Меттерниху, что Наполеон предаст австрийцев, ибо думает пожертвовать ими и заключить бедственный для них мир, тогда как они выдвигают ради него систему мира умеренного. Он настойчиво убеждал австрийского министра последовать примеру Пруссии и присоединиться к коалиции посредством официального договора. Меттерниха не требовалось ни осведомлять, ни убеждать, ибо он был достаточно осведомлен и убежден, но всё более привязывался к уже выбранной системе поведения – исчерпать все возможности роли арбитра, прежде чем перейти к роли воюющей стороны. Такая система не только спасала честь императора Франца как государя и отца, но и отвечала осмотрительности Австрии, доставляла ей время, необходимое для вооружения и, главное, оставляла возможность мирного завершения дела. Как прекрасно было бы восстано-

вить и Пруссию, и независимость Германии, да еще вернуть себе Иллирию и утраченную часть Галиции, избежав новой войны с Наполеоном!

Поэтому Меттерних сказал Нессельроде, что обязался быть посредником и честно исполнит эту роль в предстоящие два месяца; что пока он не может принять решения, но если разумные условия мира будут окончательно отвергнуты, он посоветует своему господину по истечении перемирия присоединиться к державам коалиции и предпринять последнюю попытку избавить Европу от владычества Наполеона.

На настоящую минуту стороны обещали друг другу, что Россия не позволит соблазнить себя прямым соглашением, а Австрия объявит войну в указанный день, если ее условия не будут приняты. Пользуясь соседством с Прагой, Меттерних вызвал туда Бубну на двадцать четыре часа, объяснил ему свою позицию и разрешил самым недвусмысленным образом заявить, что Австрия заключит договор с воюющими сторонами, если перемирие не будет использовано для искренних переговоров об умеренном мире. В то же время Бубне поручили заявить французскому двору, что посредничество Австрии официально принято Пруссией и Россией и теперь посредник обязан потребовать, чтобы все стороны, в том числе и Франция, объявили свои условия. В этой связи Бубна должен был сообщить о желании Меттерниха приехать в Дрезден, чтобы прояснить все вопросы в сердечной беседе с Наполеоном. Так можно будет покончить со всем за несколько часов, ибо если Меттерниху удастся убедить Наполеона, члены коалиции не смогут отказаться от условий, которые Австрия объявит приемлемыми.

Вот о каких важных вещах намеревался сообщить Наполеону Бубна по возвращении в Дрезден. Поскольку Наполеон прибыл 10 июня, 11-го Бубна вручил ему ноту, объявлявшую, что Россия и Пруссия официально признали посредничество Австрии, а Австрия занята выяснением их условий мира и ожидает, что Франция сообразовалась, в свою очередь, объявить свои.

Если бы Наполеон хотел мира, хотя бы на тех условиях, которые ему были известны, он не стал бы терять времени, ибо для переговоров оставалось от силы сорок дней. Но он мира не хотел, и доказательством (помимо неопровержимых доказательств, содержащихся в его переписке) являлось то, что он терял время и собирался терять его и дальше. Он был намерен оттягивать минуту объяснения по существу, обсуждая формальные вопросы, затем притвориться исправившимся и выказать уступчивость перед окончанием перемирия, благодаря чему добиться его продления до 1 сентября. Завершив военные приготовления, Наполеон думал прервать переговоры по какой-нибудь причине, способной ввести в заблуждение общество, внезапно обрушиться всеми силами на коалицию, уничтожить ее и восстановить свое пошатнувшееся господство. При таких намерениях еще не время было принимать Бубну и называть ему условия, сводившиеся к нескольким пунктам, ни один из которых не поддавался двусмысленному толкованию. Поэтому Наполеон принял решение потянуть еще четыре-пять дней, прежде чем допустить к себе посланника и ответить на его ноту. Но терять пять дней из сорока ради первого же формального вопроса значило слишком много сказать о том, чего он хотел, или скорее не хотел.

Однако Наполеон только что прибыл в Дрезден, был, несомненно, утомлен и обременен разнообразными заботами, и в крайнем случае можно было понять, почему он не принял Бубну в тот же день. Министр Маре принял депешу Бубны, притворился, что нашел ее чрезвычайно важной, обещал ответить через три-четыре дня, и сказал, что Наполеон в скором времени даст ему аудиенцию и объяснится на предмет содержания ноты.

За это время был подготовлен и составлен ответ. Он обнаруживал истинные намерения французского императора еще более, чем добровольная потеря времени. Прежде всего Бубне отвечали, что он не имеет права вручать ноты. В самом деле, этот посланник, официально принятый Наполеоном и отправленный к нему потому, что был ему приятнее любого другого, не являлся ни полномочным представителем, ни послом, и потому не имел права вручать дипломатические ноты. Но это была мелочная придирка, ибо с Бубной уже обменивались самыми

важными сообщениями. Тем не менее в ответе Бубне заявили, что представленная им нота, дабы занять место в архивах французского кабинета, должна быть подписана Меттернихом, ибо сам Бубна не обладает рангом, сообщаящим ноте достоверный характер.

Вслед за формальной трудностью воздвигались проблемы по существу. Первая касалась самого посредничества. Разумеется, Франция выказала расположение допустить посредничество Австрии, даже обещала признать его, но столь важное решение не может выводиться из простой беседы, нужен официальный акт, определяющий цель, форму, значение и продолжительность посредничества. Но и это еще не всё. Как примирить посредничество с договором об альянсе? Будет ли Венский кабинет посредником, то есть арбитром, готовым выступить с оружием в руках против той или иной стороны, как принято вести себя вооруженному посреднику? И что тогда станет с договором об альянсе Австрии и Франции? По этому пункту требовалось объяснение. Наконец, каково бы ни было значение посредничества, существует формальный вопрос, обойти который молчанием не позволяет честь. Столь внезапное и, можно сказать, лихое овладение Австрией ролью посредника предвещает манеру переговоров, неприемлемую для Франции. Ведь Австрия, кажется, хочет посредничать между всеми воюющими сторонами, сама доносить слова одних до других и не допускать их непосредственных контактов (чего Австрия и в самом деле желала, дабы помешать прямому соглашению). Такая манера переговоров недопустима. Франция ни за кем не признает права вести за нее переговоры о ее делах.

Таковыми придирками было заполнено множество нот, а Наполеон заполнил ими и долгую беседу с Бубной. Он предоставил посланнику аудиенцию 14 июня, а ноты подписали и вручили 15-го. Маре сопровождал их личным письмом Меттерниху: тон письма даже противоречил цели, каковой предполагалось достичь, ибо Наполеон хотел выиграть время, а надменный тон вовсе для этого не годился. В письме министр вменял потерю времени в вину Меттерниху, неуклюже сетовал на то, что так мало продвинулись к 15-му числу, притом что перемирие было подписано 4 июня (будто Бубна не находился во французской штаб-квартире с последних чисел мая). Наконец, относительно выраженного Меттернихом желания приехать в Дрезден Маре, даже не увиливая, отвечал почти невежливо, что вопросы еще недостаточно созрели, чтобы встреча Меттерниха с министром иностранных дел или с Наполеоном могла принести пользу, какой от нее ожидают, а потому надо надеяться на встречу позднее.

Таковы были ответы, которыми пришлось довольствоваться Бубне и которые отправили Меттерниху в Прагу. Требовался день, чтобы добраться до столицы Богемии, и день, чтобы вернуться, и если бы Меттерних и Наполеон потратили три-четыре дня на принятие решения, всё равно пришлось бы объясняться не раньше 20 июня. Но и французской дипломатии было бы, разумеется, дозволено потратить несколько дней на составление текста конвенции, и еще несколько дней могли бы уйти на сбор полномочных представителей, а значит, имелась возможность дотянуть до 1 июля, ни о чем не договорившись с европейской дипломатией.

В то время как в переговорах Наполеон намеревался только терять время, в осуществлении своих обширных военных замыслов он, напротив, старался использовать время сполна. Первоначально, надеясь на альянс с Австрией или ее нейтралитет, он рассчитывал выдвинуться до Одера и Вислы, чтобы отбросить русских на Неман и оттеснить их восвояси, отделив от пруссаков. Нынешние приготовления производились в предположении войны с Австрией, и планы не могли остаться прежними, ибо при выдвижении к Одеру он оставил бы на флангах и в тылах австрийские армии. Намечая будущую линию обороны, Наполеон мог теперь выбирать только между Эльбой и Рейном и предпочел Эльбу. Отступление на Рейн означало оставление европейских территорий еще более унижительное, чем жертвы, которых от него требовали ради мира. Оно означало оставление не только союзных Саксонии, Баварии, Вюртемберга и Бадена, но и ганзейских городов и Вестфалии с Голландией, ибо при отходе на Рейн оставалась

неприкрытой даже Голландия. И как требовать в договоре протектората над Рейнским союзом, который невозможно будет оборонять при отходе на Рейн? Как притязать на ганзейские города, Вестфалию и Голландию при невозможности оккупировать их? Помимо этих доводов, решающих в политическом отношении, существовал довод, столь же сильный в моральном и патриотическом отношении. Отступление на Рейн означало согласие на перенос театра военных действий во Францию. Разумеется, пока неприятель не перешел через Рейн, можно было считать, что война ведется за пределами Франции; но страна оказывалась так близко, что наверняка пострадали бы пограничные провинции. Кроме того, Наполеон не мог быть уверен, что если он одержит победу в верховьях Рейна, не будет прорвана одна из позиций ниже по течению. И тогда война захватит Францию, а он из положения завоевателя, сражавшегося за мировое господство, перейдет в положение подвергнувшегося вторжению и вынужденного сражаться за сохранение собственного дома. Прискорбное намерение сохранить ганзейские города и Рейнский союз допускало, как мы видим, только один выход – оккупацию и оборону линии Эльбы.

Великий ум Наполеона не мог ошибаться на этот счет. Воспарив, подобно орлу, над картой Европы, взор его опустился на Дрезден, как на скалу, с которой император Франции даст отпор всем врагам. Рассказ о событиях покажет вскоре, что он потерпел поражение не из-за порочности позиции, а вследствие чрезвычайной протяженности линии операций, изнурения армии и подъема национального движения во всей Европе.

Линия Эльбы, представлявшая в верхней части препятствие, хоть и менее значительное, чем Рейн, обладала тем преимуществом, что была короче, ровнее и проще для движения с внутренней стороны и доставления помощи из одного пункта в другой. От Богемских гор до самого моря она была усеяна такими опорными пунктами, как Кёнигштайн, Дрезден, Торгау, Виттенберг, Магдебург и Гамбург. Некоторые из них требовали укрепления, и именно по этой причине Наполеон, военные расчеты которого были всегда глубже расчетов политических, добивался продления перемирия. Возможна ли была оборона линии Эльбы от обходящего движения неприятеля при том, что ее крайний правый фланг опирался на Богемские горы, откуда Австрия могла выйти в тылы позиции? Этим вопросом задавались многие, но Наполеон с пренебрежением отмахивался, когда ему говорили, что Дрезденская позиция может быть обойдена с тыла выходом австрийцев на Фрейбург или Хемниц. Он отвечал, что только того и желает, чтобы основные неприятельские силы сообразовали дебушировать за реку, в то время как он будет занимать позицию на Эльбе. Тогда он набросится на них и захватит целиком между Эльбой и Тюрингским лесом. Неудача войск коалиции в Дрездене вскоре доказала правильность этих прогнозов, и позднее, как мы увидим, линию Эльбы форсировали вовсе не через Богемию, а в низовьях реки, после нескольких столкновений, чрезвычайно ослабивших Наполеона.

Чтобы линия Эльбы обрела всю свою значимость, следовало воспользоваться перемирием и укрепить ее главные опорные пункты. Первым опорным пунктом был Кёнигштайн, расположенный прямо там, где Эльба выходит из гор Богемии и течет в Саксонию. Две скалы, Кёнигштайн и Лилиенштайн, подобно двум стражам справа и слева от реки, стискивают Эльбу при ее выходе на германские равнины и доминируют над ее руслом, весьма узким в этой части. На скале Кёнигштайн, находившейся с французской стороны, то есть слева от реки, располагалась одноименная крепость, возвышавшаяся над знаменитым Пирнским лагерем, прославленным Фридрихом Великим⁵. К укреплениям этой цитадели добавить было нечего; Наполеон позаботился только постепенно и незаметно заменить саксонский гарнизон французскими войсками. Он приказал собрать в крепости 10 тысяч квинталов муки и выстроить печи, дабы иметь

⁵ В 1756 году 14-тысячная саксонская армия занимала этот лагерь под Пирной, на Эльбе. Фридрих окружил армию, голодом вынудил ее сдаться и оккупировал Саксонию. Так началась Семилетняя война. – *Прим. ред.*

возможность прокормить 100 тысяч человек в течение девяти-десяти дней (далее мы увидим, с каким намерением).

На противоположной скале правого берега, на Лилиенштайне, почти всё нужно было возводить с нуля. Наполеон приказал быстро построить укрепления, способные надежно укрыть 2 тысячи человек, и поручил строительство генералу Роге, одному из выдающихся генералов гвардии. Затем он приказал собрать необходимое количество лодок для наведения просторного и крепкого моста, способного предоставить проход внушительной армии и прикрытого от нападений фортами Кёнигштайн и Лилиенштайн. Наполеон рассчитывал, что если неприятельская армия дебуширует из Богемии в его тылы, чтобы атаковать Дрезден, в то время как он будет находиться, к примеру, у Бауцена, он сможет перейти через Эльбу в Кёнигштайне и захватить неосторожного неприятеля с тыла.

За Кёнигштайном и Лилиенштайном, находившимися на выходе с гор, следовал Дрезден, которому предстояло сделаться тем, чем стала Верона во время Итальянской кампании. Во время последней Австрийской кампании, не захотев подвергать Дрезден опасности сделаться целью операций неприятеля и пожелав избавить своего миролюбивого союзника, короля Саксонии, от испытаний осады, Наполеон посоветовал саксонским министрам разрушить фортификации Дрездена и возвести фортификации в Торгау. Возможно по небрежению, фортификации Дрездена разрушили, не укрепив Торгау. Уничтоженные дрезденские укрепления Наполеон заменил временными. От стен Дрездена остались бастiónы, которые он приказал отремонтировать и вооружить. Куртины он заменил наполненными водой рвами и мощным частоколом.

Как всякий старый город, Дрезден был окружен обширными предместьями, оборона которых являлась ничуть не менее важной, чем оборона самого города. Наполеон приказал окружить их частоколом и перед всеми выступавшими частями периметра построить хорошо вооруженные редуты, фланкировавшие друг друга и представлявшие первую труднопреодолимую линию укреплений. На правом берегу, в Нойштадте (новом городе), он приказал возвести ряд более частых укреплений, которые превратились в обширный и почти полностью укрепленный плацдарм. Два свайных моста, переброшенных выше и ниже каменного моста, служили вместе с последним сообщению между городом и армией. В таких расположениях 30 тысяч человек при стойком командующем могли продержаться около двух недель и против 200 тысяч. К средствам обороны Наполеон добавил огромные склады, о способе снабжения которых мы скоро расскажем, а также просторные госпитали, достаточные для самой многочисленной армии. В Дрездене уже находились 16 тысяч раненых и больных; Наполеон подготовил их эвакуацию, дабы иметь в своем распоряжении 16 тысяч освободившихся коек, не считая тех, что намеревался создать.

После Дрездена Наполеон занялся Торгау и Виттенбергом. Он полагал, что при наличии дерева возможно всё и земляные укрепления, снабженные мощным частоколом, способны оказывать самое продолжительное сопротивление. Так он решил восполнить недостаток фортификаций Торгау и Виттенберга и отдал необходимые приказы, чтобы работы были закончены за шесть-семь недель. Тысячи хорошо оплачиваемых саксонских крестьян день и ночь трудились в Кёнигштайне, Дрездене, Торгау и Виттенберге. В Магдебурге, одной из самых мощных крепостей Европы, не нужно было ничего или почти ничего добавлять к стенам; довольно было завершить их вооружение и составить гарнизон. Наполеон решил выделить армейский корпус, который мог бы служить гарнизоном и одновременно перемещаться вокруг крепости, связывая меж собой две основные массы действующих войск: армии Верхней и Нижней Эльбы.

С этой целью он задумал перевести в Магдебург почти всех раненых и кавалерийский сборный пункт генерала Бурсье. Раненых и сборный пункт в Германии было важно уберечь от нападений, и в таком месте, которое не стесняло бы движений действующих сил. В этом отношении крепость Магдебурга предоставляла все необходимые преимущества, ибо с недо-

лимыми укреплениями соединяла многочисленные постройки для лазаретов и свободные пространства для строительства дощатых конюшен. Кроме того, она располагалась почти на равном расстоянии от Гамбурга и от Дрездена, что превращало ее в ценный сборный пункт между двумя крайними пунктами линии. Назначив комендантом своего адъютанта генерала Лемаруа, умного и сильного офицера, Наполеон предписал ему превратить Магдебург и в конюшню, и в лазарет. Отправив в Магдебург всех раненых и больных и переместив туда из Ганновера кавалерийский сборный пункт Бурсье, Наполеон подсчитал, что на 15–18 тысяч раненых и выздоравливающих всегда будет приходиться 3–4 тысячи выздоровевших, а на 10–12 тысяч спешенных конников – 3–4 тысячи годных для службы в пехоте, способных составить основу гарнизона в 7–8 тысяч человек. Мобильный корпус, расположенный в Магдебурге и призванный служить связующим звеном между армиями Верхней и Нижней Эльбы, мог оставлять 5–6 тысяч человек в крепости, выдвигать 15 тысяч наружу и перемещаться даже на большие расстояния, не ставя крепость под угрозу. Вот как искусно сочетал свои ресурсы Наполеон.

Эльба оставалась без обороны от Магдебурга до Гамбурга, ибо между ними не имелось ни одного укрепленного пункта. Этот предмет занимал Наполеона со дня подписания перемирия, и, задумав несколько планов, он отправил генерала Аксо на места, проверить, какой из них подойдет лучше. В результате решили построить в Вербене, ближе к Магдебургу, чем к Гамбургу, в излучине Эльбы при повороте ее с севера на запад, своего рода земляную цитадель с частоколом, снабженную бараками и складами, в которой смогут достаточно долго продержаться 3 тысячи человек. Оставался Гамбург, последний и важнейший предмет внимания Наполеона.

Нужно было защитить этот великий торговый город, ставший одной из главных причин отказа от необходимого мира. Времени, к сожалению, не доставало; и тут, как и всюду, Наполеон мог успеть распорядиться только насчет самых насущных работ. Понадобилось бы десять лет и сорок миллионов, чтобы превратить Гамбург в крепость, которая сумеет выдерживать, подобно Данцигу, Магдебургу или Мецу, долгую осаду. Приказав восстановить и вооружить бастионы старой стены, вырыть и наполнить водой рвы, поставить частоколы вместо стен и соединить меж собой окружавшие Гамбург острова, Наполеон подготовил таким образом обширное военное расположение – наполовину крепость, наполовину укрепленный лагерь, – где твердый командующий, как показал вскоре знаменитый Даву, мог оказать долгое сопротивление.

Ниже Гамбурга, в самом устье Эльбы, оставался еще форт Глюкштадт, охрану которого Наполеон поручил датчанам. Таким образом, вся линия Эльбы от гор Богемии до Северного моря обросла бы укрепленными пунктами, сила каждого из которых соответствовала бы его роли, и принадлежавшими им мостами, чтобы войска могли произвольно перемещаться с одного берега на другой. Максима Наполеона о том, что реки следует оборонять наступательно, то есть обеспечив себе все переправы, получила на Эльбе самое искусное применение.

Однако следовало покрыть все расходы на работы, ради быстроты исполнения оплатив их наличными деньгами, а военные расположения снабдить огромными продовольственными запасами, дабы обеспечить всем необходимым войска, которым предстояло перемещаться на линии. И здесь Наполеону не отказали ни изобретательный ум, ни безжалостная воля: он нашел способ переложить тяжкое бремя войны на плечи населения.

Мы знаем, что он приказывал Даву жестоко покарать обитателей Гамбурга, Любека и Бремена за мятеж, немедленно расстрелять бывших сенаторов, офицеров и солдат ганзейского легиона и чиновников, не успевших скрыться, а затем составить список пятисот главных negociантов, чтобы захватить их собственность. Отдавая такие приказы, Наполеон рассчитывал на непреклонную суровость Даву, но также, к чести обоих, на его здравомыслие и честность. Маршал прибыл в город через несколько дней после генерала Вандама и не нашел ни одного пра-

вонарушителя, взявшись за дело таким образом, чтобы никого и не найти. Граница с Данией, находившаяся у самых ворот города, помогла ему всех спасти.

Маршал был безмерно счастлив, что ему не пришлось никого расстреливать. Оставалось составить проскрипционные списки, попадание в которые влекло потерю имущества, а не жизни, но и эта мера казалась ему не более благоразумной, чем первая. Все виновные (или предположительно виновные) гамбургцы, пребывая в небольшом предместном городке Альтона, просились домой и были в тягость Дании, не хотевшей компрометировать себя перед Францией. Даву убедил Наполеона, что лучше простить тех, кто захочет вернуться в ближайшее время, наложив на них в качестве единственного наказания значительную контрибуцию, которую они поначалу притворятся неспособными выплатить, а затем выплатят. Так, отделавшись испугом, они будут всё же наказаны весьма чувствительным для них и весьма полезным для армии образом – деньгами. Никакой крови и огромные ресурсы – вот к чему сводилась политика, которую Даву посоветовал императору.

Наполеон, жаждавший больших ресурсов и вовсе не жаждавший крови, согласился на сделку. Так было решено, что гамбургцы, вернувшиеся в течение двух недель, будут прощены, остальные подвергнутся секвестрованию, а Гамбург уплатит продуктами и деньгами контрибуцию в пятьдесят миллионов. Небольшая часть контрибуции выпадала Любеку, Бремену и деревням, находившимся под контролем 32-й дивизии. Деньгами надлежало выплатить 10 миллионов, срочными векселями – 20. Для оставшегося открыли счет: продавали лошадей, зерно, рис, вино, солонину, скот и лес. В тот же счет вносилась стоимость домов, которые предстояло разрушить ради возведения оборонительных укреплений Гамбурга. Гамбургцы подняли великий стон, хотели жаловаться Наполеону (он отказался принять их) и на сей раз нашли непреклонным Даву, несколькими днями ранее защитившего их. Тем не менее они заплатили часть контрибуции, деньгами и продуктами, что было для нужд армии важнее всего. Около 10 миллионов отправили в Дрезден; огромные количества зерна, скота и спиртного погрузили на суда для отправки вверх по течению Эльбы.

Завладев ресурсами, Наполеон распорядился ими так, чтобы обеспечить пропитание многочисленным войскам во всех пунктах на реке и, главное, в Дрездене. В центре своих операций он хотел располагать двухмесячными припасами для 300 тысяч человек, и прежде всего, запасами сухарей, которые могли переноситься в солдатских ранцах и позволяли войскам маневрировать по семь-восемь дней кряду, не тревожась о пропитании. Для создания таких запасов требовалось 100 тысяч квинталов зерна или муки в Дрездене, и 8—10 тысяч квинталов в Кёнигштайне. Семьюдесятью тысячами квинталов располагал Магдебург, где запасы на случай осады и для содержания проходящих войск собирали всю зиму. Наполеон приказал перевезти по Эльбе эти 70 тысяч в Дрезден, немедленно восполнив их в Магдебурге равным количеством, подвезенным из Гамбурга. Благодаря такой комбинации огромному количеству продовольствия пришлось проделать только по половине пути. Обнаружив, что дизентерия, вызываемая у молодых солдат жарой и усталостью, очень быстро излечивается рационом из риса, забрали весь рис, какой был в Гамбурге, Бремене и Любеке; забрали также спиртное, солонину, скот, лошадей, кожу, сукно и полотно. Все лодочники, которым платили гамбургскими векселями, работали не покладая рук с первых чисел июня, в то самое время, когда Наполеон, сославшись на усталость, отказался принять Бубну.

Так Наполеон превратил Эльбу в мощную линию обороны и в неисчерпаемый источник пополнения продовольственных припасов. Но он не ограничился укреплением одной этой линии. В Лигнице за Дрезденом и в Эрфурте перед Дрезденом он также хотел располагать полностью снабженными складами. Пользуясь богатством Нижней Силезии, где была расквартирована армия, сражавшаяся в Бауцене, и не имея причин щадить эту провинцию, Наполеон приказал ежедневно заготавливать больше необходимого, используя двухмесячное перемирие для создания двадцатидневного запаса продовольствия. За Дрезденом, в Эрфурте, Веймаре,

Лейпциге и Вюрцбурге, саксонских и франконских краях, он находился у союзников и пользовался ресурсами страны, платя за всё, что брал. Однако он обошелся без подобных церемоний в отношении Лейпцига, который выказал открытую враждебность. Наполеон приказал вывезти хлопковые и шерстяные ткани, зерно, спиртное, которыми были переполнены лейпцигские склады, и оккупировать общественные учреждения, чтобы устроить в них госпитали, а затем дополнил эти меры угрозой сжечь город при первом же мятежном движении. Эрфурт, Наумбург, Веймар и Вюрцбург были также наполнены госпиталями. Наполеон вооружил Вюрцбург и Эрфурт, дабы располагать цепочкой укрепленных пунктов на пути в Майнц на случай непредвиденных событий и отступления. Как мы уже не раз замечали, не желая допускать возможной неудачи в политических расчетах, он всегда допускал таковую в расчетах военных. Наконец, имея возможность найти оружие, боеприпасы и некоторые предметы снаряжения только во Франции, тогда как продовольствие можно было найти всюду, Наполеон заключил сделки с германскими компаниями по доставке из Майнца в Дрезден предметов вооружения и снаряжения, которые невозможно было раздобыть в Саксонии.

Вот посредством каких мер Наполеон задумал надежно защитить и обильно снабдить всем необходимым свою боевую линию ко времени возобновления военных действий. Оставалось позаботиться о приведении численности войск в соответствие с масштабами будущих операций, и Наполеон не забыл и об этом.

Хотя Наполеон и льстил себя надеждой, что Австрия присоединится к его планам, он всё же принял меры и в обратном предположении и подготавливал в Вестфалии, на Рейне и в Италии три резервных армии, способных в ближайшее время вступить в кампанию. За два месяца перемирия, которые он надеялся растянуть до трех, формирование этих армий, начавшееся в марте, должно было завершиться.

В Вестфалии из реорганизованных полков Русской армии формировались два больших корпуса, по шестнадцать и двенадцать полков, предназначавшиеся Даву и Виктору. Пока завершалась их организация, Наполеон распорядился о местах их расположения и применения. Корпус маршала Виктора был направлен на пограничную линию перемирия и расквартирован у Одера в окрестностях Кроссена, для завершения обучения и снабжения в соответствии с предписаниями, данными всем корпусам. Ожидая главного удара союзников в верховьях Эльбы, Наполеон решил, что Даву, подкреплённому датчанами, будет много четырех дивизий для охраны ганзейских департаментов и нижнего течения Эльбы, и задумал разделить его корпус. Даву оставили две дивизии, а две другие Наполеон вверил генералу Вандаму и разместил в Виттенберге, откуда генерал мог в случае нужды подтянуть их к себе или отослать в низовья Эльбы, если они понадобятся Даву.

Другие корпуса, назначавшиеся для подкрепления действующих войск, организовывались в Майнце. Там почти завершилась организация четырех дивизий, которые через два месяца должны были прийти в отличное состояние. Наполеон предназначил их Сен-Сиру, получившему ранение в 1812 году на Двине, но уже оправившемуся.

Таким образом, Наполеон предполагал увеличить свои силы в Саксонии, на случай появления Австрии на театре военных действий, с помощью корпусов Виктора, Вандама и Сен-Сира, включавших около 80 тысяч пехотинцев. Помимо этого мощного подкрепления пополнения должны были получить и корпуса, с которыми он открыл кампанию. Не считая четырех уже готовых дивизий в Майнце, Наполеон собрал части еще двух дивизий, которым предстояло завершить формирование под началом маршала Ожера и присоединить две баварские дивизии. Эти четыре дивизии, две французских и две баварских, предназначались для угрозы Австрии в Верхнем Пфальце.

Наполеон с пристальным вниманием следил за исполнением приказа, отданного Евгению: сформировать в Италии 60-тысячную армию, к которой он хотел присоединить 20 тысяч

неаполитанцев. Мюрат всё еще не прислал свой контингент. Тотчас по возвращении в Дрезден Наполеон категорически потребовал от него войск и предписал Дюрану де Марейлю, французскому послу в Неаполе, удалиться, если неаполитанскому корпусу не будет немедленно отдан приказ к выдвижению. В сборных пунктах можно было набрать 6–7 тысяч человек для легкой конницы будущей Итальянской армии, которых хватало для этих краев, где кавалерия, имея мало возможностей атаковать на линии, в основном занималась разведкой. Итальянские арсеналы и сборные пункты располагали также всеми частями прекрасной артиллерии. Поэтому Наполеон надеялся получить в Италии к 1 августа армию в 80 тысяч человек, снабженную 200 орудиями, грозившую вторжением в Австрию через Иллирию и нацеленную прямо на Вену. Он подсчитал, что Австрия, даже собрав 300 тысяч человек, что было много при состоянии ее финансов и времени, которым она располагала, сможет выставить на линию не более 200 тысяч. Однако 50 тысяч ей придется повернуть к Италии против Евгения, а 30 тысяч – к Баварии против Ожеро, в результате чего она сможет присоединить к войскам коалиции на Эльбе не более 120 тысяч человек.

Корпуса Виктора, Вандама и Сен-Сира (не считая корпуса Ожеро, не предназначенного для действий на Эльбе) казались Наполеону почти достаточным ресурсом на случай появления Австрии на театре этой грозной войны. Еще одним ресурсом, и весьма значительным благодаря качеству солдат, оставался корпус Понятовского, после многих превратностей проведенный через Галицию и Богемию в Циттау, на линию расположения французских корпусов в Силезии. Не было солдат более храбрых, опытных и преданных Франции, чем поляки. От их родины им остались только воспоминания и желание отомстить. Наполеон решил дать им новую родину, сделав их гражданами Франции и приняв на службу. В ожидании их окончательного присоединения к французской армии он поместил поляков под прямое руководство Маре и предписал министру выплатить им задержанное жалованье, обеспечить обмундированием, оружием и всем, в чем они испытывали недостаток. Соединив разбросанные там и здесь остатки польских войск, но не тронув ни дивизию Домбровского, ни подразделений, размещенных в крепостях, поляки собрали около 12 тысяч пехотинцев и почти 3 тысячи кавалеристов. Эта новая сила добавилась к тем, кто сражался в Лютцене и Бауцене.

Оставалась кавалерия, которой так не хватало в начале кампании, что и было одной из причин, побудивших Наполеона подписать перемирие. В корпусах Латур-Мобура и Себастиани к 1 июня числилось не более 8 тысяч всадников. Можно было получить еще 4 тысячи со сборных пунктов Бурсье и около 28 тысяч из Франции: их подводили Лебрен и Арриги. Да только в числе последних было несколько тысяч спешенных, для которых требовалось раздобыть лошадей. Волнения, вспыхнувшие на левом берегу Эльбы вслед за восстанием ганзейских городов, нанесли большой урон восстановлению кавалерии. Наполеон приказал возобновить процесс и включил статью на этот предмет в договор об альянсе с Данией. По этому договору Франция обещала содержать 20 тысяч солдат действующих войск в Гамбурге для содействия обороне датских провинций, а Дания обязывалась предоставить Франции 10 тысяч пехотинцев и 2 тысячи кавалеристов на жалованье французской казны и послать 10 тысяч лошадей при условии оплаты наличными деньгами. Помимо возобновления закупок в Ганновере это был еще один ресурс для восстановления кавалеристов, прибывавших из Франции пешим ходом. Наполеон был уверен, что через два-три месяца ему удастся собрать почти 40 тысяч кавалеристов всех родов войск, не считая 10–12 тысяч конников гвардии и 8–10 тысяч всадников союзников, что составило бы в целом 60 тысяч кавалеристов. Он придал всем армейским корпусам по 2 тысячи человек легкой и линейной кавалерии для разведки, а из остальных сформировал, по своему обыкновению, резервные корпуса. К этим приготовлениям Наполеон добавил приготовления, касавшиеся артиллерии, и отдал распоряжения о том, чтобы она могла привести в движение тысячу полевых орудий.

Таким образом, Наполеон надеялся располагать 400 тысячами человек без учета гарнизонов на линии Эльбы, укрепленной опорными пунктами, а также 20 тысячами в Баварии и 80 тысячами в Италии, что должно было довести его ресурсы до 500 тысяч человек действующих войск и до 700 тысяч, включая солдат, не присутствовавших на линии. Чтобы достичь таких огромных цифр, Наполеон и согласился на перемирие, которое позволило союзникам ускользнуть от преследований и, к сожалению, значительно увеличить силы. Вопрос был в том, смогут ли союзники воспользоваться перемирием для создания новых ресурсов столь же успешно, как Наполеон. Правда, союзники не обладали его гением, на что он и возлагал надежды, но они обладали страстью – единственным, что может заменить гений, особенно когда страсть пламенная и искренняя. Наполеон, вовсе ее не учитывавший, надеялся, что время послужит ему лучше, чем его врагам, и потому вкладывал столько сил в умелое его использование.

Отправленный Меттерниху 15 июня ответ был истолкован так, как и следовало ожидать. Умный австрийский министр прекрасно понял, что когда из сорока дней, оставшихся для переговоров о всеобщем мире, теряют сначала пять для ответа на учредительную ноту посредничества, а потом еще несколько дней – на решение формальных вопросов, следует заключить, что к мирному решению прийти не торопятся. Правда, могло статься, что Наполеон откроет свои замыслы в последнюю минуту; исходя из таких соображений, Меттерних не терял надежды на мир. Государи Пруссии и России горячо желали встречи с императором Францем в надежде окончательно привязать его к тому, что они называли европейским делом. Но Франц полагал, что положение отца и посредника обязывает его соблюдать крайнюю сдержанность в отношении государей, ставших неумолимыми врагами Франции, и не хотел с ними видаться до тех пор, пока ему не придется объявить войну Франции.

Однако у Меттерниха подобных причин для сдержанности не было, и потому министр отправился в Опочно, дабы посоветоваться с монархами-союзниками. Пользуясь случаем, он намеревался привести их к своим замыслам, что было, конечно, легче, чем привести к ним Наполеона, но всё же оставалось трудным делом, требовавшим хлопот и усилий, ибо оба государя жаждали войны немедленно, любой ценой и до полного уничтожения противника. Меттерних уехал, не таясь, будучи уверен, что Наполеон испытает горячую ревность, когда узнает о его совещании с государями-союзниками, и, вместо того чтобы отказывать ему в приезде в Дрезден, сам пришлет ему настойчивое приглашение.

Пока министр был в пути, Пруссия и Россия подписали с Англией договор о субсидиях. Согласно договору, заключенному 15 июня и облеченному подписями лорда Каткарта, Нессельроде и Гарденберга, Англия обязывалась без промедления предоставить России и Пруссии 2 миллиона фунтов стерлингов и взять на себя половину эмиссии бумажных денег, получивших наименование федеративных и предназначенных для хождения во всех государствах коалиции. Сумма выпущенных денег должна была составить 5 миллионов. Тем самым Англия предоставляла обеим державам 4,5 миллиона фунтов (112 миллионов 500 тысяч франков) при условии, что Россия будет держать под ружьем 160 тысяч человек, а Пруссия – 80 тысяч, что они будут воевать до победного конца с общим врагом Европы и вступать в переговоры только при участии Англии или с ее согласия.

По прибытии Меттерниха в Опочно государи и их министры осыпали его ласками и знаками внимания. Чтобы убедить его, они говорили, что располагают огромными силами, которые в случае присоединения к ним Австрии станут и вовсе неодолимыми, и тогда Наполеон будет уничтожен, а Европа спасена. Ему говорили также, что мир с Наполеоном невозможен, ибо он очевидно его не хочет, и если не сокрушить его, пока он ослаблен, он вновь возьмется за оружие, восстановив силы, и тогда война с ним станет бесконечной. Австрия никак не могла разделить подобных воззрений. Она не была опьянена ролью освободительницы Европы, как Россия, не была принуждена победить или погибнуть, как Пруссия, не была защищена от

последствий неудачной войны, как Англия; к тому же ее связывали с Наполеоном узы, рвать которые без серьезных причин не позволяли приличия, а императору Францу – и любовь к дочери. Вдобавок Австрия мечтала о восстановлении независимости Европы, но без крайне опасной, по ее мнению, войны даже с ослабленным Наполеоном.

Поэтому австрийцы полагали, что не следует упускать случая заключить выгодный мир. Если, к примеру, Наполеон откажется от польской химеры (так именовали Великое герцогство Варшавское), согласится восстановить Пруссию, вернуть Германии независимость посредством упразднения Рейнского союза и свободу торговли посредством возвращения ганзейских городов, лучше принять такой мир, нежели подвергаться опасности ужасной войны, в которой можно и не победить. Таково было мнение Австрии, и его никак не разделяли государи Пруссии и России. Они хотели мира, для Франции куда более сурового, и им вовсе не казалось, что Вестфалию и Голландию, к примеру, следует уступать Наполеону. Они требовали отнять у него хотя бы часть Италии и вернуть ее Австрии, которая не нуждалась в дополнительном возбуждении аппетита, но из осторожности молчала. Меттерних объявил, что Австрия, в надежде на заключение мира, ограничится требованием раздела герцогства Варшавского, восстановления Пруссии, упразднения Рейнского союза и возвращения ганзейских городов и вступит в войну только в том случае, если Франция отвергнет эти условия. Ему отвечали, что она их обязательно отвергнет, на что австрийский министр с легким сердцем заявил, что в таком случае его повелителю ничто не мешает вступить в коалицию и он обязательно в нее вступит.

Результаты совещаний оказались следующими: австрийское посредничество будет принято, с Наполеоном будут договариваться через Австрию, Австрия предложит упомянутые условия, вступит в войну только в случае отказа Наполеона, а до тех пор будет оставаться нейтральной, Англию проинформируют о создавшемся положении, подписание мира с ней будет отложено ради упрощения вопроса; однако всеобщее мнение было таково, что континентальный мир неизбежно повлечет за собой в самое скорое время и мир морской.

По завершении совещаний Меттерних вернулся в Гичин к своему повелителю и по прибытии обнаружил, что его расчеты полностью оправдались. Будучи обеспокоен происходившим в Богемии и узнав о встрече Меттерниха с государями России и Пруссии в Опочно, Наполеон подумал, что не следует стараться терять время до такой степени, чтобы оставаться в стороне от того, что замышляют державы, и позволить им создать у него под боком грозную коалицию, формирование которой он мог бы, своевременно вмешавшись, предотвратить. Он решил встретиться с Меттернихом, надеясь разузнать о замыслах коалиции, но главное, добиться продления перемирия. Только к продлению перемирия он и стремился, ибо о мире на предложенных ему условиях он не помышлял вовсе. Итак, Меттерних, возвратившись со встречи с Александром и Фридрихом-Вильгельмом, обнаружил приглашение явиться в Дрезден. Поскольку именно этого и желали министр и император, следовало без колебаний соглашаться на предложенную встречу, и Меттерних снова пустился в путь. В минуту его отъезда император Франц вручил ему письмо для зятя, в котором предоставлял своему министру право подписывать любые статьи, касавшиеся изменения договора об альянсе и признания австрийского посредничества.

Меттерних прибыл в Дрезден 25 июня, а на следующий день состоялась его первая встреча с Маре, ибо по протоколу вести переговоры он должен был с министром. Два дня ушли на пустые препирательства о союзном договоре, действие которого продолжалось, но должно было приостановиться; о способе примирения роли посредника и роли союзника; о форме посредничества;

о притязании посредника быть единственным связующим звеном между воюющими державами на переговорах. Оставаясь верным своей системе, Наполеон выиграл так еще два дня; но Меттерних приехал не для того, чтобы договариваться с министром, не имевшим особого влияния, и к тому же должен был вручить Наполеону письмо императора Франца; поэтому

он потребовал встречи с французским императором, и без дальнейших проволочек. Наполеон же, исполнившись, в свою очередь, гнева, был теперь совершенно готов принять Меттерниха. Он уже не ставил себе цели разгадать секрет собеседника и добиться от него продления перемирия: его самая насущная потребность состояла в том, чтобы излить на него свой гнев. Он принял Меттерниха 28 июня во второй половине дня.

Войдя в кабинет, Меттерних обнаружил Наполеона стоящим с саблей на боку и со шляпой под мышкой; он вел себя вежливо, но холодно, как человек, который не намерен сдерживаться долго. «Наконец-то вы явились, господин Меттерних, – сказал он. – Что-то поздно вы пришли!» И тотчас, по уже усвоенному его кабинетом обыкновению, принялся обвинять Австрию в потере времени после заключения перемирия, затем перешел к своим отношениям с Австрией, горько посетовал на нее и весьма долго распространялся о ненадежности отношений с этой державой.

«Я трижды возвращал трон императору Францу, – сказал он. – Я даже совершил ошибку, женившись на его дочери в надежде привязать его к себе, но ничто не смогло улучшить его чувств. В прошлом году, рассчитывая на него, я заключил договор об альянсе, которым гарантировал ему его земли и которым он гарантировал мне мои. Если бы он сказал мне, что такой договор ему не подходит, я бы не стал настаивать и даже не вступил бы в войну с Россией. Но он всё же его подписал. И вот, после единственной неудавшейся из-за дурной погоды кампании, он уже колеблется и не хочет того, чего, казалось, горячо желал; встает между мной и моими врагами, чтобы договориться о мире, как он говорит, но на деле, чтобы остановить меня в моих победах и вырвать из моих рук противников, которых я намерен уничтожить# Если вам стал не нужен союз со мной, – повысил голос Наполеон, начиная горячиться, – если он стал вам в тягость, вовлекая вас в войну, которая вам отвратительна, почему не сказать мне об этом? Я не стал бы вас принуждать; меня устроил бы и ваш нейтралитет, и сегодня коалиция уже распалась бы. Но вы вооружались под предлогом подготовки мира, вмешались с вашим посредничеством, и теперь, когда завершили (или почти завершили) ваши вооружения, намерены диктовать мне условия, которые являются условиями моих врагов;

словом, вы ведете себя так, будто готовы объявить мне войну. Объясните же, вы хотите воевать со мной? Люди неисправимы! Уроки ничему их не учат! Русские и пруссаки, несмотря на жестокий опыт, дерзнули, осмелев от успехов прошлой зимы, выйти мне навстречу, и я разбил их наголову, хотя они и утверждали обратное. Вы хотите того же? Что ж, вы это получите. Назначаю вам свидание в Вене, в октябре».

Столь странный способ вести переговоры и столь презрительное упоминание о браке, которым Наполеон, к тому же, вовсе не казался недовольным как частное лицо, оскорбили и разгневали Меттерниха, но не слишком напугали. Холодная твердость произвела бы на него гораздо большее впечатление. «Сир, – отвечал он, – мы не хотим объявлять вам войну, но хотим положить конец состоянию дел, которое стало нестерпимым для Европы и каждую минуту грозит нам всеобщим потрясением». «Но чего же вы хотите от меня?» – «Мира. Мира, который нужен вам не менее, чем нам, и который обеспечит наше положение». И с бесконечными предосторожностями, скорее предлагая, нежели излагая, Меттерних перечислил уже упоминавшиеся нами условия. Вздрагивая, как лев, Наполеон едва давал министру закончить и несколько раз прерывал его, будто слышал оскорбление или кощунство.

«О, я разгадал вас... – сказал он наконец. – Сегодня вы требуете Иллирию, чтобы обеспечить Австрии выход к морю, несколько кусков Вестфалии и Великое герцогство Варшавское для восстановления Пруссии, города Любек, Гамбург и Бремен для восстановления торговли Германии и упразднения Рейнского протектората для возвращения ее пресловутой независимости! Но я знаю ваш секрет, знаю, чего вы все хотите на самом деле. Вы, австрийцы, хотите всю Италию, ваши друзья русские хотят Польшу, пруссаки – Саксонию, англичане – Голландию и Бельгию, и если я уступлю вам сегодня, завтра вы потребуете от меня все эти предметы

ваших пламенных желаний. Но для этого приготовьтесь поставить под ружье миллионы, пролить кровь многих поколений и прийти на переговоры к подножию холмов Монмартра!»

Произнося эти слова, Наполеон окончательно потерял самообладание и даже позволил себе, как говорят, оскорбительные слова лично в адрес Меттерниха, который всегда отрицал этот факт. Тогда Меттерних заявил Наполеону, что о подобных притязаниях речи нет, но их может пробудить неосмотрительное продолжение войны; что у некоторых безумцев в Санкт-Петербурге, Лондоне и Берлине от событий 1812 года закружилась голова, но таких безумцев нет в Вене; что Вена просит именно то, чего хочет, и ничего более; что подлинным средством расстроить замыслы безумцев будет принять мир, и мир почетный, ибо предлагаемые условия не только почетны, но и славны. Несколько смягчившись от его слов, Наполеон сказал, что если бы речь шла только об оставлении некоторых территорий, он мог бы уступить; но ведь коалиция собралась, чтобы диктовать ему свои правила, принудить уступить и отнять у него славу. С необычайной наивностью гордости он дал понять, что более всего его задевают не жертвы, которых от него требуют, а унижение из-за того, что он вынужден принимать чужие правила, тогда как привык диктовать свои.

Затем, с гордостью солдата, которая очень ему шла, Наполеон заметил: «Ваши государи родились на троне и не могут понять моих чувств. После поражения они возвращаются в свои столицы, которые по-прежнему остаются для них столицами. Я же – солдат, мне нужны честь и слава; я не могу вернуться к своему народу униженным; я должен оставаться великим и славным, вызывать восхищение! Я принадлежу не себе, а доблестной нации, которая по моему зову идет проливать свою самую благородную кровь. На подобную преданность мне не следует отвечать личными расчетами и слабостью;

я должен сохранить для нее всё величие, которое она купила ценой величайших усилий».

«Но, сир, – отвечал Меттерних, – эта доблестная нация, храбростью которой восхищается весь мир, и сама нуждается в отдыхе. Я только что ехал через ваши полки; ваши солдаты – дети. Вы провели досрочный призыв и призвали едва сформированных юношей; когда нынешняя война поглотит это поколение, вы призовете досрочно еще более юных солдат?»

Эти слова, близкие к упреку, наиболее часто повторяемому врагами Наполеона, задели его чрезвычайно. Наполеон побледнел от гнева; его лицо исказилось, не владея собой, он бросил или уронил шляпу, которую Меттерних не стал поднимать, и, двинувшись прямо на министра, воскликнул: «Вы не военный, сударь, вы не обладаете, как я, душой солдата, не жили в лагерях, не научились презирать свою и чужую жизнь, когда нужно! Какое мне дело до двухсот тысяч солдат!» Эти слова глубоко взволновали Меттерниха. «Откройте же окна и двери, сир, – воскликнул он, – пусть вас услышит Европа, и дело, которое я защищаю перед вами, от этого не потеряет!»

Несколько овладев собой, Наполеон проговорил с иронической улыбкой: «В конце концов, французы, кровь которых вы тут защищаете, не так уж мною недовольны. Я потерял, это правда, двести тысяч солдат в России; в их числе были сто тысяч лучших французских солдат; вот о них я сожалею, да, весьма сожалею. Что до остальных, они были итальянцами, поляками и главным образом германцами». Эти слова Наполеон сопровождал жестом, означавшим, что потеря последних его не трогает. «Пусть так, – продолжил Меттерних, – но согласитесь, сир, что не стоит приводить подобный довод германцу». «Вы беспокоились о французах, я вам про них и ответил», – возразил Наполеон. Затем он более часа рассказывал о том, что был застигнут в России врасплох и побежден дурной погодой; что он мог всё предвидеть и всё преодолеть, всё, кроме природы; что он умеет сражаться с людьми, но не со стихиями. Шагая в крайнем возбуждении по кабинету, он наткнулся на валявшуюся на полу шляпу и оттолкнул ее ногой в угол.

В конце длинной речи Наполеон вновь вернулся к своей основной мысли о том, что Австрия ныне осмеливается, презрев его хорошее обращение, объявлять ему войну. «И какие

же у вас средства? Вы говорите, что у вас двести тысяч в Богемии, и думаете, я поверю в подобные басни? У вас есть, самое большее, сто тысяч, и я утверждаю, что они превратятся в восемьдесят тысяч на линии». С этими словами он отвел Меттерниха в свой рабочий кабинет, показал свои записи и карты и сказал, что Нарбонн заполонил Австрию шпионами, а потому не стоит пугать его химерами: у австрийцев нет в Богемии и 100 тысяч. Австрийцы заявляли, что располагают 350 тысячами боеготовых солдат, в том числе 100 тысячами на дороге в Италию, 50 тысячами в Баварии и 200 тысячами в Богемии. Наполеон, по опыту знавший о просчетах, с которыми сталкиваются на войне в отношении численности солдат, легкомысленно отнесся к утверждениям Меттерниха, которые тот, будучи далек от военного управления, оказался не способен достаточно обосновать.

Оставив этот предмет, по которому прийти к согласию было затруднительно, Наполеон заявил Меттерниху: «Не вмешивайтесь в эту распрю, в которой вы подвергнете себя великой опасности ради совсем невеликих преимуществ, держитесь в стороне. Вы хотите Иллирию, что ж, я вам ее уступаю, но сохраняйте нейтралитет, я буду сражаться рядом с вами и без вас. Вы хотите обеспечить Европе мир, и я дам ей мир, верный и справедливый для всех. А вы пытаетесь заключить мир принудительный, заставив меня играть роль побежденного, которому диктуют свою волю, тогда как я только что одержал две блестящие победы!»

Меттерних вновь вернулся к идее посредничества, пытался представить его как услужливое вмешательство союзника, друга и отца, которого еще сочтут весьма пристрастным в отношении зятя, когда узнают о предложенных условиях. «Ах, вы настаиваете! – вскричал Наполеон гневно. – Вы по-прежнему хотите диктовать мне! Что ж, пусть будет война, увидимся в Вене!»

Эта памятная встреча, не решившая вопроса мира и войны, но вынудившая Наполеона столь неуместным образом обнаружить свои истинные намерения, длилась пять-шесть часов. Уже почти совсем стемнело, и оба собеседника едва различали черты друг друга. Наполеон, не желая расставаться с Меттернихом рассорившимся, сказал ему несколько мягких слов и назначил новую встречу в ближайшие дни.

Продолжительность беседы весьма встревожила завсегдатаев императорской передней. Тревога еще более возросла, когда Меттерних вышел из кабинета. Начальник Главного штаба Бертье, подойдя, чтобы узнать, что произошло, спросил Меттерниха, доволен ли он императором. «Да, – отвечал австрийский министр, – я им доволен, ибо он просветил меня, и клянусь вам, ваш повелитель потерял рассудок!»

Не резкость выражений Наполеона нанесла в этом случае наибольший ущерб делам Империи, а печальная убежденность Меттерниха в том, что Наполеон никогда не согласится на умеренные условия Австрии. К счастью, австрийский министр, связывавший свою славу и безопасность с тем, чтобы добиться через мир условий, которые он считал необходимыми, способен был приносить гордость в жертву политике и не вспыхивать, пока остается хоть один шанс на успех. К тому же те, кому приходилось страдать от вспыльчивого нрава Наполеона, получали скорое вознаграждение, ибо он стыдился своих гневных вспышек, довольно быстро отходил и спешил обласкать тех, кого более всего обидел. Ситуация, которую мы описываем, скоро предоставила тому новый пример.

Едва расставшись с австрийским министром, Наполеон уже преисполнился сожалений о своей вспыльчивости, ибо не получил от встречи ничего из того, что задумал. Вовсе не разгадав секретов австрийского министра, он открыл ему свои собственные, обнаружив неодолимое упорство своей гордыни, и особенно навредил главному замыслу – добиться продления перемирия, – слишком явно показав, что перемирие вовсе не приведет к миру. Поэтому он тотчас приказал Маре бежать за Меттернихом и говорить с ним о главном предмете, о котором во время встречи не было сказано ничего существенного, то есть об австрийском посредничестве, его форме, условиях и сроках. Маре получил приказ совместно с Меттернихом выра-

ботать конвенцию о посредничестве, это должно было доказать австрийскому министру, что, несмотря на гневную вспышку Наполеона, ничто еще не потеряно и решимость отвергнуть всякий миротворческий арбитраж не окончательно завладела французским императором.

Следующий день Меттерних и Маре в самом деле посвятили обсуждению посредничества. Говорили о способе его осуществления и о том, какое отношение к Франции принесет в него Австрия. Меттерних повторил заверения в пристрастном посредничестве, но выказал стойкую приверженность форме, которая устанавливала, что договаривающиеся стороны будут сообщаться между собой исключительно через посредника. Попытались составить текст конвенции, но не смогли прийти к согласию, потому что Маре перегружал текст оговорками, которые Меттерних находил стесняющими. Но детали обсуждались без язвительности, тоном людей, решивших договориться. Результат отослали Наполеону, а Меттерниху назначили новую встречу на 30 июня.

И вот 30-го Меттерних в сопровождении Маре был принят Наполеоном и нашел его полностью переменившимся, как небо, очищенное грозой. Император был открыт, весел и исполнен раскаяния. Он взял из рук Маре проект конвенции, затруднительные пункты которого хорошо знал, и принялся читать статьи одну за другой. О каждой статье, будто он был на стороне Меттерниха, Наполеон говорил что-нибудь вроде «но это противоречит здравому смыслу», ничуть не беспокоясь о самолюбии своего министра. Обратившись затем к последнему, он сказал: «Садитесь и пишите» – и продиктовал простой, ясный и четкий проект. Новая редакция сняла все затруднения. Закончив, Наполеон спросил Меттерниха: «Такой проект вам подходит?» «Да, сир, – отвечал знаменитый дипломат, – за исключением некоторых формулировок». – «Каких?» И когда Меттерних указал на них, Наполеон тотчас их изменил к полному удовлетворению своего собеседника.

Наконец проект был полностью составлен; в нем объявлялось, что император Австрии, желая и надеясь восстановить мир между континентальными государствами, предлагает себя в качестве посредника императору Наполеону; что император Наполеон принимает его предложение; что полномочные представители всех держав соберутся в Праге не позднее 5 июля. И тогда Наполеон самым непринужденным тоном добавил: «Но это не всё, мне нужно продление перемирия. Как провести переговоры, охватывающие интересы всего мира, с 5 по 20 июля, если они требуют для урегулирования всех трудностей многих лет?» Меттерних, побежденный любезными пожеланиями, не желал срывать план посредничества, которому придавал такое значение, из-за продления перемирия на несколько дней. Он отвечал, что надеется получить согласие на продление от пруссаков и русских, хоть они и убеждены, что перемирие, полезное только Франции, вредит им самим. После недолгой дискуссии министр согласился продлить перемирие до 10 августа, с шестью последующими днями для взаимного предупреждения о возобновлении военных действий, что приводило к 16-му и означало продление на двадцать дней, с 26 июля до 16 августа.

Почтя за благо выиграть хотя бы двадцать дней, Наполеон объявил, что принимает предложение Меттерниха, вследствие чего к конвенции добавили новую статью. В ней говорилось, что ввиду недостатка времени, оставшегося на переговоры в установленные сроки перемирия, подписанного в Плейшвице, император Наполеон обязывается не отменять перемирие до 10 августа (до 16-го, при добавлении шести дней для предварительного уведомления), а император Австрии обещает добиться такого же обязательства со стороны короля Пруссии и императора России.

Наполеон пожелал тотчас подписать эту статью и затем отослал Меттерниха, осыпав его всеми возможными ласками. Так лев, превратившись вдруг в сирену, добился от ловкого министра единственной вещи, которой на самом деле желал, то есть продления перемирия.

Теперь Австрия, так страстно желавшая успеха посредничества, должна была применить всё свое искусство, чтобы не дать Наполеону ни одного предложения для дальнейшей потери вре-

мени, и без промедления ответить ему, что конвенция о посредничестве принята, согласие на продление перемирия получено и переговорщики, как и условлено, соберутся 5 июля. К сожалению, этого не случилось. Меттерних, отбыв из Дрездена 30 июня и прибыв в Гичин 1 июля, доставил великую радость своему повелителю, объявив, что посредничество принято: это позволяло австрийскому двору перейти из затруднительного положения союзника Франции к независимому и сильному положению арбитра. Поэтому Меттерних без труда добился незамедлительной ратификации конвенции, но сам предоставил предлог для потери времени, попросив перенести сбор полномочных представителей с 5 на 8 июля. Попросив отсрочки, которая не могла встретить препятствий со стороны Франции, Меттерних обратился к государям, собравшимся в Райхенбахе, чтобы возвестить им о принятии посредничества, получить согласие на продление перемирия и добиться скорейшей отправки полномочных представителей в Прагу.

Союзники не понимали всего значения Плейшвицкого перемирия, когда подписывали его. Поначалу они видели в нем только средство уклониться от неизбежных последствий сражения при Бауцене, не подумав о преимуществе времени, которое оно доставляет Наполеону. Теперь, когда они ушли от опасности, получив основную выгоду перемирия, и видели, как с каждым днем продвигаются военные приготовления Наполеона, они почти сожалели о нем и были совершенно не расположены его продлевать. Более того, по мнению германцев, особенно пруссаков, любое откладывание военных действий означало шаг вперед в миротворческой политике Австрии и выглядело своего рода предательством. Поэтому потребовалось приложить некоторые усилия, чтобы добиться согласия союзников в Райхенбахе, что повлекло за собой новую потерю времени. Тем не менее, поскольку Австрия обязалась продлить перемирие, невозможно было нанести ей оскорбление, объявив ее обязательство неосмотрительным и недействительным. Перемирие утвердили, но попросили, учитывая расстояния и уже истекшее время, нового переноса даты с 8 на 12 июля, пообещав, впрочем, что опозданий не будет. Меттерних известил министра Маре об этих решениях, но, давая о них знать, выразился по поводу продления перемирия как о чем-то само собой разумеющемся и не сообщил о его официальном признании государями Пруссии и России.

Ничто так не устраивало Наполеона, как отсрочки не по его вине. После того как австрийский двор переехал в окрестности Праги, Наполеон вызвал Нарбонна в Дрезден, удержал его там на несколько дней, а затем отправил исполнять роль посла уже в Праге. Послу поручили выразить сожаление по поводу последней отсрочки и в то же время посетовать на небрежение, с каким, похоже, отнеслись к официальному сообщению о согласии на продление перемирия, будто в этом согласии могли возникнуть сомнения. Наполеон разрешил Нарбонну вдобавок заявить, что Франция укажет и отправит своих переговорщиков, лишь когда станут известны и отбудут по назначению русский и прусский переговорщики, и намекнуть, что ими будут, вероятно, Нарбонн и Коленкур.

Направляя такие ответы, Наполеон намеревался воспользоваться неосторожными отсрочками, на которые пошла Австрия, для получения отсрочек новых, ловко связав их с теми, причиной которых являлся не он. Уже давно были запланированы поездки для осмотра мест, которым предстояло стать военным театром; если у него будет на это свободное время, следовало объехать берега Эльбы от Кёнигштайна до Гамбурга. Наполеон планировал даже съездить в Майнц и провести несколько дней с императрицей, которой не терпелось с ним повидаться и которой он намеревался публично засвидетельствовать свою привязанность. Тем не менее он решил начать с наиболее полезной из поездок, с той, что должна была позволить ему осмотреть Торгау, Виттенберг и Магдебург.

Наступило 8 июля. Нисколько не сомневаясь в том, что русский и прусский полномочные представители прибудут в Прагу не позднее 12-го, Наполеон мог бы назначить своих представителей, составить для них инструкции и отправить их (или же держать в готовности к отъезду

по первому знаку). Даже если бы пришлось отложить поездки на несколько дней, ему следовало так поступить, ибо никакие выгоды в ту минуту не перевешивали важность конгресса. К тому же осмотр позиций и смотры войск не потеряли бы смысла, будучи произведены неделей позже. Напротив, потерпев еще день, Наполеон получил бы из Праги сообщения, на неполучение которых сетовал, узнал бы о назначении полномочных представителей, о точном времени сбора и официальном согласии на продление перемирия. Но ему больше нравилось притвориться, что он вынужден срочно отлучиться, потому что тогда пришлось бы отвечать на вопросы только по возвращении. Поэтому он внезапно заявил, что, откладывая отъезд до 9-го и так ничего и не получив из Праги, теперь вынужден покинуть Дрезден ввиду срочных дел в армии, и утром 10 июля отбыл в Торгау.

В минуту его отъезда в Дрезден пришли известия о последних событиях в Испании, вызвавшие радостное удивление у врагов Франции и весьма мучительное – у французов. Следует рассказать об этих новостях, политические последствия которых коснулись ситуации в Германии.

После объединения армий Центра, Португальской и Андалусской положение французов на Иберийском полуострове предоставляло еще немало благоприятных возможностей. Маршал Сюше, удерживавший Валенсию, Каталонию и Арагон, занимал самую важную часть Испании и владел всеми ее крепостями. Король Жозеф с армией Центра находился в Мадриде; перед ним, рассредоточившись на Тахо от Таранкона до Альмараса, располагалась Андалусская армия, а позади на правом фланге между Тормесом и Дуэро – Португальская. В таком положении опасаться Жозефу было нечего, если бы он, не рассредоточивая объединенные в недавнем времени армии, сохранял постоянную готовность бросить их на англичан при первом же их появлении. Численность всех трех армий в январе 1813 года составляла 86 тысяч человек всех родов войск. Избавившись от строптивого Сульта, которого Наполеон взял с собой в Германию, и от настойчивого Каффарелли, Жозеф мог надеяться на более верное исполнение своих приказов. Северной армией теперь командовал генерал Клозель, Португальской – генерал Рейль, армией Центра – генерал д'Эрлон, Андалусской – генерал Газан. Если бы не ужасное впечатление, оставленное событиями в России, положение Жозефа было бы неплохим. Но эти события чрезвычайно поразили людей и пробудили в испанцах надежду на скорое освобождение от французского владычества.

Кадисские кортесы по-прежнему беспорядочно, но с пламенным патриотизмом руководили делами испанского восстания, а лорд Веллингтон с гораздо большей последовательностью и твердой рукой – делами восстания португальского. Кортесы завершили свою конституцию, в точности скопировав конституцию Франции 1791 года, и приняли однопалатный парламент, наделив короля только правом приостанавливающего вето. В ожидании же, пока им будет возвращен король, Кортесы объявили себя представляющими всю полноту верховной власти, присвоили себе титул Величества и предоставили титул Высочества выборному регентству из пяти членов, наделенному исполнительной властью. Помимо французов и редких сторонников Жозефа, Кортесы воевали со всеми друзьями отмененного ими старого режима и беспрестанно конфликтовали с регентством, подозрительным в их глазах, поскольку оно состояло из выдающихся представителей духовенства и армии. Если бы не Русская катастрофа и поражение при Саламанке, если бы Жозефу лучше повиновались и лучше снабжали его деньгами, он мог бы со временем извлечь большую пользу из этого разделения испанцев.

В ту минуту раздоры усугубились из-за вопроса о командовании армиями. Победы Веллингтона и в особенности успешное увеличение португальской армии под его руководством внушили некоторым членам Кортесов мысль предложить ему верховное командование и испанскими войсками. Независимый и ревнивый дух нации поначалу воспротивился этому плану, но надежда на то, что испанская армия скоро сравняется с португальской и даже ее пре-

взойдет, а главное, победа при Саламанке заставили преодолеть отвращение, и Веллингтона назначили фельдмаршалом. Этот знаменитый человек согласился с назначением при условии, что, во-первых, получит согласие своего правительства и, во-вторых, будет обладать абсолютной властью в отношении организации и движений армии. Британский кабинет дал, разумеется, свое согласие, и Веллингтон приехал зимой в Кадис, чтобы обговорить с регентством все вопросы, поднимаемые его будущим командованием. Ему предоставили почти всю полноту власти, какой он желал, но фельдмаршал весьма опасался, что, за недостатком денег и хороших офицеров, от испанцев будет мало проку. Ему обещали денег, не имея средств их раздобыть, а что до офицеров, напрасно он попытался бы восполнить их недостаток английскими офицерами. Никогда испанская армия не потерпела бы, несмотря на пример армии португальской, чтобы ею руководили иностранцы. Веллингтон уехал, решив заняться почти исключительно Галисийской армией, которой предстояло сражаться под его непосредственным командованием.

По возвращении во Фреснедо, у северной границы Португалии, он посвятил всю зиму подготовке к будущей кампании. Веллингтон намеревался, собрав 45 тысяч превосходно организованных англичан, 25 тысяч португальцев и около 30 тысяч более или менее обученных и снаряженных испанцев, выдвинуться на север Иберийского полуострова, дабы срубить под корень древо могущества французов в Испании. Тем не менее, после того как в результате объединения армий у Мадрида сконцентрировались силы французов в 80–90 тысяч человек, по меньшей мере равных англичанам и намного превосходящих португальцев и испанцев, он посчитал такое предприятие чрезвычайно опасным. Веллингтон готов был выдвинуться только при условии, что повстанцы Каталонии и Мурсии произведут отвлекающую атаку на Валенсию при поддержке англо-сицилийской армии, а английский флот, содействуя бандам Астурии и Пиренеев, отвлечет внимание Северной армии. Когда у него спросили совета относительно плана вторжения на юг Франции, пока Наполеон сражается в Саксонии, фельдмаршал отвечал, что прежде всего англичане озабочены оттеснением французов за Пиренеи и только следом за ними вступят во Францию. Но он вовсе не обещал такого результата, ввиду присутствия 86 тысяч человек, сосредоточенных вокруг Мадрида под командованием Жозефа.

Мысли британского главнокомандующего, которые нетрудно было разгадать даже без помощи дополнительной информации, достаточно ясно указывают, каким следовало быть плану французов, чтобы следующая кампания стала более успешной, чем предыдущие. Прежде всего, нужно было оставить все армии объединенными, а во-вторых, правильно выбрать позицию для их расположения. К сожалению, выбор позиций в окрестностях Мадрида был невелик. Поэтому лучше всего было бы оставить Мадрид, переместиться в Вальядолид, оставив в столице только необходимое снаряжение, отправить в Виторию больных, раненых, продовольствие и боеприпасы и расположиться в новой столице. Таково было мнение Журдана; но при всем благоразумии маршала оно было высказано без настойчивости, а чтобы победить нежелание Жозефа оставлять Мадрид, требовалась именно настойчивость. Однако Жозеф обладал столь здравым суждением, что не отверг мысли об оставлении Мадрида категорически, когда Журдан заговорил об этом. Если бы тот проявил настойчивость, можно было уйти из Мадрида в январе, использовать февраль и март на подавление северных банд, в апреле вернуться и объединиться к маю против Веллингтона, имея в запасе целый месяц для отдыха войск и подготовки к кампании 1813 года. Но замысел Журдана так и оставался неисполненным, пока из Парижа не пришли депеши Наполеона, содержавшие точные инструкции для предстоящей кампании.

Мы уже излагали замыслы императора в отношении Испании на 1813 год. Испытывая неприязнь к предприятию, плачевным образом разделившему его силы, он бы охотно от него отказался, но после того как на Иберийском полуострове появились англичане, избавиться от них по желанию он уже не мог. Нужно было продолжать сражаться за Пиренеями, чтобы не

пришлось сражаться перед ними. Однако, как мы знаем, Наполеон по возможности сократил эту задачу на 1813 год, ибо не отправил в Испанию подкреплений, а, напротив, забрал офицеров и множество отборных солдат, тем не менее оставив достаточно сил, чтобы сохранить Старую Кастилию, баскские провинции, Каталонию и Арагон. Он тайно планировал вступить в переговоры с Англией и вернуть Испанию (за исключением провинций Эбро) Фердинанду VII, возместив их Португалией, без которой дом Браганса вполне мог обойтись, найдя столь прекрасное пристанище в Бразилии.

В соответствии с этими планами Наполеон и начертал инструкции, по-прежнему самые общие, ибо был всецело поглощен подготовкой к Саксонской кампании. Досадую на то, что курьеры порой добирались из Парижа до Мадрида за тридцать – сорок дней, а главное, желая подчинить провинции Эбро, которые он планировал присоединить к Франции, Наполеон предписывал любой ценой восстановить коммуникации, с присущей ему запальчивостью повторяя, что это стыд и позор: у границ Франции курьеры подвергаются большей опасности, чем посреди Ла-Манчи или Кастилии! Поэтому он приказывал потратить зиму на подавление банд Мины, Лонги, Порлье и других банд, опустошавших Наварру, Гипускоа, Бискайю и Алаву. Чтобы обеспечить успех операций, Наполеон приказал Жозефу оставить Мадрид, уже не интересовавший его; перевезти двор в Вальядолид; отвести основные французские силы в Старую Кастилию; Португальскую армию приблизить к Бургосу и предоставить большую ее часть в распоряжение Клозеля для уничтожения банд; Андалусскую армию передвинуть от Талаверы к Саламанке, а армию Центра – от Мадрида к Сеговии, оставив в столице одно подразделение, дабы она не казалась окончательно оставленной. Укротить на достаточно долгое время банды, о которых шла речь, было невозможно, и Жозеф не без основания называл их Вандеей, против которой моральные средства воздействия работали сильнее физических. Поэтому вызывало сомнения, что лишние двадцать тысяч человек помогут Клозелю победить банды, но зато было совершенно достоверно, что Жозеф, лишившись этих двадцати тысяч, будет не в состоянии победить англичан. Однако Наполеон, денно и ночно трудившийся над восстановлением военной мощи Франции, не читая испанской корреспонденции и приказывая издали, считал, что подкрепление генерала Клозеля позволит ему покончить с герильясами в течение зимы и к весне все успеют воссоединиться и сообща двинутся навстречу англичанам.

Инструкции Наполеона, переданные через военного министра в январе и повторенные в феврале, прибыли в первый раз только в середине февраля, а во второй раз – в начале марта, то есть примерно через месяц после того, как были отправлены. Это была первая потеря времени, крайне досадная, порожденная теми самыми обстоятельствами, которые так живо задевали Наполеона: все дороги оказались заняты бандами повстанцев. Жозеф очень не хотел расставаться с Мадридом. Но его собственный рассудок и маршал Журдан говорили ему, что на эту жертву следует решиться. Приказы Наполеона послужили только тому, что Жозеф принял окончательное решение. Лучше было бы, конечно, сделать это раньше, ибо тогда солдаты, которых намеревались предоставить Клозелю, были бы уже свободны, но Жозеф, хоть и склонявшийся к такому решению, смог окончательно его принять в последнюю минуту. Наконец он отдал приказ перевести двор и правительство в Вальядолид, оставив, однако, одну дивизию в Мадриде.

Нужно было вывезти девять тысяч раненых и больных, укрыть в надежном месте такое количество снаряжения, перевезти столько семей чиновников, что эвакуация потребовала около месяца. Водворение на новом месте завершилось только к началу апреля. Войска были распределены следующим образом. Португальская армия была переведена из Саламанки в Бургос. Она сократилась (вследствие отсылки лишних офицеров и переформирования действующего состава в меньшее количество полков) с восемью до шести дивизий и, потеряв в численности, выиграла в организации. Три ее дивизии были отправлены генералу Клозелю для содействия в подавлении банд; одна дивизия оставалась в Бургосе; две дивизии были расстав-

лены перед Паленсией в готовности поддержать кавалерию у Эслы и в наблюдении за Галисийской армией. Андалусская армия, переведенная из долины Тахо в долину Дуэро и соединявшаяся правым флангом с Португальской армией, занимала Дуэро и Тормес, наблюдая за англо-португальской армией, расположившейся в Бейре. Одна из ее дивизий, дивизия генерала Леваля, была оставлена в Мадриде для видимости оккупации столицы и сбора податей. Наконец, одна из двух дивизий армии Центра расположилась в самом Вальядолиде, а другая – в Сеговии, дабы поддержать дивизию Леваля, которая осталась без какой-либо поддержки посреди Новой Кастилии.

Три армии, которые в январе числили еще 86 тысяч опытных солдат, в том числе 12 тысяч превосходных кавалеристов, в апреле насчитывали только 76 тысяч, вследствие отъезда офицеров и элитных солдат, которых Наполеон отозвал в Саксонию. Разделение на три армии представляло множество неудобств, ибо, несмотря на отзыв командиров, противившихся власти Жозефа, во всех трех главных штабах оставались еще чрезвычайно опасные тенденции к изоляции. Можно было всё спасти, объединив эти армии в одну, поместив ее под начало одного командующего, такого как генерал Клозель, – надежного на поле боя и послушного Главному штабу, – полностью воссоединив ее между Вальядолидом и Бургосом и предоставив ей время для отдыха, починки снаряжения и формирования складов. К несчастью, этого не было сделано.

Три армии остались разъединенными, ибо Наполеону не нравилось объединение в руках Жозефа подобной силы. Поэтому каждый главный штаб сохранил свои притязания, и когда, по совету Журдана, Жозеф отправил администрациям всех трех армий необходимые меры по созданию складов, все три отказались повиноваться Главному штабу. Понадобился новый приказ из Парижа, добравшийся до Мадрида более месяца, чтобы вынудить каждого из трех интендантов подчиниться предписаниям главного интенданта. Однако ценное время было потеряно. Наконец, после отправки трех дивизий Португальской армии Клозелю, пришлось послать к нему и четвертую, а затем направить на Бривьеску и пятую, так что Рейль сохранил при себе только одну дивизию. Ему пришлось даже разделить ее пополам и расположить одну из своих бригад в Бургосе, а другую – в Паленсии, позади кавалерии, охранявшей Эслу. Поэтому, в случае внезапного появления англо-португальцев, оставалось выставить против них только две из трех армий, и преимущество концентрации, благодаря которой мы несколько поправили свои дела после поражения при Саламанке, свелось почти к нулю. Если бы подкрепления, отправленные Клозелю, помогли ему уничтожить банды герильясов, дурные последствия рассредоточения, хоть и непоправимые, получили бы хоть какую-то компенсацию. Но усмирить испанскую Вандею было столь же трудно, как Вандею французскую, и стало очевидно, что одной военной силы без моральных и политических средств для победы недостаточно.

Пока французы изнуряли себя бессмысленным преследованием герильясов, апрель и май миновали, настало время крупных военных операций, и Веллингтон покинул свои расположения. Он вступил в кампанию во главе 48 тысяч англичан, 20 тысяч португальцев и 24 тысяч испанцев, причем последние были вооружены и обмундированы лучше обычного; таким образом, он располагал в целом 90 тысячами человек. Веллингтон намеревался прежде всего перевести через Эслу левый фланг, которым командовал Томас Грэхем, а центр и правый фланг подвести к линии Дуэро, когда левый фланг окажется в тылах защищавших Дуэро французов. На сей раз он двигался с артиллерийским осадным парком, не желая терпеть поражений, как в Бургосе.

Одиннадцатого мая его левый фланг выполнил первое движение и рассредоточился вдоль Эслы. Кавалерия Рейля, располагая поддержкой только одной пехотной бригады, не выказала ни смелости, ни бдительности, и англичане перешли через Эслу прежде, чем она успела об этом

узнать. Англичане не спешили теснить неприятеля, ибо одно крыло не хотело выдвигаться без другого, и Веллингтон только 20 мая выдвинул правый фланг на Саламанку и Тормес. Двадцать четвертого мая Газану доложили о его приближении во главе значительных сил.

Французская армия, которая должна была подготовиться и сконцентрироваться к 1 мая в окрестностях Вальядолида, оказалась застигнута врасплох в самом неприятном положении. Андалусская армия была рассредоточена от Мадрида до Саламанки, армия Центра – от Сеговии до Вальядолида, Португальская армия – от Бургоса до Памплоны.

Прежде всего следовало отозвать из Мадрида дивизию Леваля, чтобы она, перейдя через Гвадарраму, передвинулась в Вальядолид. Газан мог бы отдать соответствующий приказ без промедления, но поскольку речь шла об окончательном оставлении столицы, он счел должным прибыть в Вальядолид и договориться с Жозефом. Так были потеряны два дня. Разрешение оставить столицу отправили из Вальядолида 25 мая. В то же время всем войскам на линиях Тормеса, Дуэро и Эслы приказали медленно отходить назад, дабы обеспечить дивизии Леваля время для отступления. Поскольку генерал Рейль располагал для поддержки своей кавалерии у Эслы только одной из двух бригад дивизии Мокюна, ему предоставили одну из дивизий армии Центра, дивизию генерала д'Арманьяка. Остаток армии Центра пребывал у Сеговии в ожидании дивизии Леваля. Андалусская армия, сохранившая наибольшую целостность, должна была отступить от Саламанки на Тордесильяс, оставляя участок шаг за шагом, дабы войска успели сконцентрироваться.

Наконец сообщили о приближении англичан генерала Клозеля, затребовали у него обратно пять дивизий Португальской армии, обязали и его самого подойти с какими-нибудь войсками Северной армии, дабы иметь возможность выставить против англичан хотя бы 80 тысяч человек. Наконец написали военному министру Кларку, давая ему знать о положении вещей и торопя его отдать приказ о концентрации войск. Министр, оставшийся в Париже один после отъезда Наполеона в Германию, умел только повторять приказы императора, которые предписывали в качестве основной цели восстановление коммуникаций с Францией и закрепление в северных провинциях. Поэтому серьезной помощи из Парижа ждать не приходилось. Единственная услуга, которую мог оказать министр, состояла в отправке Клозелю уведомления о марше англичан, что было бесполезно, ибо, несмотря на все усилия обеспечить надежные коммуникации с Северной армией, уверенности в том, что Клозель получит депеши Жозефа раньше, чем через 3–4 недели, не было. Генерал Клозель был таким верным товарищем по оружию и так хорошо понимал важность разгрома англичан, что тотчас по получении уведомления от военного министра не преминул бы отослать дивизии Португальской армии и сам бы выступил на поддержку с войсками Северной армии.

К счастью для первых дней кампании, мы имели дело с врагом сильным, но подозрительным, а наших солдат смутить было нелегко. Генерал Рейль собрал свою кавалерию, отступил в правильном порядке на Паленсию и с единственной оставшейся у него пехотной дивизией Мокюна и одолженной ему дивизией д'Арманьяка обеспечил безопасность на дороге из Вальядолида в Бургос, бывшей линией отступления армии. Генерал Виллат, размещенный на Тормесе, оборонял реку доблестно, даже слишком, ибо врага было полезно задержать, но опасно пытаться остановить. Виллат потерял несколько сотен человек, нанеся, правда, намного больший урон англичанам. Благодаря его храбрости и опасливой медлительности Веллингтона, генерал Леваль смог отойти из Мадрида, целым и невредимым перейти через Гвадарраму и присоединиться к армии Центра в Сеговии.

Второго мая Рейль с кавалерией и двумя дивизиями находился между Рио-Секо и Паленсией; четыре дивизии Андалусской армии – в Тордесильяс на Дуэро; армия Центра с французской и испанской дивизиями – в Вальядолиде. В целом эти силы составляли 52 тысячи

человек, а вовсе не 76 тысяч, которые можно было собрать, если бы мы не отказались так рано от выгод концентрации ради химерического плана уничтожения банд.

Сгруппировавшись вокруг Вальядолида, можно было действовать тремя способами: во-первых, остановиться и дать сражение тотчас, выставив 52 тысячи человек против 90 тысяч, что было бы неосторожно и преждевременно, поскольку каждый шаг назад давал шанс присоединить одну или несколько дивизий Португальской армии; во-вторых, отступить на Бургос, затем на Миранду и Виторию, вплоть до воссоединения со всей Северной армией, что было просто и неопасно; в-третьих, не оставлять линию Дуэро, взойти вверх по течению к Сории, откуда одна из дорог выводила в Наварру, то есть точно туда, где можно было наверняка встретиться с Клозелем и даже Сюше, если чрезвычайные события потребуют концентрации всех сил. Последний план выглядел довольно смелым внешне, но на деле был самым безопасным. Все три плана рассмотрели и подвергли обсуждению. Никто и не помышлял немедленно вступать в сражение с 52 тысячами человек, когда можно было надеяться, что с каждым днем будут присоединяться всё новые силы. Признали достоинства третьего плана, но сочли его слишком дерзким, сложным и имевшим существенный недостаток – необходимость оставить дорогу на Байонну и пренебречь тем самым заботой о коммуникациях, столь настоятельно рекомендованной из Парижа. Как будто английская армия могла дерзнуть перейти через Пиренеи, оставив в своих тылах 80 тысяч французов, и даже 150 тысяч, считая войска Сюше. По всем этим причинам предпочтение отдали второму плану, согласно которому следовало мирно отступить на Бургос, посылая Клозеля депешу за депешей.

И отступление началось. После Мадрида приходилось оставлять и Вальядолид, вторую столицу, только что созданную в Старой Кастилии. Отправили вперед снаряжение, больных, раненых, примкнувших к армии местных жителей, и потому движение было чрезвычайно медленным. Веллингтон, обычно поджидавший фортуны, но никогда за ней не гонявшийся, прекрасно понимал, что придется дать решающее сражение, и покорился этой необходимости, однако, по своему обыкновению, принял решение сражаться только на благоприятном участке, а до тех пор довольствовался отведением французских войск к Пиренеям. Непонятно, почему этот рассудительный генерал сам подталкивал французов к подкреплениям и не искал случая атаковать, пока ему противостояло только 50, а не 70 тысяч.

За недостатком продовольствия французы торопились добраться до Бургоса и по этой же причине поторопились его оставить. Многочисленные обозы с ранеными и беженцами опустошили незначительные склады города, и войска едва смогли просуществовать в нем несколько дней. Обозы направили на Миранду и Виторию; совершили ошибку, не отослав их в Байонну, коль скоро было принято решение отступить к Пиренеям. Войскам дали несколько дней отдохнуть, дабы доесть оставшееся продовольствие и выиграть время для концентрации, ибо с каждым днем возрастали шансы на присоединение генерала Клозеля. В Бургосе обнаружилась дивизия Ламартиньера, самая многочисленная из одолженных Северной армии дивизий армии Португальской. Она добавила Рейлю около 6 тысяч человек, что позволило ему вернуть армии Центра дивизию д'Арманьяка.

Это был новый повод приблизиться к Эбро и продолжать попятное движение, ибо, если бы и не удалось присоединить все дивизии, посылавшиеся Клозеля, можно было присоединить хотя бы еще одну или две, а такое подкрепление имело решающее значение. Здесь во второй раз встал вопрос о том, продолжать ли движение дорогой в Байонну, чтобы сохранить верность приказам, или осуществить поперечное движение и дебушировать на Эбро в Логроньо, а не в Миранде, что делало воссоединение с Клозелем почти непреложным. Обходной путь был столь незначителен, а воссоединение с генералом Клозелем, действовавшим в Наварре, сулило такие выгоды, что трудно понять сопротивление подобному предложению. Рейль и д'Эрлон энергично его поддержали, но Журдан и Жозеф, под влиянием инструкций из Парижа, повторявшихся с каждым курьером, побоялись оголить коммуникации с Байонной и настояли на

том, чтобы двигаться прямо на Миранду и Виторию. Поэтому снова приняли решение отходить к Эбро через Бривьеску и Миранду.

Двенадцатого июня, увидев, что англичане снова пытаются обойти наш правый фланг, Рейль решил вынудить их развернуть силы и встал за речкой под названием Ормаса. Англичане продемонстрировали около 25 тысяч человек, но Рейль, не располагавший и половиной этих сил, маневрировал с таким апломбом и силой, что уничтожил три-четыре сотни человек, потеряв не более пятидесяти, и ушел за Ормасу в совершенном порядке. Стало очевидно, что англичане, не сгорая от нетерпения дать сражение, хотели вынудить французов уступить им участок, постоянно обходя одно из крыльев.

Тринадцатого июня решили оставить и Бургос. Поскольку было известно, что Веллингтон запасся внушительным осадным снаряжением, и к тому же не хотелось оставлять в Бургосе, возвратиться в который надежды уже не было, 2–3 тысячи человек, приняли решение взорвать форт, оказавший французам столь великие услуги в прошлом году. И когда войска уже двигались на Бривьеску, послышался ужасающий взрыв, печальная примета отступления без надежд вернуться, а вскоре стало известно, что операция, выполненная без надлежащих мер предосторожности, причинила весьма значительный ущерб войскам и самому городу.

Шестнадцатого июня прибыли в Миранду, на берега Эбро. Оставалось сделать только шаг, чтобы оказаться в Витории, у самого подножия Пиренеев. Неприятель выдвинул левый фланг к Вильяркайо, продолжая обходить наш правый фланг. В то же время стало известно, что генерал Клозель, при первом известии о приближении англичан направивший основным силам дивизию Саррю, уже присоединившуюся по пути, и дивизию Фуа, еще находившуюся на обратном склоне Пиренеев, выдвинулся на Логроньо и сам, с двумя оставшимися дивизиями Португальской армии и двумя дивизиями Северной. Ожидалось, что он прибудет в Логроньо 20-го.

Следующий день провели в Миранде, предоставив армии небольшой отдых. Между тем следовало принимать решение, ибо нельзя было задержаться в Миранде надолго и позволить неприятелю опередить нас у Пиренеев. В Главном штабе опять столкнулись два противоположных мнения. Одно состояло в том, чтобы как можно скорее направиться поперечным движением на Логроньо и Наварру, дабы присоединить Клозеля, не считаясь с движением англичан, — ибо они не могли помышлять о переходе через горы, пока не выиграют решающее сражение. Другое мнение состояло в том, чтобы уделить самое пристальное внимание движению англичан, угрожавшему коммуникациям, и потому не сходить с дороги в Байонну, а призвать на нее Клозеля, появление которого ожидалось с минуты на минуту. Первого мнения придерживались Рейль и д'Эрлон; второе принадлежало Журдану и Жозефу, которые всё еще находились под роковым влиянием приказов из Парижа.

Следует признать, что предложение Рейля и д'Эрлона, хоть и лучшее, как мы вскоре увидим, утратило свое очевидное преимущество после того, как обозы отправили в Виторию, а Клозеля предписали явиться туда же. Опасность оставить их в Витории без прикрытия была достаточно веской причиной для того, чтобы продолжить движение, и нельзя порицать Жозефа и Журдана за то, что они настояли на своем решении.

Жозеф и его маршал не ограничились решением двигаться на Виторию; захотев полностью предотвратить опасность обхода, они предписали Рейлю передвинуться на Осму, а через Осму — на Ордунию и Бильбао, в то время как остальная армия незамедлительно выдвинется прямо на Виторию. В Витории надеялись присоединить Клозеля, выиграть от его присоединения больше, чем потеряли от отделения Рейля, и, уже располагая Рейлем на обратном склоне гор, выставить против англичан железную стену.

Восемнадцатого июня генерал Рейль выдвинулся на Осму с дивизиями Саррю, Ламартиньера и Мокюна. Прибыв в Осму, он увидел у Барбароссы многочисленные войска, уже занявшие все подходы к горам и не позволявшие к ним приблизиться. Это были испанцы Галисий-

ской армии, выступившие вперед, чтобы занять проходы в Пиренеи. Можно было подумать, что они намеревались, в соответствии с предложениями маршала Журдана и короля Жозефа, перейти через Пиренеи в Ордуньи, чтобы перерезать дорогу на Байонну; но испанцы об этом и не помышляли. Они хотели только опередить неприятеля у подножия гор, чтобы занять господствующие позиции на фланге, если французы решатся дать оборонительное сражение, опершись на Пиренеи, или же опередить их хотя бы у перевалки Салинас, чтобы атаковать, прежде чем они доберутся до границы Франции.

Увидев, что дорога на Ордунью перекрыта, Рейль с легким сердцем отказался от выполнения операции, которую порицал, и решил вернуться боковым движением на большую дорогу из Миранды в Виторию. Жозеф, в свою очередь, снялся с лагеря в ночь на 19 июня, и утром все наши корпуса уже двигались на Виторию полным ходом.

Витория, расположенная у подножия Пиренеев на испанской стороне, возвышается среди красивой равнины, окруженной горами со всех сторон. Если встать спиной к Пиренеям, справа окажется гора Аррато, отделяющая вас от долины Мургуи, перед вами – Сьерра-де-Андиа, а слева – холмы, через которые проходит дорога из Сальватьерры в Памплону. Равнину орошает Садорра, протекая вначале у Пиренеев, где берет свои истоки, затем опоясывая справа Аррато и прорываясь по узкому ущелью через Сьерра-де-Андиа.

Основная часть французской армии, подходившая от Миранды и берегов Эбро, шла по большой дороге в Байонну. Эта дорога выходит прямо на равнину Витории через проход, по которому течет Садорра. Рейль подходил сбоку, через проходы Аррато. Вечером 19-го все три армии без происшествий воссоединились в котловине Витории.

Следовало безотлагательно принять решение. Невозможно было и предположить, что Веллингтон позволит неприятелю уйти в Пиренеи, не дав сражения, ибо если бы французы добрались до большой цепи, оперлись на ее высоты, засели в долинах, то стали бы неодолимы. Поэтому следовало ожидать сражения в ближайшее время. Если Клозель прибудет вовремя, у французской армии будет не менее 70 тысяч солдат, и даже еще больше, если успеет подойти генерал Фуа с одной из дивизий Португальской армии. Поэтому у нас были все шансы разбить англичан, которые хоть и формировали массу в 90 тысяч человек вместе с португальцами и испанцами, но собственно английских солдат в своих рядах насчитывали только 47–48 тысяч.

Однако могло статься, что Клозель присоединится не тотчас и придется ждать его день-другой. Поэтому следовало подготовиться к противостоянию до его прибытия, а для этого тщательно разведать участок и принять необходимые меры для его успешной обороны. Нужно было как можно лучше использовать особенности местности, чтобы компенсировать численное превосходство англичан, и принять меры если не вечером 19-го, то хотя бы утром 20-го: следовало предположить, что англичане, добравшиеся до Пиренеев одновременно с нами, не оставят нам много времени на устройство лагеря. Прямо вечером 19-го следовало избавиться от огромной колонны обозов, с ранеными, беженцами и снаряжением, состоявшей более чем из тысячи повозок (она стала бы чудовищной обузой во время сражения и верным бедствием в случае отступления). Отправив колонну обозов вечером и сопроводив ее только до обратного склона горы Салинас, где должен был уже находиться генерал Фуа, можно было успеть подтянуть обратно сопровождавшие ее войска. Избавившись от обозов, следовало хорошенько укрепиться на равнине Витории. Англичане, постоянно пытавшиеся обойти наш правый фланг, вероятно, продолжили бы свой маневр. Подходя от Мургуи, они должны были дебушировать на равнину Витории через проходы Аррато, что привело бы их к берегам Садорры, огибающей ее подножие. Хотя это была небольшая речка, переход через нее можно было затруднить, перекрыв все мосты и прикрыв артиллерией броды: мы тащили за собой огромное множество пушек. Однако переход через реку требовалось не только затруднить, но и сделать почти невозможным, ибо неприятель, перейдя через Садорру, мог попасть в тылы и

во фланг нашей армии, расположившейся в котловине Витории лицом к проходу, через который в нее попадают со стороны Миранды.

Этот проход под названием Пуэбла представлял собой второе препятствие для неприятеля, и нужно было хорошенько изучить участок, чтобы найти наилучшие средства для его обороны. Для этого имелась одна позиция, преимущества которой доказали последующие события. Она могла доставить средство перекрыть англичанам выход на равнину. Несколько отступив вглубь котловины, вы обнаруживаете там холм Суасо, с которого очень удобно обстреливать неприятеля, дебуширующего из ущелья или спускающегося с высот Сьерра-де-Андиа, а затем оттеснить его обратно, атаковав в штыки. Эта позиция, расположенная довольно близко от Витории и проходов Аррато, позволяла держать под присмотром всё и всех и быстро принимать меры при любых обстоятельствах. Так, перекрыв мосты через Садорру и расположившись на холме Суасо, можно было бы оборонять котловину Витории с имевшимися в наличии войсками и спокойно дожидаться генерала Клозеля.

Ни одна из этих мер не была принята. Вечером 19-го обозы отправлены не были. На следующий день, вместо того чтобы объехать верхом и изучить участок, Журдан и Жозеф вовсе не покидали Витории. Маршала настиг приступ жестокой лихорадки, и Жозеф отложил рекогносцировку на следующий день. К счастью, болезнь Журдана не помешала всё же избавиться от обозов. Решили отправить их днем 20-го, выделив для сопровождения дивизию Мокюна, вследствие чего Португальская армия снова уменьшилась до двух дивизий, а вся армия – до 53–54 тысяч человек.

Меры, принятые 20-го, свелись к следующему. Отправили в Толосу обозы; расположили Газана с Андалусской армией перед проходом Пуэбла, д'Эрлона с армией Центра – за Газаном, а позади на правом фланге у Садорры – Рейля с двумя оставшимися дивизиями Португальской армии, для отражения обходного маневра англичан. Между пехотными корпусами расставили кавалерию, которая не могла оказать больших услуг на занимаемом участке, ибо котловина Витории перерезана многочисленными каналами, препятствующими кавалерийским атакам.

Так был использован, точнее, потерян, день 20-го. На следующий день генерал Клозель всё еще не появился, и, поскольку неприятель вряд ли еще долго бездействовал бы, Жозеф и Журдан решили осмотреть местность, чтобы подготовиться к сражению, которое, как они чувствовали, должно было начаться совсем скоро. Маршал совершил усилие, чтобы сесть на лошадь, но тем не менее отправился с Жозефом осматривать равнину Витории. Справа и сзади нашей позиции, у подножия Аррато, генерал Рейль с французскими дивизиями Ламартиньера и Саррю и с остатками испанской дивизии охранял мосты через Садорру. Мост в деревне Дурана, расположенной в горах у Пиренеев, охранялся испанской дивизией. Мост в деревне Гамарра-Майор у выхода на равнину заняла дивизия Ламартиньера. Мост в Арриаге, прямо посреди равнины, оборонялся дивизией Саррю. Позади дивизий помимо легкой кавалерии располагались драгунские дивизии, готовые обрушиться на любое войско, которое перейдет через Садорру. Лучше было бы разрушить мосты через речку и оборонять броды с помощью артиллерии. Но как бы то ни было, присутствие в этом месте такого превосходного офицера, как генерал Рейль, внушало всем уверенность.

Передвинувшись прямо вперед к выходу на равнину из ущелья Пуэблы, Журдан и Жозеф поднялись на вышеупомянутую высоту Суасо, пересекавшую равнину в поперечном направлении и контролировавшую выход из ущелья. Маршал тотчас понял, что здесь-то и следовало расположить Газана с Андалусской армией и, кроме того, вооружить высоту пушками, а за ними поставить справа на Садорре генерала д'Эрлона для соединения с Рейлем и охраны моста в Треспуэнтесе, выводящего во фланг Суасо. Будь это верное наблюдение сделано накануне, оно спасло бы французскую армию и, вероятно, наше положение в Испании.

Немедленно послали штабных офицеров с приказом генералу Газану. Но было слишком поздно, ибо сражение уже началось. Веллингтон, как легко было предвидеть, сопроводив нас

до Пиренеев, не захотел позволить нам уйти в горы, не дав сражения. Он передвинул генерала Грэхема с двумя английскими дивизиями, португальцами и испанцами, формировавшими его левый фланг, на дорогу из Мургуи, чтобы форсировать Рейля на Садорре. Свой центр, состоявший из трех дивизий под началом маршала Бересфорда, он направил через другие проходы к Аррато, чтобы также дебушировать на Садорру, но в середине равнины. Это должно было вывести их к мосту в Треспуэнтесе, к генералу д'Эрлону и во фланг позиции Суасо. Правый фланг, состоявший из двух английских дивизий под началом Хилла и испанской дивизии Морильо, следовавший за французами по дороге из Миранды, должен был прорваться через Пуэблу и дебушировать прямо к подножию Суасо.

Все эти корпуса уже пришли в движение, когда Журдан и Жозеф послали Газану приказ отойти на высоту Суасо: с нее можно было дать отпор и тем войскам, которые попытаются форсировать Пуэблу, и тем, что попытаются перейти через Садорру в Треспуэнтесе. Когда адъютант Жозефа доставил Газану приказ, тот уже вел бой с неприятелем и заявил, что не может исполнить предписанное движение. Жозеф и Журдан помчались к нему и наконец увидели, что происходит. Справа виднелись войска Бересфорда, которые прошли через ближайшие к Аррато проходы и теперь пытались перейти через Садорру в Треспуэнтесе. Впереди виднелись войска Хилла, с осторожностью вступившего в проход Пуэблы и выдвинувшего на правый фланг, на высоты Сьерра-де-Андиа, испанскую дивизию Морильо.

Журдан и Жозеф приказали Газану отправить на высоты Сьерра-де-Андиа авангардную бригаду Марансена, чтобы как можно скорее выбить с них испанскую дивизию Морильо, а затем, когда высота будет отбита, оттеснить испанцев в проход Пуэблы и броситься вслед за ними во фланг генералу Хиллу. Газану предписывалось преградить проход силами дивизий Даррико и Конру, оставив слева в резерве дивизию Виллата, а справа расположив дивизию Леваля для наблюдения за войсками Бересфорда, угрожавшими Садорре в Треспуэнтесе. Генералу д'Эрлону было приказано встать в боевые порядки позади Газана, наблюдать за Садоррой и приготовиться атаковать войска, которые попытаются перейти через реку между ним и генералом Рейлем.

Едва приказы были отправлены, как англичане открыли огонь и справа, и спереди, и слева. Получив приказ очистить высоты, формировавшие оконечность Сьерра-де-Андиа, Газан недостаточно мощно атаковал забравшихся на них испанцев. Он отправлял в атаку один полк за другим, но безрезультатно. Испанцы умеют искусно оборонять участки такого рода: укрывшись за скалами и деревьями, они оказывали яростное сопротивление нашим полкам. Журдан потребовал, чтобы генерал действовал с большей силой, и Газан послал в поддержку авангарду Марансена бригаду дивизии Конру, а затем бригаду дивизии Даррико. Двух бригад было бы более чем достаточно, если бы они выдвинулись на высоту одновременно. Будучи выдвинуты раздельно, они застряли на склоне, из неудобного положения обстреливая испанцев, занимавших выгодную позицию, и не доставляя никакой помощи авангарду Марансена, терявшему множество людей. Так протекли два часа.

Король и маршал слали повторные приказы, и генерал Газан решился, наконец, двинуть на высоты дивизию Виллата. Дивизия быстро взшла по склонам Сьерра-де-Андиа под смертоносным навесным огнем, тесня испанцев снизу вверх, и отвела их к лесу, венчавшему вершины. Но в это время генерал Хилл, увидев, что фронт французов ослаблен в результате отправки на высоты бригад Конру и Даррико, а деревня Субихана на их левом фланге совершенно оголена в результате ухода дивизии Виллата, направил на деревню свои дивизии, энергично дебушировав из прохода, и захватил ее.

Оттеснить прорвавшихся на равнину англичан стало трудно. Маршал Журдан хотел бросить на них одну из дивизий д'Эрлона, располагавшуюся в резерве на правом фланге сзади. Но генерал уже направил обе свои дивизии в Треспуэнтес, где через Садорру пытались перейти войска Бересфорда. Резерва не осталось, и, в довершение бед, мощный огонь слышался из

глубины равнины, где держал оборону Рейль. Под давлением обстоятельств Жозеф и Журдан отдали приказ о попятном движении на высоту Суасо, откуда еще можно было мощным артиллерийским огнем остановить неприятеля, вырывавшегося на равнину через все выходы: справа по мосту через Садорру в Треспуэнтесе, спереди из прохода Пуэблы, слева с высот Сьерра-де-Андиа. Маршал Журдан предписал генералу Тирле, командующему артиллерией, разместить на высоте Суасо как можно больше пушек.

Эти приказы были исполнены лучше приказов, отданных Газану, и привели к результату, который имел перспективу стать решающим. Отойдя на высоту Суасо, Тирле в мгновение ока расставил на ней сорок пять орудий. Подпустив англичан, выходивших из прохода Пуэблы, и одну из колонн Бересфорда, форсировавшую Садорру в Треспуэнтесе, он накрыл их картечью. Поначалу придя в беспорядок, англичане перестроились, снова двинулись вперед, но снова были оттеснены. Если бы в эту минуту мы могли бросить на поколебленного неприятеля 4–5 тысяч человек, то смогли бы отбросить его в ущелье и нанести жестокое поражение. Но генерал Газан отошел не на высоту Суасо, а влево, на склон Сьерра-де-Андиа, оставив между своими войсками и войсками д'Эрлона зазор. Генерал д'Эрлон с двумя своими дивизиями всеми силами отстаивал переходы через Садорру выше и ниже Треспуэнтеса. Поэтому на решающей высоте Суасо мы располагали только артиллерией без поддержки. В глубине равнины Рейль держал оборону в Дуране, Гамарра-Майор и в Арриаге и всякий раз, как у него захватывали один из трех мостов, с редкостной силой отбивал его, но в то же время извещал, что вскоре будет прорван, если ему не окажут помощь. Оценив положение, маршал Журдан рекомендовал Жозефу дать приказ к отступлению, направив генерала на большую дорогу в Байонну через Салинас и Толосу, дабы спасти артиллерию. При отступлении через Сальватьерру и Памплону оставался шанс присоединить генерала Клозеля, но на этой дороге, из-за ее состояния, наверняка пришлось бы оставить все пушки.

Едва отдали приказ к отступлению, как он был исполнен, но без согласия и связности, которые могли предупредить неприятные последствия попятного движения. Д'Эрлон, не видя Газана на левом фланге и, напротив, заметив английскую кавалерию, готовую обрушиться на равнину, пытался опереться на Садорру при отступлении и оголил Виторию. Туда ринулась неприятельская конница, породив несказанную сумятицу. Дело в том, что конвой обозов, на спасение которого выделили одну дивизию, отбыл не полностью. Оставались еще сто пятьдесят орудий артиллерийского парка, множество беженцев, багажные обозы и наряды солдат, отправленных за продовольствием. Появление английских драгун вызвало у этих людей панический ужас, они с криками бросились врассыпную и первым делом устремились на дорогу в Байонну к перевалу Салинас. Но в верховьях Садорры на этой самой дороге шел жестокий бой Рейля с англичанами, и беглецы перекинулись на дорогу в Памплону.

Вперед рванулись с яростью, оставив в Витории множество снаряжения. Положение генерала Рейля в это время стало крайне опасным; он продержался, сколько мог, на Садорре, отбрасывая англичан и испанцев за реку всякий раз, как им удавалось прорваться через один из мостов, но, когда увидел отступавшие на Сальватьерру войска, решил и сам отступить в этом же направлении.

В этот роковой день французы потеряли около 5 тысяч убитыми и ранеными, англичане – почти столько же. Но у французской армии захватили 1500–1800 солдат в наряде и беженцев. Кроме того, мы оставили неприятелю 200 орудий, которые пришлось бросить из-за непроходимой дороги, более 400 зарядных ящиков и бесчисленное множество багажных повозок. Жозеф не спас даже собственную карету со всеми бумагами.

Естественно, всем хотелось бы знать, где всё это время находился генерал Клозель с 15 тысячами человек, которых он собирался привести на подмогу, и что делал на обратных склонах гор генерал Фуа с другими 15 тысячами, чье присутствие на роковой равнине Витория

могло оказаться так полезно. Фуа, которого отделяла от Жозефа только гора Салинас, не получил ни одного из посланных ему уведомлений и узнал о приходе армии в Виторию только в результате появления дивизии Мокюна, сопровождавшей обозы. Клозель, как только узнал о движении англичан и отступлении нашей армии, спешно собрал свои дивизии и 20-го прибыл в Логроньо, расспрашивал там о Жозефе, но жители разбежались или молчали, и никто не смог ему что-либо сообщить. Но он видел англичан, отправленных на поиски продовольствия, и по некоторым следам на дороге пришел к мысли, что французская армия передвинулась из Миранды на Виторию. На следующий день он решил двинуться на обратный склон Сьерра-де-Андиа, чтобы разведать, можно ли через эту гору добраться до Жозефа. Однако, не без оснований полагая, что между ним и Жозефом находится английская армия, Клозель двигался с осторожностью, не был обнаружен ни одним из крестьян, за ним посылавшихся, и к концу дня узнал, что Жозеф сражался весь день, после чего отступил. Утром 22-го, желая узнать всю правду и любой ценой оказать помощь армии, генерал решил взобраться на Сьерра-де-Андиа и окинуть взглядом равнину Витории. С вершины он увидел всю картину разгрома и, будучи отделен от Жозефа победившими англичанами, должен был позаботиться о собственном спасении. Не теряя самообладания, он вернулся к Эбро, добрался до Логроньо и, поскольку его по-прежнему отделяли от Жозефа англичане, принял одно из самых благоразумных и смелых решений, когда-либо принимавшихся на этой войне: прорываться к Сарагосе. Его решение было продиктовано желанием спасти собственный корпус и не менее сильным желанием прикрыть тылы маршала Сюше и обеспечить его отступление.

Журдан и Жозеф добрались до Памплоны с армией, чрезвычайно недовольной своими командирами, но не павшей духом, уменьшившейся только на 5–6 тысяч человек. Оба военачальника еще были в состоянии оказать сопротивление англичанам; кроме того, серьезные препятствия представляли для них и сами Пиренеи. Оставив по совету Журдана гарнизон в Памплоне, Жозеф послал Андалусскую армию в долину Сен-Жан-Пье-де-Пор, Центральную армию – в долину Бастан, а Португальскую – в долину Бидассоа, чтобы закрыть все проходы, переформировать артиллерию и положить конец разделению на три армии, только что вновь ставшему причиной досадных затруднений. Тем временем генерал Фуа, при поддержке Мокюна, искусно и смело противостоял англичанам, которые хотели спуститься с Салинаса на Толосу, и довольно далеко их оттеснил. Потеряли Испанию, но еще не границу, и в Империю, так долго бывшую захватчицей, еще не вторглись враги, хотя были уже весьма к этому близки!

Такой оказалась кампания 1813 года в Испании, печально известная разгромом у Витории, отметившим наши последние шаги в стране, где мы в течение шести лет бессмысленно проливали свою кровь и кровь испанцев. Результатом стали потеря Испании, угроза южной границе и уничтожение мощнейшего средства для переговоров с Англией: ибо при создавшемся положении уступить ей Испанию не представлялось возможным. Это означало необходимость новых жертв, вдобавок к тем, которых требовала Австрия. Заключение мира затруднилось как никогда, а все, кто считал, что настало время сокрушить Францию, обрели новую уверенность.

Понятно, почему Наполеон был крайне раздосадован. В общих чертах о событиях в Испании он узнал в минуту отъезда из Дрездена, а в Торгау, Виттенберге и Магдебурге, узнав из донесений министра Кларка подробности, был охвачен сильнейшим гневом. С Жозефом он обошелся крайне сурово.

«Я слишком долго рисковал ради дураков», – написал он Камбасересу, Кларку и Савари; а после такого вступления отдал самые суровые и унижительные для Жозефа приказания. Чтобы заменить его в Испании, он выбрал человека, который мог быть королю наиболее неприятен, – маршала Сульта, находившегося в ту минуту в Дрездене. Пожаловав Сульту звание главнокомандующего армиями в Испании и наделив его чрезвычайными полномочиями, Наполеон приказал ему отбывать немедленно, не задерживаться в Париже более чем на 12 часов, не встречаться ни с кем, кроме Камбасереса и Кларка, и тотчас отправляться в Байонну, чтобы

собрать там армию и дать отпор англичанам. Все эти меры были естественны. Однако дальше он приказал Жозефу немедленно покинуть Испанию, запретил ему ехать в Париж, предписал удалиться в Морфонтен и никого не принимать; поручил Камбасересу не разрешать высшим чиновникам посещать его (будто с их стороны можно было опасаться движений великодушия) и довершил свои предписания приказом арестовать его в случае нарушения этих повелений! Перестав доверять фортуне, Наполеон перестал доверять и людям и повсюду видел заговоры, зреющие против регентства жены и власти сына. Недовольный Жозеф окружит себя в Париже другими недовольными и захочет отобрать регентство у Марии Луизы – такие зловещие картины пронесли в возбужденном мозгу Наполеона и продиктовали ему бессмысленный приказ арестовать собственного брата.

Если бы испанские события, которые сделали врагов Наполеона более требовательными, сделали его самого более благоразумным и сговорчивым, можно было бы сказать, что несчастье счастьем помогло; но этого не случилось. Побывав в Торгау, Виттенберге и Магдебурге и проведя смотры войск, Наполеон вернулся в Дрезден, чтобы продолжить опасную игру – дотянуть до окончания перемирия без объяснений об условиях мира и добиться нового продления перемирия, в последнюю минуту выказав притворную готовность к серьезным переговорам.

Пруссия и Россия назначили своих полномочных представителей и отправили их в Прагу, куда те прибыли 11 июля, на день раньше предписанного срока. Вернувшись в Дрезден из своей пятидневной поездки 15 июля и получив, наконец, утвержденную Австрией, Пруссией и Россией новую конвенцию, Наполеон уже не мог откладывать назначение своих полномочных представителей. Представлять Францию на конгрессе в Праге он поручил Нарбонну и Коленкуру. Назначая Коленкура, Наполеон продолжал питать тайную надежду на прямое сближение с Россией и на мирный договор, который удовлетворит Россию и Францию, пожертвовав Германией в пользу двух великих империй Запада и Востока.

Эти два назначения, получившие всеобщее одобрение, произвели в Праге впечатление, несколько исправившее дурные последствия наших вечных отсрочек. Хотя наступило уже 16 июля и для переговоров оставалось не более тридцати дней, тем не менее всё можно было спасти даже теперь, если бы один досадный инцидент не доставил Наполеону правдоподобный предлог для новой отсрочки. В Ноймаркте находились представители воюющих сторон, образовавшие постоянную комиссию для ежедневного урегулирования вопросов, касавшихся перемирия. Когда французский представитель сообщил им о последней конвенции, продлевавшей перемирие до 10 августа, с шестидневным сроком между отменой перемирия и возобновлением военных действий, что переносило продолжение войны на 17 августа, прусский и русский представители, казалось, услышали об этом впервые и весьма удивились. Снесшись со штаб-квартирой союзников, они получили от главнокомандующего Барклая-де-Толли подтверждение на предмет конвенции и одновременно заявление, что военные действия возобновятся не 17, а 10 августа. Заявление это было сколь странным, столь и неожиданным.

И вот что на самом деле привело к ошибке, доставившей Наполеону прискорбный предлог для новой отсрочки. Окружавшие Александра и Фридриха-Вильгельма приближенные были столь пылки, что обоим государям стоило больших усилий добиться согласия на первое перемирие, несмотря на всю нужду, которую они в нем испытывали. Они не смогли отказать настоятельным просьбам Меттерниха и во втором перемирии; однако, согласившись, едва осмеливались в нем признаться. Император Александр, отбывая в Трахенберг, где должна была состояться генеральная конференция глав коалиции, сказал Барклаю-де-Толли, не вдаваясь в подробности, что согласился на продление перемирия до 10 августа, но не предоставит более ни дня. Выразившись подобным образом, император говорил только об основном сроке, не имея в виду исключения последующих шести дней, составлявших законный промежуток между объявлением и самим фактом военных действий, и предоставил дальнейшее обсужде-

ние деталей своим офицерам. Но Барклай-де-Толли, в избыточном стремлении к точности и соблюдению форм, не уступил никаким представлениям и объявил, что не желает брать на себя решение подобной трудности, не снесшись вновь с императором.

Узнав о странном недоразумении, Наполеон поначалу испытал неудовольствие. Но, поразмыслив, припомнил беседы с Меттернихом, расчеты времени, сделанные с ним вместе, и у него не осталось никаких сомнений насчет истолкования второй конвенции. Вовсе не обеспокоившись этим инцидентом, он решил им воспользоваться и извлечь из него новый и вполне правдоподобный предлог, чтобы выиграть еще несколько дней. Он приказал Нарбонну тотчас заявить в Праге, что, поскольку в Ноймаркте произошел странный инцидент и смысл конвенции, в силу которой будут происходить переговоры, поставлен под сомнение, он не считает ни достойным, ни безопасным для себя вести переговоры с людьми, подобным образом понимающими свои обязательства;

и что прежде чем он отправит Коленкура, он желает получить категорические объяснения по поводу слов, сказанных генералом Барклаем-де-Толли.

Когда в Праге стало известно о новой трудности, а это случилось 18 июля после прибытия депеши, отправленной из Дрездена 17-го, новость произвела весьма сильное впечатление. Прусский и русский представители притворились гораздо более раздраженными, чем были на самом деле, и даже оскорбленными. Но Меттерних был подавлен, а император Франц – глубоко задет. И тот и другой желали мира, хотя император верил в него меньше, чем министр, и уменьшение шансов на заключение такового вызывало у обоих искренние сожаления.

Меттерних встретился с Нарбонном и засвидетельствовал ему свое глубочайшее огорчение. «Новая трудность, о которой вы заявили, – сказал он, – не серьезнее предыдущей. Ваше поведение говорит только о намерении императора Наполеона дотянуть до окончания перемирия, так ничего и не сделав. Но пусть он не заблуждается, ему более не удастся продлить перемирие ни на день. Императору Наполеону не следует питать иллюзий и по другому, весьма важному пункту. С наступлением 10 августа всякие переговоры о мире прекратятся, мы объявим войну. Мы не останемся нейтральными, пусть он не надеется. После того как мы употребили все вообразимые средства, чтобы добиться разумных условий, нам, в случае его отказа, не останется ничего другого, как самим вступить в войну, и он должен это понимать. Сегодня, что бы вам ни говорили, мы свободны. Даю вам слово от себя и от моего государя, что у нас нет обязательств ни перед кем. Но я также даю вам слово, что в полночь 10 августа мы заключим договоренности со всеми, кроме вас, и что утром 17-го к числу ваших врагов прибавятся триста тысяч австрийцев. И не говорите потом, что мы вас обманули! До полуночи 10 августа возможно всё, даже в последнюю минуту; но после наступления 10 августа не будет ни дня, ни минут отсрочки – только война, война со всеми, даже с нами!»

Нарбонн, прекрасно оценивая положение и понимая, что не надлежит более играть со временем и с людьми, ибо подобные действия никого более не введут в заблуждение и обмануть можно только самих себя, написал герцогу Бассано, что надо либо решаться на войну, неизбежную и со всей Европой, либо приступить к переговорам всерьез. И даже если желательно новое продление перемирия, не стоит насмехаться над теми, с кем ведутся переговоры. Он просил срочно прислать Коленкура, ибо прусский и русский переговорщики ежедневно грозили удалиться (на что имели право, ибо наступило уже 20 июля, а они ждали с 11-го). Если же они покинут Прагу, всё будет кончено.

Столь благоразумные советы, продиктованные превосходным пониманием положения, не особенно подействовали на Маре и еще менее – на Наполеона. Последний был не чужд надежде на новое продление перемирия и впадал в странную иллюзию, что добьется его. По правде говоря, он сомневался, что на продление согласятся Пруссия и Россия, но задумал отсрочить начало военных действий не со всеми державами, а с одной Австрией, что дало бы ему время сокрушить Пруссию и Россию, а затем перекинуться на Австрию. Для этого тре-

бывалось начать переговоры к концу перемирия, внушив некоторые надежды Меттерниху и императору Францу, и добиться продолжения переговоров после возобновления военных действий, что было возможно и случалось уже не однажды. Такой ход мог задержать вступление в войну Австрии, ибо она, вероятно, не захотела бы начинать войну с Францией, пока ее условия имеют шанс быть принятыми.

Но для этого нужно было что-то делать, и Наполеон приказал отправить Нарбонну его полномочия и инструкции, которые до сих пор удерживались, с предоставлением двум французским представителям права вести переговоры в отсутствие друг друга. Теперь не было оснований говорить, что переговоры приостановлены. Но, хотя заслуги Нарбонна оценивались по достоинству и в Австрии, и в Европе, только Коленкур слыл человеком, посвященным во всю полноту замыслов Наполеона, и пока он не прибыл в Прагу, все были склонны считать переговоры несерьезными. На этот счет Наполеон велел повторить, что отправит герцога Виченского, как только разъяснится недоразумение, случившееся в Ноймаркте.

Дабы преуспеть в своей тактике, он решил одновременно с началом переговоров осуществить вторую запланированную на конец июля поездку и повидаться в Майнце с императрицей. Наполеон и в самом деле назначил Марии Луизе свидание в Майнце на 26 июля, дабы провести с ней несколько дней, но главное, устроить смотр дивизий, предназначавшихся для корпусов Сен-Сира и Ожеро. Перед отъездом он оставил полномочия для Коленкура, который должен был отправиться в Прагу, как только от представителей в Ноймаркте будет получен удовлетворительный ответ о точных сроках перемирия. К полномочиям Наполеон добавил инструкции, согласованные с Маре, чтобы Коленкур, по прибытии в Прагу, мог правильным образом потратить 7–8 дней до возвращения Наполеона.

Наступило 24 июля, а ответа из Ноймаркта ждали не раньше 25-го или 26-го. Коленкур должен был пуститься в путь на следующий день, потратить день-два на знакомство с полномочными представителями, а пять-шесть дней – на обсуждение вопроса о передаче полномочий и о форме заседаний. Так было бы нетрудно дотянуть до 3–4 августа, вероятного срока возвращения Наполеона в Дрезден, и тогда он сам наметил бы дальнейшие планы. Итак, 24 июля Наполеон отбыл в Майнц.

Двадцать шестого июля посланники в Ноймаркте дали, наконец, удовлетворительный ответ о точных сроках, признав, что главнокомандующий Барклай-де-Толли неверно понял слова государя о том, что перемирие закончится только 16-го, а военные действия возобновятся 17-го. Недоразумение произошло из-за того, что император Александр недостаточно ясно выразился, сообщая об уступке, ставившей его в неловкое положение перед нетерпеливыми сторонниками войны. Император Александр находился тогда в Трахенберге, куда отбыл из Райхенбаха вместе с королем Пруссии и большинством генералов коалиции на совещание с принцем Швеции о будущих операциях. Это собрание совсем не нравилось русским и германским офицерам, особенно последним. Говорили, будто Бернадотту пожалуют важный командный пост; на дороге его встречали с необычайными почестями. Все эти любезности в отношении человека, не имевшего в глазах германцев и русских иного достоинства, кроме звания французского генерала, возбуждали сильнейшую ревность в главных штабах союзников. Перспектива оказаться помещенными под его командование была им в высшей степени неприятна.

К сожалению, речь шла и о другом французском генерале, на сей раз великом воине, наделенном подлинными гражданскими и воинскими добродетелями и награжденном за огромные заслуги не королевской короной, как был награжден за посредственные – Бернадотт, а изгнанием. Этим генералом был знаменитый Моро. Он приехал в Стокгольм по приглашению Бернадотта, который, казалось, спешил обзавестись подражателями. Его приезд вызывал всеобщую озабоченность; поговаривали, что Моро станет советником Александра, что было еще одной причиной недовольства русских и германских военных.

Как бы то ни было, Бернадотт прибыл в Трахенберг и получил у императора Александра и короля Пруссии чрезвычайно любезный прием. Однако этими показными любезностями он был обязан не столько своим талантам, сколько сомнениям в его верности и желанию продемонстрировать всем соратника Наполеона, утомленного владычеством последнего до такой степени, что он обратил оружие против него. До дня окончательного разрыва с Данией и присуждения Норвегии Швеции новый швед поочередно обещал, колебался и даже угрожал, но, наконец, принял решение и привел в движение двадцать пять тысяч шведов. В награду за свой контингент он демонстрировал странные притязания. Он хотел быть главнокомандующим или командовать хотя бы армиями, которыми не командуют лично государи-союзники. Ему мягко возражали и постепенно умилили его требовательность тем простым доводом, что расположение различных армий не позволяет им действовать в непосредственной близости друг от друга и потому они не могут быть объединены под началом одного командующего.

В результате дебатов, продолжавшихся с 9 по 13 июля, выработали план кампании, основанный на сотрудничестве с австрийцами, ибо всеобщее убеждение в том, что Наполеон не примет мир, позволяло считать их войска, собранные в Богемии, Баварии и Штирии, готовыми к сотрудничеству с русской и прусской армиями.

Понимая опасность схватки с Наполеоном, предполагали атаковать его, продвигаясь к Дрездену всей массой сил, не теряя надежды собрать 800 тысяч солдат, в том числе 500 тысяч на первой линии. Трем главным действующим армиям предстояло оттеснить Наполеона с дрезденской позиции, где он хотел установить, по всем наблюдениям, центр своих операций. Первая армия, в 250 тысяч человек, сформированная в Богемии из 130 тысяч австрийцев и 120 тысяч пруссаков и русских, помещенная, дабы польстить Австрии, под командование австрийского генерала, должна была наступать на фланг Наполеона через Богемию. Вторая армия в Силезии, в 120 тысяч человек, под командованием генерала Блюхера, состоявшая из равных количеств пруссаков и русских, должна была через Лигниц и Бауцен двигаться прямо на Дрезден. Третья армия, в 130 тысяч человек, состоявшая из шведов, пруссаков, русских, германцев и англичан под командованием Бернадотта, планировала двинуться от Берлина на Магдебург.

Договорились, что все три армии будут двигаться с осторожностью, избегая непосредственных столкновений с Наполеоном; отступать при его появлении и нападать на тех генералов на флангах и в тылах, которых он оставит; снова отступать, когда он придет на помощь угрожаемому генералу, и тотчас бросаться на другого, стараясь таким способом измотать его; когда же Наполеон будет достаточно ослаблен – воспользоваться благоприятной минутой, атаковать его и задушить в тысячеруких объятиях коалиции. Если же кто-либо из командиров будет разбит, несмотря на рекомендацию не совершать дерзких вылазок и быть осторожным с Наполеоном и храбрым с его генералами, не нужно отчаиваться, ибо в резерве остается 300 тысяч человек, готовых пополнить ряды действующей армии и сделать ее непобедимой. Словом, было решено победить или умереть всем до последнего.

Заклучив подобные договоренности, Александр и Фридрих-Вильгельм вернулись в Райхенбах, чтобы дожидаться исхода переговоров, в результативность которых они вовсе не верили. По их возвращении и был дан ответ представителями в Ноймаркте, уничтожавший последний предлог для дальнейшего удерживания Коленкура в Дрездене.

Двадцать шестого июля этот достойный и доблестный человек получил от министра Маре инструкции, которые оставил для него Наполеон перед отъездом в Майнц, и отбыл в Прагу, где его с нетерпением ждали. Оказанный ему там прием был достоин его самого и уважения, которое он приобрел в Европе. При известии об отъезде Коленкура всякие переговоры были приостановлены до его прибытия. Вступив в сообщение с русским, прусским и австрийским полномочными представителями, он возобновил обсуждение с Меттернихом старой темы о том, что передавать полномочия и переговариваться об обсуждаемых предметах возможно только

на общих собраниях, на виду и под председательством посредника, но не в беседах всех со всеми. Меттерних, поговорив откровенно с Коленкуром, показал ему бессмысленность дальнейшего обсуждения форм: ибо следовать по пути, на который они вступили, полномочных представителей Пруссии и России обязывали самолюбие и интерес – самолюбие, потому что они уже вручили свои полномочия посреднику, интерес, потому что хотели избежать обвинений в тайных сделках с французской дипломатией, полагая, что переговоры посредством вручения нот посреднику являются единственным средством, не поддающимся каким-либо ложным истолкованиям.

Меттерних заявил, что по этим причинам они не согласятся уступить, что они к тому же не особенно желают мира, слабое желание не заглушит в них самолюбия и заинтересованности, а потому все дискуссии с ними бесполезны. К тому же, добавлял он, понятно, что Наполеон не испытывает ни малейшего желания добиться результата, пока пытается сражаться на подобном участке, и не хочет сделать ни шага к миру, а потому бесполезно волноваться ради получения уступок по вопросам форм, которые не приведут ни к чему по существу дела. Остается ждать, и ждать до последней минуты, ибо с таким необыкновенным характером, каков характер Наполеона, возможно всё; и возможно, что в последний день, в последний час он вдруг пошлет приказ вести переговоры на приемлемых условиях и тогда исходом положения, ныне безнадежного, станет мир. В этом маловероятном, но допустимом предположении Меттерних будет ждать до полуночи 10 августа, но в полночь подпишет от имени своего государя договор об альянсе с державами коалиции и перейдет в стан наших самых решительных противников, готовых победить или погибнуть.

Австрийский министр повторил все эти слова, уже сказанные им Нарбонну, таким спокойным, но твердым тоном, с выражением такой симпатии к Коленкуру и столь явной искренностью (ибо не следует думать, что дипломаты всегда лгут), что Коленкур не мог противостоять очевидности. Поэтому с присущей ему правдивостью он тотчас написал Маре, которого не боялся, и Наполеону, которого боялся очень сильно, чтобы еще раз дать им знать, насколько велика и даже несомненна опасность скорого присоединения Австрии к коалиции, что делает объединение Европы против Франции полным и окончательным. Он говорил, что наше положение, опасное, но переносимое в 1792 году, когда мы только встали на путь революций, были исполнены страсти и надежды и подверглись несправедливому нападению, стало гибельным сегодня, когда мы изнурены, виноваты перед всеми и все испытывают в нашем отношении негодование, которое в 1792 году было нашей силой.

Наполеон находился в ту минуту в Майнце, куда отправился, как мы сказали, дабы провести несколько дней с императрицей, осмотреть по дороге войска на марше и строившиеся укрепления, словом, всё, что нуждалось в его присутствии, чтобы быть усовершенствованным или завершенным. Отбыв в ночь на 25 июля, он прибыл вечером 26-го в Майнц, где его ожидали блестящий двор, явившийся из Парижа следом за императрицей, и великое множество приближенных, прибывших для получения непосредственных распоряжений. Наполеон нашел Марию Луизу огорченной, прячущей слезы на публике, но без колебаний проливавшей их перед ним, ибо она была искренне привязана к своему славному супругу, дрожала за его жизнь и фортуна и боялась, как бы новое объявление войны Австрией не пробудило во Франции народную ненависть, жертвой которой пала несчастная Мария-Антуанетта. Она хотела бы удержать во французском альянсе своего отца, которого любила и который любил ее, но не могла победить ни спокойную непреклонность императора Франца, ни необузданный нрав Наполеона и делала то, что делают все женщины, когда они бессильны, – плакала. Тайна встречи Наполеона с Марией Луизой осталась неразгаданной, и, вероятно, потому, что никакой тайны и не было, ибо Наполеон не хотел обременять жену ничем, а дела в Праге велись таким образом, что она не могла оказать никакой услуги. Он желал только ее видеть,

утешить и публично засвидетельствовать свою любовь к ней, чтобы произвести нужное впечатление на Австрию и на Европу. Но Наполеон доставил государыне удовольствие и провел с ней несколько дней, тем временем отправляя великое множество гражданских и военных дел.

Савари хотел приехать в Майнц, чтобы попытаться убедить Наполеона в необходимости мира, осведомив его о состоянии общественного мнения и об опасности окончательно оттолкнуть от себя французов. Общество и в самом деле пребывало в крайней тревоге с тех пор, как начало опасаться, что столь поздно собравшийся конгресс останется безрезультатным. Враги Наполеона были исполнены надежд, большая часть населения была исполнена печали и злобствующих предчувствий. Любовь уже прошла, рождалась ненависть, заглушавшая восхищение. В Северной Германии и Голландии слышались крики «Да здравствует принц Оранский!», во всей Германии – «Да здравствует Александр!». Во Франции не осмеливались кричать «Да здравствуют Бурбоны!», но о них начинали вспоминать; из рук в руки передавали манифест Людовика XVIII, обнаруженный в Хартвелле, который произвел бы, несомненно, большое впечатление, если бы не носил на себе следы многочисленных эмигрантских предрассудков. Все эти подробности Савари и намеревался сообщить Наполеону, которому верно служил, но тот, не пожелав, чтобы ему докучали тем, что он называл внутренней шумихой, отказался его принять и приказал оставаться в Париже под предлогом, что именно там и необходимо его присутствие.

Прибегнув к способу действия, весьма обыденному для правительства, которое упорствует в заблуждениях и видит в проявлениях общественного мнения акты, нуждающиеся в подавлении, а не уроки, наводящие на размышления, Наполеон развернул против духовенства целый ряд суровых мер, более чем странных смелостью произвола. Духовенство, естественно, не пренебрегало никаким случаем приумножить враждебные манифестации, особенно в Бельгии, и своими ошибками провоцировало ошибки власти. Конкордат Фонтенбло, с выдающейся недобросовестностью отвергавшийся тайной корреспонденцией кардиналов, рассматривался всем духовенством как несостоявшийся. Упорно не признавались новые прелаты, назначенные Наполеоном и так и не утвержденные Пием VII, несмотря на его обещание. Новые епископы Турнейский и Гентский, захотев явиться в свои епархии и совершать богослужения в своих митрополиях, вызвали настоящий мятеж со стороны духовенства и верующих. Когда они выходили к алтарю, священники и паства разбегались, оставляя прелатов почти в одиночестве перед дарохранительницей. Турнейские и гентские семинаристы участвовали по внушению своих преподавателей в беспорядках. В число провинившихся попала также некая ассоциация женщин, бегинок, которые жили в Генте в общине, не подвергая себя строгостям монастырской жизни; ассоциацию обвиняли в том, что она оказывала на духовенство огромное влияние.

Наполеон приказал разогнать бегинок, заключить в государственные тюрьмы нескольких членов турнейского и гентского капитулов, других выдворить в отдаленные семинарии и подобным же образом действовать в отношении преподавателей. Достигших восемнадцатилетнего возраста семинаристов он повелел отправить в полк в Магдебург на том основании, что они, подпадая под закон о конскрипции, освобождались от него, чтобы сделаться служителями культа, а не пособниками волнений, и теперь подобная милость прекращается по воле государя, ибо он счел, что ее более не достойны. Тех же, кому еще не исполнилось восемнадцати, надлежало отослать в их семьи.

Непрестанно обдумывая, как набрать в армию людей, Наполеон задумал новый вид призыва, который надеялся сделать легко переносимым, придав ему характер срочности и местного назначения. Например, поскольку под угрозой вследствие последних событий в Испании оказалась пиренейская граница, Наполеон задумал призвать 30 тысяч человек из четырех последних призывов во всех департаментах от Бордо до Монпелье. Поскольку новобранцы призывались защищать собственную землю, такой призыв был в некотором роде подобен при-

зыву к крестьянам защищать их хижины, а к горожанам – их собственные города. Срочность нужды должна была заставить жалобы умолкнуть, ибо теперь никто не смог бы сказать, что Наполеон забирает людей, чтобы отправить их умирать на Эльбе и Одере ради служения его честолюбию. Поскольку мысль показалась ему замечательной, он захотел применить ее к северным и восточным департаментам, обратившись к департаментам старой Франции (которые уже в течение двадцати лет несли на себе всё бремя войны) и затребовать у них 60 тысяч человек. Но поскольку его призывы начинали слишком походить на всеобщую воинскую повинность, Наполеон решил отложить второй призыв на два-три месяца. Тем не менее 30 тысяч человек из департаментов, соседствующих с Пиренеями, он приказал призвать безотлагательно.

Соединяя с этими трудами непрерывные смотры войск и постоянные инспекции снаряжения, Наполеон не смог уделить много времени императрице, но осыпал ее самыми нежными свидетельствами привязанности, одновременно искренними и расчетливыми. Он не хотел, чтобы общественное мнение перенесло вину за новую войну с Австрией на брак, который он по-прежнему считал полезным для своей политики, и желал оставить австрийского императора под бременем прежних обязательств в отношении дочери, ибо чем лучшим мужем Наполеон себя выказывал, тем менее он освобождал Франца от обязанности быть хорошим отцом. Наполеон уступал, следует признать, и склонности собственного сердца, ибо был тронут привязанностью, которую, казалось, внушил благородной дочери цезарей. Желая побереечь ее, он даже не сказал ей, что война неизбежна и будет серьезной; тогда как в письмах к Евгению в Милан, к Раппу в Данциг, к Даву в Гамбург признался в истинном положении дел и предписывал быть готовыми к 17 августа. Он даже рекомендовал Камбасересу обеспечить отъезд Марии Луизы до окончания перемирия, дабы она узнала о военных действиях лишь через много дней после их возобновления и, быть может, после какого-нибудь великого сражения, способного ее успокоить. Так он хотел отвлечь и утешить жену и заставить Францию полюбить эту молодую женщину, регента Империи, мать и опекуншу его сына, которой назначалось заменить его, если он падет от неприятельского ядра.

Проведя с Марией Луизой время с 26 июля по 1 августа, Наполеон обнял ее в присутствии всего двора и, оставив в слезах, отбыл во Франконию. Он уже осмотрел в Майнце дивизии Ожеро, завершавшие формирование на берегах Рейна. В Вюрцбурге находились две дивизии Сен-Сира, в настоящее время двигавшиеся к Эльбе, где должны были занять позицию в Кёнигштайне. Они показались Наполеону превосходными, довольно хорошо обученными и воодушевленными всеми чувствами, каких он только мог желать. Он осмотрел крепость Вюрцбурга, цитадель, склады, словом, всё военное расположение, которое хотел превратить в один из важных пунктов своей линии коммуникаций, а затем направился на Бамберг и Байройт, где провел смотр других дивизий Сен-Сира и баварских дивизий, которым назначалось войти в состав корпуса Ожеро. После чего Наполеон отбыл в Эрфурт, а вечером 4 августа возвратился в Дрезден. Ранним утром 5 августа он был уже на ногах и трудился, торопясь потратить с пользой последние дни перемирия.

В самый день его приезда в Дрезден настоятельные просьбы Коленкура и Нарбонна предоставить им право вести серьезные переговоры стали как никогда горячими. Будто они ему надоели, Наполеон обратился к двум переговорщикам с упреками за то, что они, по его словам, позволили Меттерниху прижать их. Он заявил, что им недостает гордости, коль скоро они позволяют австрийскому министру говорить им, что в таком-то и таком-то случае Австрия присоединится к врагам Франции и объявит ей войну, будто честное предупреждение о том, что будет сделано в случае несогласования некоторых условий, может быть оскорбительным. Но после этих незаслуженных и неуместных выговоров он занялся более серьезным делом. Он уже не считал, что сможет добиться нового продления перемирия; к тому же чувствовал себя готовым к войне и желал теперь только отсрочить вступление в военные действия Австрии.

Но был только один способ склонить Австрию к подобному поведению – видимость искренних переговоров и даже серьезные надежды на заключение мира. Поэтому Наполеон принял решение осуществить прогноз Меттерниха, сказавшего, что с таким необыкновенным характером, как у Наполеона, никогда не следует ни в чем отчаиваться, и, возможно, в последний день и в последний час переговоры завершатся благополучным образом. Наполеон решился, в то время как полномочные представители будут продолжать терять время в пустых обсуждениях форм, поручить Коленкуру сделать серьезное секретное сообщение Австрии, единственной державе, с которой были возможны прямые переговоры. Если подобный демарш увенчается миром, Наполеон был бы доволен, но только в том случае, если условия, которых он не хотел, будут удалены: он льстил себя надеждой добиться от Австрии и этого, но в последнюю минуту, когда перед ней встанет окончательный выбор между войной и миром.

Он предписал Коленкуру (в отношении Нарбонна тайна должна была сохраняться, чтобы переговоры получили еще более интимный характер) отправиться к Меттерниху, подойти прямо к нему и сказать, что он, Коленкур, желает использовать оставшиеся пять дней на то, чтобы убедиться в существовании дела, особенно в том, что касается Австрии; что ее решительно спрашивают об условиях, на которых она вступит с Францией в переговоры или в войну; что ее настоятельно просят объявить эти условия с предельной точностью, чтобы на них можно было ответить с равной точностью и без промедления, ответить «да» или «нет». Герцог Виченский должен был заметить Меттерниху, до какой степени это сообщение секретно, поскольку о нем неизвестно даже Нарбонну; он должен был настаивать, чтобы оно осталось неизвестно также прусскому и русскому переговорщикам, и даже в том случае, если будет достигнуто согласие. Ведь и в самом деле, достаточно воспроизвести на официальных переговорах предложения, тайно обговоренные с Австрией на переговорах скрытых, чтобы заставить их принять, и, поскольку в конечном счете для переговоров осталось время не до 10 августа, а до 17-го, было возможно, в случае немедленного ответа на настоящее предложение и получения его 7-го, доставить Меттерниху сообщение о бесповоротном принятии Францией идей Австрии уже 9-го, неожиданно придав таким образом конгрессу, накануне его роспуска, серьезность и действенность.

К сожалению, обратившись, наконец, к Австрии с таким предложением, запоздалым, но не без надежды на успех, Наполеон прибавил к нему донельзя оскорбительную ноту. В ней открыто заявлялось, что формальные трудности, возведенные представителями воюющих держав, обнаруживают их истинные намерения – вовлечь Австрию в войну, воспользовавшись либо ее недобросовестностью, либо ее заблуждением, что было одинаково нелестно как для одних, так и для других. Нарбонн и Коленкур должны были совместно вручить эту странную ноту Меттерниху, а после ее вручения Коленкур должен был, застав Меттерниха одного и тайно заговорив с ним, сделать ему вышеуказанное предложение.

Содержавшие столь противоречивые приказы депеши, отбыв 5 августа из Дрездена, прибыли в Прагу 6-го, весьма удивили Коленкура и преисполнили его радости, смешанной с печалью, ибо он не чаял довести до благополучного завершения эти переговоры *in extremis* за недостатком времени. К тому же официальная нота заставляла его опасаться скандала, который весьма повредил бы успешности усилий. Нота, предназначенная для обнародования, оскорбила Меттерниха; но его удивление достигло предела, когда, после того как оба французских переговорщика его покинули, он вдруг снова увидел у себя Коленкура, доставившего важнейшее сообщение. Он выразил сожаления о том, что подобный демарш не был предпринят несколькими днями ранее, ибо тогда было бы возможно, не нарушая рекомендованной тайны, прозондировать Пруссию и Россию по некоторым деликатным пунктам и добиться примирения трудностей, которые вероятно разделят воюющие дворы. Тем не менее, поскольку у Австрии спрашивают о ее собственных условиях, которые она согласна подкрепить всем своим влия-

нием и принятия которых она решится потребовать от Пруссии и России, он намерен посоветоваться со своим повелителем и ответить в двадцать четыре часа.

И Меттерних отправился в город Брандейс, где в то время находился император Франц, нашел его весьма разгневанным официальной нотой от 6 августа и вызвал у него не меньшее удивление, рассказав о неожиданном демарше главного французского переговорщика. Император Франц и его министр задумались, было ли предложение Наполеона результатом силы или хитрости; обуздал ли он ради высоких целей свою гордость, чтобы прийти к согласию с европейскими державами, или же хочет спровоцировать членов коалиции на какое-нибудь чрезмерное требование, дабы предъявить его французской публике в качестве оправдания войны. Они признали, что в обоих случаях следует ответить без колебаний, ибо, если он желает мира, с ним должно объясниться откровенно; если же пытается спровоцировать неприемлемое предложение, нужно его поразить, направив ему условия, уже давно выработанные, которые Франция наверняка не сочтет позорными. Было решено дать Наполеону знать об этих условиях, которые, к тому же, не стали бы для него новостью, потребовав сохранения тайны, которого требовал и он сам, и ответа в течение сорока восьми часов, ибо после вечера 10 августа времени уже не останется.

Меттерних вернулся в Прагу и доставил ответ Коленкуру, по-прежнему без ведома Нарбонна. Меттерних сказал, что его повелитель спрашивал себя, является ли это столь неожиданное и запоздалое сообщение Наполеона демаршем силы или хитрости; что если это демарш силы, как он предпочитает думать о своем зяте, то он обязан ему откровенным ответом; а если это демарш хитрости, то он также считает должным ответить, ибо доставленные им условия можно открыто признать перед всем миром и особенно перед Францией. И министр сделал устное заявление, которое позволил тотчас записать под диктовку и которое обладает такой важностью, что мы намерены воспроизвести его буквально.

«Инструкции для графа Меттерниха, подписанные императором Австрии.

Меттерних требует от герцога Виченцы, под его слово чести, обязательства, что его правительство сохранит в абсолютной тайне предмет, о котором идет речь.

Зная из предварительных конфиденциальных объяснений условия, которые ставят дворы России и Пруссии для мирного соглашения, и присоединяясь к их точкам зрения, поскольку считаю эти условия необходимыми для блага моих государств и других держав и единственными, способными действительно привести к всеобщему миру, я без колебаний излагаю статьи, содержащие мой ультиматум.

Я ожидаю ответа “да” или “нет” в течение дня 10 июля. Я решил заявить днем 11-го, как это будет сделано и со стороны России и Пруссии, что конгресс распущен, а я присоединяю свои силы к силам союзников, чтобы завоевать мир, совместимый с интересами всех держав, и отказываюсь от настоящих условий, дабы их будущее было решено исходом войны.

Все предложения, сделанные после 11-го, не могут быть связаны с настоящими переговорами.

Условия, на которых Австрия считает возможным заключение мира.

Упразднение герцогства Варшавского и его раздел между Австрией, Россией и Пруссией; тем самым Данциг отходит Пруссии.

Восстановление Гамбурга и Любека в качестве свободных ганзейских городов и возможное и связанное с всеобщим миром соглашение по другим частям 32-го военного округа, а также по отказу от протектората над Рейнским союзом, дабы независимость всех нынешних государей Германии была гарантирована всеми великими державами.

Восстановление Пруссии с годной для обороны границей по Эльбе.

Уступка Иллирийских провинций Австрии.

Взаимная гарантия, что состояние владений великих и малых держав, каким оно будет зафиксировано при подписании мира, не будет ни изменено, ни повреждено, ни одной из них».

К своему сообщению Меттерних добавил несколько чрезвычайно важных объяснений. Он сказал, что до вечера 10 августа у Австрии не будет договоренностей с воюющими державами, что до тех пор она сможет вести конфиденциальные переговоры с Наполеоном, принимать его предложения и даже навязывать их державам коалиции, но начиная с 11-го, она будет связана с ними, не сможет ничего выслушивать, не сообщая им об этом, и будет вынуждена не допускать никаких условий мира без их согласия.

Эти замечания заслуживали самого серьезного внимания, ибо разница между переговорами 10-го и переговорами 11-го или 12-го состояла в зависимости от Австрии, которая желала мира, потому что боялась войны, и в зависимости от держав коалиции, которые не хотели мира, потому что от войны ожидали большего.

Ответ, доставленный Меттернихом 8 августа и переписанный днем, мог дойти до Наполеона только 9-го, и действительно дошел до него 9 августа в три часа после полудня. Надо было бы, подписываясь под жертвами, которых от него требовали и которые являлись только жертвами самолюбия, решиться на них тотчас и отправить ответ прямо вечером 9-го, дабы утром он прибыл в Прагу, сопровождаемый полномочиями для Коленкура. Но ничего этого Наполеон, к сожалению, не сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.